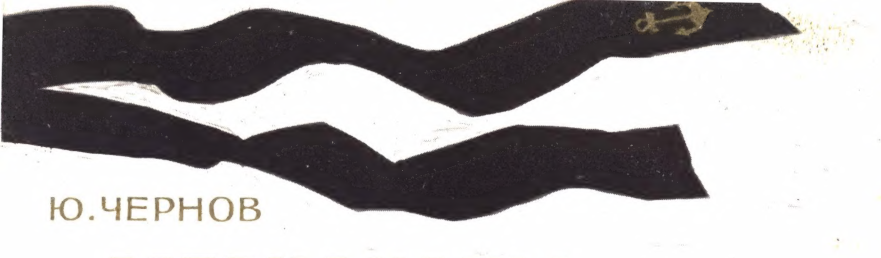

Ю. ЧЕРНОВ

МЕРИДИАНЫ БАЛТИЙСКОЙ СЛАВЫ

Ю. Чернов

МЕРИДИАНЫ БАЛТИЙСКОЙ СЛАВЫ

(По следам защитников Моонзундского архипелага)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1968

9(С)27
Ч-49

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
1. Ключевая позиция на Балтике . . 9
2. Война погасила маяки 16
3. На земле и в воздухе 33
4. Зарево над Моонзундом 40
5. Фашисты высаживают десант . . 46
6. Героическая 43-я 58
7. Сааремаа в огне 66
8. На полуострове Сырве 73
9. Судьба героев 97
10. В боях за Хийумаа 104
11. На оккупированном архипелаге . . 128
После войны (Эпилог) 149

Редактор *Г. М. Игнаткович*
Художник *Б. А. Зеленский*
Художественный редактор *С. И. Сергеев*
Технический редактор *Е. И. Каржавина*

Сдано в набор 22 ноября 1967 г. Подписано в печать 1 февраля 1968 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Условн. печ. л. 8,82. Учетно-изд. л. 8,19. Тираж 100 тыс. экз. А04122. Заказ № 931. Цена 25 коп.

Политиздат, Москва А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16.

1—6—4
123—68

От автора

В суровую блокадную зиму 1942 года в Ленинграде состоялась встреча балтийцев. Были среди них и представители двух поколений, оборонявшие острова Моонзундского архипелага. В большом холодном зале, где вполнакала светили электрические лампочки и тянуло холодом от заиндевевших прямоугольников фанеры, вставленных вместо стекол, собрались те, кто в канун Великого Октября преградил путь флоту кайзера в Финский залив, а потом штурмовал Зимний, защищал молодую республику от полчищ белых и интервентов. Были там и воевавшие на Моонзунде в 1941 году.

Участники встречи обратились ко всем защитникам города-героя с призывом: «Балтийцы! Помните о доблести героев Моонзунда. Матросская слава да идет флагманом впереди наших боевых кораблей!»

Кто же они, эти герои? Когда и чем отличились?

...На северо-западе Эстонской ССР, у выхода из Финского залива в Балтийское море, расположен Моонзундский (Западно-Эстонский) архипелаг — без малого тысяча островов. Наиболее крупные из них — Эзель (ныне Сааремаа), Даго (Хийумаа), Моон (Муху), Вормс (Вормси). Площадь архипелага составляет свыше 4 тысяч квадратных километров. С севера на юг он протянулся на 150 километров, с востока на запад — на 110 километров. Длина берегой черты, которую предстояло оборонять советскому гарнизону, превышала 800 километров.

Морское прошлое нашей страны неразрывно связано с этими островами. Здесь отличились русские

моряки парусного флота. В октябрьские дни 1917 года балтийцы стойко обороняли Моонзунд. Это о них всего за неделю до Великого Октября писал В. И. Ленин: «Воюют геройские матросы...» Но еще ярче горит слава советского гарнизона, защищавшего острова в черную пору фашистского нашествия.

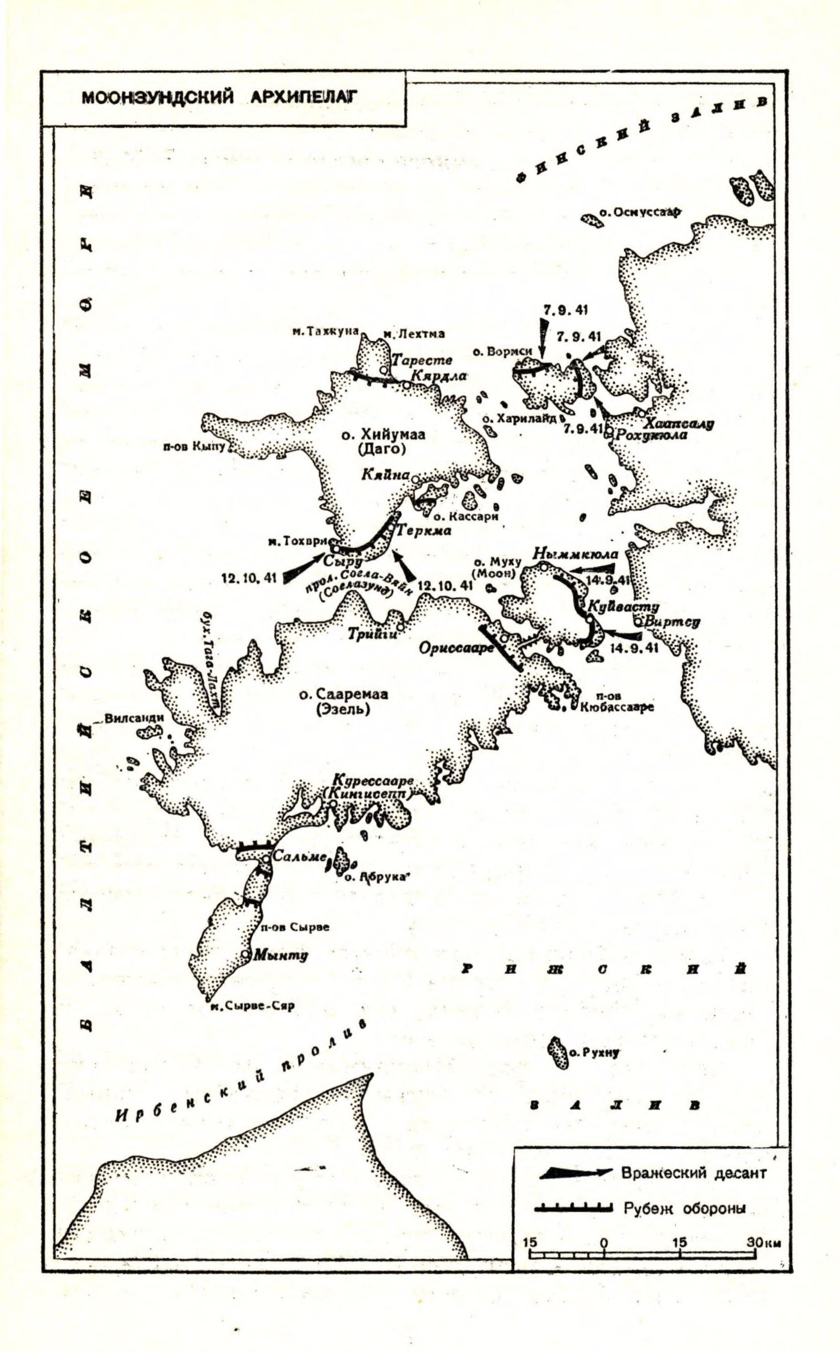
Три с половиной месяца длилась оборона Моонзундского архипелага, окруженного врагами, с июльских дней 1941 года отрезанного от остальной советской земли. Против советского гарнизона гитлеровцы бросили 61, 217 и 291-ю пехотные дивизии, инженерные части, авиационную и артиллерийскую группы. И три с половиной месяца, день за днем, в наиболее критическое для Ленинграда время, моонзундцы приковывали к себе значительные силы врага.

Это был коллективный подвиг моряков-балтийцев, частей 3-й отдельной стрелковой бригады и двух батальонов 16-й стрелковой дивизии, которые составляли 24-тысячный гарнизон Моонзунда. Даже если допустить, что весь советский гарнизон (в том числе и тылы) был равномерно распределен для обороны побережья, то и в этом случае на каждый километр береговой черты пришлось бы всего по 30 бойцов, а каждая береговая батарея приходилась бы на 65 километров. Положение обороняющихся было очень тяжелым. На Большую землю сквозь огненные заслоны прорвалось всего несколько сот человек. Многие погибли. Остальные, главным образом раненые, оказались в плену.

Газета «Красный Балтийский флот» в дни боев писала: «Оборона острова Эзель — пример массового героизма. Любите Родину, как славные эзелевцы, и так же упорно защищайте ее».

Весточка от героев Моонзунда дошла в дни войны. В закупоренной бутылке балтийцы нашли письмо матросов с Хийумаа. Моряки клялись до последнего защищать свой остров.

О подвиге островного гарнизона мне впервые довелось услышать в маленьком прибалтийском городке вскоре после войны. Страна еще только начинала восстанавливать разрушенное. Еще свежи были воспоминания о промчавшемся военном урагане, а уже

МООНЗУНДСКИЙ АРХИПЕЛАГ
Финский залив
о. Осмуссаар
Балтийское море
м. Тахкуна
м. Лехтма
Тахкуна
Тареcте
Кярдла
о. Вормси
7.9.41
7.9.41
о. Харилайд
7.9.41
Хаапсалу
Рохукюла
п-ов Кыпу
о. Хийумаа (Даго)
Кяйна
о. Кассари
Теркма
м. Тохври
Сыру
12.10.41
прол. Соэла-Вяйн (Соэлазунд)
12.10.41
о. Муху (Моон)
Нымме кюла
14.9.41
Куйвасту
Виртсу
14.9.41
Ориссааре
Триги
бух. Тага-Лахт
о. Сааремаа (Эзель)
п-ов Кюбассааре
Вилсанди
Курессааре (Кингисепп)
Сальме
о. Абрука
п-ов Сырве
Мынту
м. Сырве-Сяр
Рижский залив
о. Рухну
Ирбенский пролив
Вражеский десант
Рубеж обороны
15 0 15 30км

ходило множество легенд о героизме защитников островов Сааремаа и Хийумаа.

Рассказывали о «морском охотнике», который вступил в бой с отрядом вражеских катеров и вышел победителем, о последнем защитнике маяка, который предпочел смерть плену, о мужественных артиллеристах, взрывавших свои батареи, чтобы не отдать их фашистам.

В 1948 году по инициативе балтийцев на набережной города Хаапсалу был воздвигнут обелиск в память о погибших защитниках Моонзунда. Об этом событии для газеты «Красный флот» я написал очерк, который назывался «У Моонзунда». Но в то время мысли писать книгу о героях островного гарнизона не было.

Когда же через несколько лет удалось познакомиться с немногими уцелевшими документами тех дней, у меня больше не оставалось сомнений, что бой «морского охотника» действительно произошел у острова Хийумаа. В документах я нашел и фамилии отличившихся артиллеристов береговых батарей. Словом, все говорило о том, что необходимо сохранить память о героях, и не только о тех, чьи имена стали уже известны.

Мне и раньше приходилось бывать на островах. Но впервые специально для сбора материалов о защитниках Моонзунда я отправился туда в 1956 году. Вот тогда-то я и услышал рассказ о последнем защитнике острова Хийумаа, который бросился на камни с верхней площадки маяка.

С тех пор так и повелось: письма, поездки, встречи. О защитниках Моонзунда я рассказал в брошюре «Они обороняли Моонзунд», увидевшей свет в 1959 году.

Годы поисков не пропали даром. Удалось найти многих участников боев, проследить судьбы некоторых погибших героев.

Все полнее и полнее стал вырисовываться ход борьбы на островах в первые месяцы войны. И хотя моонзундскую эпопею не удалось восстановить во всех деталях, у меня оказалось столько материала, что я уже мог рассказать многое о героях Сааремаа и Хийумаа.

...Гитлеровцы бросили против островов 50-тысячную армию. И произошло это именно в то время, когда замкнулось кольцо вражеской блокады вокруг Ленинграда.

О подвиге защитников Моонзунда, уничтоживших не менее 25 тысяч гитлеровцев, а также 20 различных судов, несколько боевых кораблей, 41 самолет, в дни войны писали Сергеев-Ценский и Вишневский, поэты Браун, Азаров, Инге и Лебедев, а также многие корреспонденты. Но почему-то все это оказалось забытым. Правда, после выхода в свет в 1959 году моей брошюры появились воспоминания майора М. П. Павловского «На островах». И все. А ведь даже в Западной Германии несколько лет тому назад вышла большая монография о боях на Моонзунде, автор которой Вальтер Мельцер искажает многие события. Правду о событиях тех дней, о мужестве защитников островного гарнизона должны знать советские люди.

Историк или журналист, которые решили бы восстановить картину событий на Моонзундских островах в первые месяцы Великой Отечественной войны, неизбежно столкнутся с огромными трудностями, ибо почти все документы о боях на островах погибли. Сохранились лишь лаконичные радиограммы. К тому же в 1942 году погиб комендант береговой обороны генерал-лейтенант А. Б. Елисеев, который мог бы рассказать очень многое.

Почти единственный источник — отчет о боях на островах — был написан зимой 1942 года в блокированном Ленинграде. Видимо, его составители не имели возможности пользоваться даже сохранившимися радиограммами. Поэтому он далеко не полон, содержит неточности и даже ошибки.

События, связанные с обороной островов архипелага, распадаются на три периода: первый (до 10 июля), когда борьбу с фашистами вели преимущественно корабли и авиация, базировавшиеся на островах. 10 июля противник вышел на побережье Моонзунда, и в обороне начался второй период. В эти дни части островного гарнизона дважды высаживались на материк, чтобы оказать помощь нашим войскам в этом районе. 8 сентября высадкой вражеского

десанта на остров Вормси начался третий, заключительный период боев на самом архипелаге.

Среди защитников архипелага нет ни одного человека, который участвовал бы в борьбе на всех островах. У оборонявшихся не было возможности перебрасывать гарнизон с одного острова на другой. Именно поэтому в настоящей книге нет какого-то одного героя. Бои же на островах архипелага на заключительном этапе показаны как последовательная оборона Вормси, Муху, Сааремаа и Хийумаа. На островах служили разные люди, и я пытаюсь рассказать о некоторых из них, подчас не знавших друг друга, отделенных один от другого проливами, сообщить родным и близким этих людей, как боролись их отцы и братья, которые все еще числятся без вести пропавшими.

Ведь это они в тяжелом 1941-м вместе с такими же героями на других участках тысячекилометрового фронта закладывали фундамент нашей будущей победы. День ото дня возрастало сопротивление советского гарнизона на островах.

...В парке Курессаарского замка на острове Сааремаа есть большая братская могила, увенчанная обелиском. Здесь похоронены русские и эстонцы, украинцы и белорусы. Все они — защитники Моонзунда.

Безыменные герои?.. Нет. «Не было безыменных героев». Эти слова Юлиуса Фучика должны быть высечены на обелиске вместе со строчками клятвы балтийцев с острова Хийумаа, найденной в бутылке. Моонзундцы сдержали ее. Событиям на островах в 1941-м и посвящена эта книга — дань признательности военного историка, прошедшего по следам героических защитников Моонзунда.

И в том, что эта книга написана, заслуга прежде всего моих многочисленных помощников — участников боев, рассказавших о днях испытаний, приславших воспоминания, дневники, письма.

I. Ключевая позиция на Балтике

Лето 1940 года. За окнами вагона узкоколейки проплывают редкие хутора, поля, разделенные изгородями из плитняка и валунов, копны сена. Мария Яковлевна Щербакова больше не задает себе вопроса: «Какая она, эта Эстония?» За время пути с Севера, из Архангельска, ощущение новизны притупилось.

...Моонзунд. Впервые это незнакомое название она услышала несколько часов назад в Таллине. Поезд из Ленинграда доставил ее с дочкой в этот морской город — столицу новой советской республики.

В военной комендатуре дежурный подробно объяснил дорогу в островной город Курессааре, где вот уже год служит ее муж.

На какой-то маленькой станции к ним в купе вошел пожилой загорелый мужчина и поздоровался по-русски. Разговорились. Случайный попутчик рассказал, что в Эстонии он живет с 1917 года, когда немцы оккупировали острова Моонзундского архипелага. В то время он был солдатом русской армии, в бою с немецким десантом получил тяжелое ранение и случайно избежал плена. А когда выздоровел, эстонское буржуазное правительство не дало разрешения на выезд в Россию.

— Хороший город Курессааре, а на родину все-таки тянет. Брат у меня в Ленинграде, на Пороховых, остался. 25 лет не виделись. При старой власти о родных в Советском Союзе и сказать нельзя было.

А теперь обязательно побываю на родине, если война не помешает.

— Война? — удивилась женщина.— С кем?

— С немцами. Хоть с ними и договор о ненападении заключен, а по всему видно — войны не миновать. Да и вашего мужа с товарищами разве зря сюда прислали? Они строят батареи на берегу, как и мы в девятьсот семнадцатом.

— А как народ относится к нашим?

— Всякий есть народ. Кто побогаче или из партии кайцелитов (это такая партия, вроде фашистов, в Эстонии была), в Швецию подались. А дружки их здесь затаились. Рыбаки и крестьяне с открытым сердцем новую власть встретили, а те ждут не дождутся, когда немец придет и все станет по-старому... Ну вот и приехали. Давайте чемоданы. Помогу.

На противоположной стороне пролива, в Куйвасту, попутчик усадил их в машину и распрощался.

...Так в 1940 году приезжали к своим близким семьи военнослужащих советского гарнизона.

Приблизительно в эти же дни к полуострову Кюбассааре, в северо-восточной части Сааремаа, подошли два небольших транспорта. Загрохотали якорные цепи, взметнулась вода. Маячник с женой и трое мальчишек вышли на берег. Не часто такое случается у пустынного Кюбассааре.

Рыбак Василий Кааль хорошо знал побережье и охотно согласился показать места, удобные для разгрузки транспортов. На них прибыло оборудование для береговой батареи. Правда, в будущих боевых действиях ей отводилась второстепенная роль — прикрывать вход в Моонзунд с юга, если вражеские корабли форсируют Ирбенский пролив.

К вечеру среди орешника забелели палатки. Ожил полуостров Кюбассааре, где было всего несколько хуторов.

...Вскоре наступила осень, первая советская осень на Моонзунде.

Все больше крепла дружба береговых артиллеристов с семьей рыбака Кааля. Когда в начале зимы дочь старика Мария простудилась и заболела воспалением легких, комиссар батареи старший политрук Г. А. Карпенко направил на хутор батарейного

фельдшера. Он навещал больную, пока ей не стало лучше.

В январе ударили сильные морозы. Колодцы на Кюбассааре замерзли. Как-то к командиру батареи лейтенанту В. Г. Букоткину зашел Василий Кааль. Узнав, что артиллеристы растапливают снег, сказал:

— Будет у вас вода.

На следующий день пятеро матросов вместе с коком Оливером Дубровским, поставив на санки бочку, направились вместе с Каалем к заливу. У берега торосились льды, но рыбак уверенно вел матросов вперед. Где тут в море быть пресной воде? Но оказалось, что она действительно недалеко. Среди присыпанных снегом льдин свинцом отливала небольшая полынья. От нее шел пар. Рыбак объяснил, что место здесь мелководное и бьющие со дна пресные ключи достигают водной поверхности.

Когда наступила оттепель и в колодцах на батарее вновь появилась вода, Букоткина и Карпенко вызвали в политотдел.

— Зачем вы, товарищи, даете повод для вражеской агитации?

Командир и замполит в недоумении переглянулись.

— Узнаете своих? — И начальник политотдела протянул им фотографию.

Букоткин взглянул на снимок: пятеро краснофлотцев, впрягшихся в сани, везут обледенелую бочку. Вверху фотографии — надпись по-эстонски. Ниже карандашом сделан перевод: «Большевики на нижних чинах возят воду».

Да, разные люди жили на островах. В этом островному гарнизону вскоре пришлось убедиться...

Весна на Моонзунд пришла дружная. Снег растаял в несколько дней. На север потянулись журавли. Свежей зеленью покрылась земля. На батареях береговой обороны наступили особенно жаркие дни. Первые транспорты из Кронштадта доставили орудия. Их нужно было выгрузить и установить. Подходила к концу и постройка башенной береговой батареи № 315 капитана А. М. Стебеля на южной оконечности Сааремаа — полуострове Сырве. Вместе с другими на Курляндском побережье эта батарея

должна была прикрывать вход в Рижский залив из Балтики.

В конце мая партийный и комсомольский актив островного гарнизона собрался в Доме Красной Армии.

В глубине сцены — большая карта Моонзундского архипелага. Сидящим в зале хорошо видно: на юг от островов — Рижский залив, с севера — Финский, на западе — ширь Балтики. И только с востока крупные острова архипелага отделены от материка узкой полоской воды. Самый большой из них — Сааремаа. Восточнее дамбой присоединился к нему остров Муху. На запад вытянулся полуостров Сырве. А севернее, над Сааремаа,— острова Хийумаа и Вормси.

Голос бригадного комиссара П. Е. Дорофеева звучит негромко. Он говорит о том, что архипелаг имеет важное стратегическое значение, так как прикрывает входы в Финский и Рижский заливы, а также морские подступы к Таллину и Риге и важнейшему центру страны — Ленинграду. Но строительство большинства батарей еще не закончено, людей на островах мало, и поэтому личному составу надо приложить все силы, чтобы повысить боевую готовность.

В зале тишина. Лица у людей строги и внимательны.

— За последнее время на островах активизировали свою деятельность члены националистической партии кайцелитов,— продолжал комиссар.— Они запугивают гражданское население. В анонимных письмах грозят активистам. Недавно пограничники задержали шлюпку с заморскими «гостями». Это пытались вернуться на остров трое кулаков, бежавших с Сааремаа летом прошлого года. Почему им вдруг захотелось вернуться?

С совещания люди разъезжались по своим частям и подразделениям без обычных шуток, веселого возбуждения. Каждый понимал: их ждут серьезные испытания.

Суббота в Курессааре — самый оживленный день недели. С утра на велосипедах, лошадях, автобусах в город съезжались жители. Везли продукты на базар, ехали за покупками или просто погулять.

К вечеру становилось людно и в старом парке. На открытой эстраде выступала военная самодеятельность, болельщики окружали футбольное поле у замка, где проходила очередная товарищеская встреча местных команд.

Перед витриной фотографии остановились два краснофлотца.

— Увековечим наше пребывание на острове?

— Скажи лучше, что хочешь поразить Одессу: бывший студент-историк Генрих Ход стал морским волком.

Ожидавший своей очереди моряк листал потрепанный эстонский журнал.

— Привет штабнику! — обращаясь к краснофлотцу, воскликнул один из вошедших.— Здорово, Ваня!

— Знакомься: Генрих, писарь из штаба Щербаков.

Из репродукторов лились звуки веселого фокстрота.

Щербаков оказался общительным парнем. Отложив в сторону журнал, он вдруг произнес:

— А у меня, ребята, дочка родилась! Зина. Ей уже почти полгода.

— С тебя причитается. Когда банкет?

— Не то время,— не понял шутки писарь.— Слышали? К нам на остров прислали нового коменданта береговой обороны, генерал-майора Елисеева. Говорят, он воевал здесь с немцами еще в 1917 году...

* *
*

10-я отдельная саперная рота, которой командовал лейтенант Г. В. Кабак, размещалась на полуострове Сырве близ пристани Мынту. Каждую субботу и воскресенье у ротного клуба собирались жители с ближайших хуторов, чтобы посмотреть фильм, потанцевать.

В тот памятный вечер командир взвода Григорий Егорычев ждал Людмилу, но девушка не пришла. А он-то думал, что эта встреча решит все. Вот ведь как бывает в жизни: столько знакомых в России, а здесь, на Сааремаа, встретил девушку-эстонку и решил, что это именно та, кого он искал.

Спустились над островом легкие сумерки. Фильм начался, и хотя Егорычев смотрел на экран, в мыслях своих он был далеко.

Но вот кто-то дотронулся до его плеча:

— Григорий, Людмила пришла.

И когда с экрана раздались слова песенки «Любимый город может спать спокойно», Григорий и Людмила были уже далеко. Взявшись за руки, они долго бродили по морскому берегу, и тишину нарушали лишь мерные всплески прибоя.

Но коротки ночи на Балтике. Особенно если надо много сказать друг другу. И не беда, что Людмила иногда замолкала, подбирая нужное русское слово. Главное было сказано...

— Его-ры-чев! Тревога!

К тревогам в гарнизоне привыкли. Но когда в воскресную ночь личному составу выдали каски и подвезли боеприпасы, все поняли: на этот раз тревога объявлена не учебная.

...Война. Готовились к ней на островах, ждали ее, и все-таки пришла она июньской ночью неожиданно.

А вскоре появились первые сводки о тяжелом положении на фронтах, сообщения о налетах вражеской авиации, о первых жертвах. Как же так? Почему гитлеровцы не отброшены? Когда же начнется наше контрнаступление? С этим вопросом засыпали, с ним по утрам спешили к репродукторам.

На помощь островному гарнизону пришло местное население. Эстонские комсомольцы первыми явились в военкоматы. Девушки просили послать их в госпитали. Недобрые взгляды на улице, поврежденная линия связи на батарее, сигнальные ракеты во время воздушных налетов — все это говорило и о скрытых врагах.

В эти дни в уездном комитете партии собиралось особенно много людей. К первому секретарю Александру Мую, своему земляку, уважаемому на острове человеку, крестьяне и рыбаки заходили охотно. Говорили о ловле рыбы, решали множество других вопросов.

В приемной разговорились две женщины.

— Понимаете,— взволнованно говорила одна,— есть приказ эвакуировать семьи, а я работаю в части.

Старшая дочь уезжает к бабушке, что делать с младшей, шестимесячной?

— Девочку можно устроить в круглосуточные ясли. В Курессааре есть такие. Там как раз освобождается место.

Так дочь писаря из штаба Зина Щербакова осталась с родителями на Сааремаа, а ее старшая сестра уехала.

Между тем положение на островах становилось все тревожнее. Немецко-фашистские войска, используя свое превосходство в технике, глубоко вклинились в пределы нашей Родины. Защитники Моонзундского архипелага понимали, что на помощь с Большой земли рассчитывать трудно. В то же время многие батареи к началу войны не были закончены. Не хватало оружия, боеприпасов. На острова не прибыло подкрепление, которое намечалось по мобилизации.

И все-таки советский гарнизон на Моонзунде усиленно готовился к боям. Бойцы и краснофлотцы на ровных площадках установили тысячи кольев, чтобы помешать приземлению вражеских самолетов с десантом. Не было колючей проволоки для заграждений — ее стали снимать с заборов. Когда у оборонявшихся появилась нужда в противопехотных минах, саперы лейтенанта Г. В. Кабака стали изготовлять их сами. Даже гусеничные тракторы, обшитые толстыми металлическими листами, превращались в самодельные танки.

Сколько смекалки было проявлено в те дни! Авиационные бомбы использовались в качестве мин натяжного действия. Учебные пулеметы опять становились боевыми. И они, эти старенькие «максимы», ушедшие на пенсию и вновь возвращенные в строй умелыми руками, неплохо служили защитникам архипелага.

Докладывая в Главное политическое управление о положении на островах, командование Береговой обороны сообщало: «Весь личный состав полон решимости сражаться за каждую пядь земли, не щадя своих сил и жизни. Можете смело заявить ЦК, что мы будем по-большевистски драться и оправдаем долг перед Родиной».

2. Война погасила маяки

Для обороны архипелага командование Краснознаменного Балтийского флота создало специальный Отряд кораблей Моонзунда, куда вошли эсминцы, сторожевые корабли, тральщики и торпедные катера.

В ночь на 6 июля три эскадренных миноносца вышли, чтобы поставить мины. Предстоял нелегкий переход к латвийскому берегу, занятому врагом. Днем с эскадренного миноносца «Сильный», заметили на горизонте мачты вражеского транспорта. В Ирбен в сопровождении двух тральщиков направлялся вспомогательный крейсер противника.

Завязался артиллерийский бой, во время которого проявилась отличная подготовка советских артиллеристов. Первые же залпы вызвали на вражеском крейсере пожар. А когда тральщик прикрыл крейсер дымовой завесой, огонь перенесли на тральщик и, продолжая стрелять, начали минную постановку. Через несколько минут снаряд попал в головной вражеский корабль. Окутавшись облаком пара и дыма, он потерял ход, артиллерия его замолчала. Но ставивший мины «Сильный» представлял для противника удобную цель. На нем и сосредоточила огонь фашистская артиллерия.

Вражеский снаряд разорвался на корме эсминца. Замолчало четвертое орудие. Почти весь расчет его вышел из строя. Краснофлотец Иван Уложенко заметил, что языки пламени вырываются из пробитой осколком мины. От ее взрыва сдетонировали бы соседние мины. Уложенко попытался столкнуть мину за борт. Но черный шар был словно приварен к палубе. В это время Уложенко почувствовал боль, понял, что ранен, и, теряя силы, закричал:

— Мина горит!

На помощь пришли товарищи — старшина второй статьи В. В. Карпов, краснофлотец В. С. Александров, лейтенант И. Я. Горовой. Каждая секунда могла стоить им жизни. Общими усилиями моряки столкнули горящую мину за борт.

Одновременно вызванные на помощь самолеты Героя Советского Союза А. И. Крохалева нанесли по

отходившему противнику бомбоштурмовой удар. Все три вражеских корабля получили серьезные повреждения.

Так на Балтике летом 1941 года закончился первый морской бой надводных кораблей.

* *
*

После того как была оставлена Рига, торпедные катера капитан-лейтенанта А. Н. Богданова перешли в маленькую гавань на остров Сааремаа.

Если смотреть с залива, пирс у пристани Мынту едва заметен. Командир головного катера, выпрыгнув на почерневший от времени настил, скептически осмотрел новое место базирования. Он уже решил, что жизнь на новом месте придется начать с аврала: убрать весь мусор и расчистить территорию, но в это время услышал слова командира отряда:

— А ведь лучше не придумаешь. Этот хлам на пирсе даже на пользу. Пусть фашисты считают гавань заброшенной. А мы должны подумать, как замаскировать катера.

К вечеру механик дивизиона К. Д. Добровольский вместе с несколькими катерниками предложил оригинальный проект. Когда через несколько дней фашистские самолеты-разведчики появились над пристанью Мынту, они не обнаружили ничего нового. Гитлеровцы не догадались, что советские моряки увеличили ширину пирса, сделав с одной стороны навес, под которым смогли укрыться катера. Недалеко от катеров, в старом саду, приготовили убежища для личного состава.

Перед войной военные специалисты считали, что в связи с резко возросшими средствами поражения торпедные катера можно использовать только ночью. На что действительно способны эти маленькие быстроходные суденышки — носители грозного оружия, показали балтийские катерники.

О приближении к Ирбену 48 вражеских вымпелов воздушная разведка сообщила на острова. Командование Береговой обороны Балтийского района (БОБР) подготовило силы для комбинированного удара.

Сигнал тревоги прозвучал и на береговой батарее № 315, находившейся на полуострове Сырве. Командовал ею опытный артиллерист капитан Александр Моисеевич Стебель.

Еще не все работы были закончены, но батарее приходилось принять бой.

С площадки маяка, где находился командир, было видно, как поднимаются из укрытий длинные стволы орудий.

— По транспортам противника фугасными, заряд боевой...

Стебель не отрывает от глаз бинокль. В его окулярах тяжелогруженые вражеские суда. Он хорошо представляет себе, как по ревуну нажмут педали комендоры, вспышка озарит деревья, орудия гулко ухнут и плавно пойдут на откат.

Первые снаряды новой батареи понеслись навстречу врагу. С нетерпением ожидая всплесков, капитан слышит, как старший сержант Афанасьев, чтобы скрыть волнение, острит:

— Отпускаем чистым весом в тару потребителя.

Командир второй башни А. М. Шаповалов, вспоминая о бое 12 июля 1941 года, писал: «Мы стреляли долго. Стволы орудий накалились до того, что вспыхивала поднесенная к ним спичка. От выстрелов горела маскировка батареи, тлели макушки сосен.

К концу стрельбы на правом орудии отказало продувание. Последние залпы сделали без продувания, башня наполнилась пороховыми газами. Температура в блоке достигала +50°. Артиллеристы вели огонь по пояс голыми».

Отлично стреляли артиллеристы. С батареи видели, как загорелось несколько транспортов. Отряд торпедных катеров под командованием старшего лейтенанта В. П. Гуманенко получил задание тоже нанести удар по вражескому конвою. Перед рассветом, взбудоражив сонную тишину ночи, катера вышли из-под навеса пристани Мынту.

Утром на катерах заметили фашистские транспорты, прорвавшиеся в Рижский залив. По команде Гуманенко балтийцы пошли на сближение с ними. Командир отряда решил атаковать два крупных транспорта. Гитлеровцы не ожидали удара. Понеся

потери в Ирбенском проливе — наиболее удобном месте для атаки, они считали, что прорвались к своим, и вдруг...

Белая беспорядочная стена всплесков выросла перед советскими катерами. Разноцветные пулеметные трассы прочертили воздух. Вырвавшись вперед, катер лейтенанта М. Г. Чебыкина атаковал головной транспорт. С соседнего катера молочно-белая полоса дымовой завесы поползла над Рижским заливом. Она прикрывала торпедные катера, вышедшие в атаку с двух направлений. Раздались взрывы торпед, взметнулись столбы пламени, потянулся густой дым.

Всего несколько минут продолжалась торпедная атака, но какого мужества, стойкости, трезвого расчета требовала она!

Израсходовав торпеды, катер лейтенанта В. И. Белугина прорезал дымовую завесу и обнаружил невдалеке самоходную баржу. На палубе ее — фашистские солдаты, под брезентом угадывались танки. Командир решил атаковать противника. Стремительно сблизившись на 300—400 метров, катер открыл огонь по тонким бортам баржи. Вскоре она замедлила ход.

Во время атаки в моторный отсек головного катера попал снаряд и вывел из строя мотор. Через пробоину хлынула вода. Вышла из строя рация, тяжелое ранение получил моторист Горбунов. Катер стал отставать, а затем лишился хода.

На помощь пришли товарищи. Они поставили дымовые завесы, дали возможность катеру устранить повреждения и вернуться в базу.

Последний удар по конвою нанесли самолеты-бомбардировщики. В результате комбинированного удара 4 фашистских транспорта были потоплены, а 12 других получили повреждения.

Буржуазный историк Юрг Майстер, автор вышедшей в 1957 году книги «Война на море. 1941—1945», вынужден был признать, что при этом ударе в Ирбенском проливе действия советского гарнизона были «столь эффективны, что немецкое командование временно отказалось от посылки других конвоев».

В июле в директиве № 33 верховного главнокомандования германских вооруженных сил о даль-

нейшем ведении войны на Востоке указывалось: «Желательно в короткий срок овладеть островами на Балтийском море» (то есть Моонзундским архипелагом).

* *
*

У островного гарнизона было мало торпед, не хватало горючего. Все приходилось доставлять с материка. 22 июля, приняв торпеды для катеров, ледокольный буксир «Лачплесис» переходил из Триги в Мынту. Он вел на буксире торпедный катер № 71 лейтенанта Н. С. Скрипова.

Приближался рассвет. Зябко поеживаясь, Скрипов прошел в рубку. За штурвалом стоял катерный боцман Еремин.

— Находимся на траверзе банки Аллираху. Ход пять узлов.

— Кто у пулемета?

— Радист Клюкин. Да вы отдыхайте, товарищ командир, ночка-то тихая.

Ночь и в самом деле была тихая. Но не нравилась эта тишина лейтенанту.

На узкой катерной койке командир забылся чутким сном. Вдруг его ухо уловило шум моторов. Скрипову показалось, что они подходят к Мынту. Выстрелы автоматических пушек прогнали сон. На палубе заговорил крупнокалиберный пулемет. Противник!

— Отдать буксир! Заводить моторы! — раздалась команда Скрипова.

Как оказалось, их атаковали четыре торпедных катера.

Краснофлотец Комков доложил:

— Пожар в моторном отсеке.

Над 71-м, становясь все более густым, поднималось облако дыма. Неожиданно замер правый мотор, затем прекратил работу левый. Лейтенант видел, как, оставив буксир, к ним направились еще два вражеских катера. Вырвавшееся пламя охватило корму 71-го.

— Надеть спасательные нагрудники. Всем в воду! — приказал командир. Перед тем как прыгнуть за борт, он в последний раз окинул взглядом 71-й.

Катер погружался. А на носу все еще стоял радист Клюкин. Навстречу противнику неслись очереди крупнокалиберного пулемета.

— Клюкин, в воду!

Держась на поверхности, они видели, как затонул их катер. Шлюпка с «Лачплесиса» попыталась добраться до берега. Но разве могли гребцы тягаться в скорости с торпедным катером! Вскоре всех их фашисты втащили к себе на палубу.

Стреляя из пулеметов по плавающей команде 71-го, гитлеровцы направились к ним. Еремин и Клюкин держались на воде рядом. Заметив приближающийся катер, радист сказал товарищу:

— Прощай, друг. Я не сдамся, у меня есть пистолет...

Только появление советских истребителей не позволило вражеским катерам потопить «Лачплесис» вместе с торпедами и перестрелять команду 71-го. Фашисты поспешили уйти.

На поврежденном ледокольном буксире остались два немолодых латышских моряка: машинист А. Г. Прейзе и кочегар А. Ф. Гринерц. Они вплавь добрались до оставленной шлюпки, наскоро заделали пробоины и подобрали шестерых из команды 71-го. Был среди них и раненый командир катера Скрипов.

Утром израненный «Лачплесис» взяли на буксир и привели в Мынту.

* *
*

Когда на полуострове Кюбассааре устанавливали трехорудийную береговую батарею, никто не думал, что именно ей придется сыграть большую роль в обороне Сааремаа. Считалось, что противника следует ждать с моря.

10 июля передовые части гитлеровцев вышли на побережье Моонзунда у острова Виртсу [1], соединенного с материком двумя дамбами. Фашисты обстреляли наши катера и буксиры у пристани Куйвасту.

---

[1] Сейчас, когда пролив отступил, даже жители Эстонии считают Виртсу полуостровом. В 1941 году наши части обороняли остров Виртсу. Описание острова имеется в довоенной лоции Балтийского моря.

Уже в этот день 43-й береговой батарее пришлось открыть огонь по врагу.

Командование Береговой обороны решило высадить на Виртсу десант, чтобы заставить противника покинуть побережье.

Получив приказание из штаба, командир батареи В. Г. Букоткин вызвал на командный пункт своего помощника лейтенанта А. П. Смирнова.

— Необходимо подавить огневые точки на Виртсу. Пойдете корректировать огонь батареи.

И, видя улыбку на его лице, лейтенант добавил:

— Дело серьезное, Анатолий Петрович.

Маленький безлесный островок Вирелайд словно специально был создан для корректировки. Но, узнав, что единственная уцелевшая после бомбежки шлюпка освободится не скоро, лейтенант решил проявить инициативу. До острова не больше полумили. Для хорошего пловца это не так уж много. Приказав своим подчиненным — Кудрявцеву, Голубеву и Ласточкину добираться на шлюпке, лейтенант Смирнов разделся и бросился в воду.

Минут через десять его внимание привлекли выстрелы зениток. На Сааремаа шли фашистские бомбардировщики.

Над головой лейтенанта с визгом пронесся осколок. Брызги плеснули в лицо.

Повернуть обратно? На несколько часов отложить выполнение первого боевого задания? Нет, на это комсомолец Смирнов не мог пойти. И он продолжал плыть к островку.

Когда корректировщик вышел на берег, раздалось:

— Стой, руки вверх!

Моряк с находившегося на острове поста наблюдения осмотрел крепкую загорелую фигуру; проверяя, нет ли оружия, шлепнул по мокрым трусам.

— Кто такой? Документы!

Их тоже не было, но недоразумение разъяснилось быстро.

С маяка в стереотрубу хорошо виден остров Виртсу. Сигнальщики указали вражескую батарею. После длительного наблюдения лейтенант заметил легковые машины близ дома на пригорке. У длинного

сарая что-то снимали с грузовиков. По телефону Смирнов сообщил данные на батарею. Вскоре воздух задрожал от снарядов.

В тот день в журнале боевых действий появилась лаконичная запись: «На Виртсу после обстрела 43-й батареи густой черный дым и взрывы. Подавлена зенитная батарея противника, уничтожено здание штаба, взорван склад с боеприпасами».

Ночь на Вирелайде выдалась неспокойная. Вахтенный доложил, что к острову кто-то плывет. Действительно, через пролив перебрался сапер. Он сообщил, что несколько его товарищей на Виртсу прячутся в прибрежных камнях. Если на острове имеется лодка, нужно им помочь.

— Я пойду на тот берег,— предложил телефонист Голубев.

Перед рассветом вахтенный доложил о возвращении лодки. Шестерых бойцов удалось спасти.

Гитлеровцы, очевидно, догадались, где находятся корректировщики. Первый снаряд, выпущенный по Вирелайду, разорвался в воде. Второй, осколками изрешетив забор у дома маячника, чиркнул по большому медному колоколу, в который били, когда наползал туман.

Корректировщики по винтовой лестнице спустились с маяка и укрылись в погребе. Было тесно, но гранитные валуны, из которых были сложены стены, обещали защитить от снарядов.

Так продолжалось минут десять.

Когда после обстрела моряки поднялись на поверхность, рядом они увидели сорванную дверь на маяке, часть обвалившейся винтовой лестницы, изрешеченные, в пробоинах стены. Не работал старенький телефон «Эриксон».

Голубев нашел выход. Он подключился к подводному кабелю на Сааремаа и передал донесение лейтенанта: «Маяк Вирелайд обстрелян и полуразрушен. Наблюдение и корректировку вести не могу».

Впрочем, в этом больше не было необходимости. 18 июля высаженным десантом противник был отброшен от побережья Моонзунда. Чтобы корректировать огонь батареи, лейтенант Смирнов перешел непосредственно к десантникам.

Наши части занимали оборону в районе Виртсу. Командир батальона старший лейтенант И. Г. Абдулхаков с краснофлотцем шофером Салиным выехали, чтобы осмотреть новый рубеж. Вторая машина отстала где-то в пути. Стояло солнечное летнее утро. И вдруг выстрелы...

Засада! Салин затормозил и резко повернул, надеясь прорваться к своим. Но полуторка свалилась в канаву, мотор заглох.

Абдулхаков приоткрыл дверцу и хотел выбраться из кабины. Поблизости ударила очередь автомата.

В смотровое стекло Абдулхаков увидел перебегавших фашистов. Их было около взвода. Они надеялись захватить двух русских в плен. Ударом рукоятки нагана Абдулхаков выбил заднее незарешеченное стекло и приказал шоферу вылезать в кузов. Они залегли в канаве у машины. Четыре раза поднимались фашисты в атаку. Из канавы раздавались редкие, но точные выстрелы.

Когда на дороге послышалось гудение мотора, стрельба прекратилась. Обе стороны выжидали. Кто едет: враги или свои? И только когда над кабиной стали видны черные бескозырки, Абдулхаков крикнул:

— Стой! Здесь засада!

Помощь подоспела вовремя: у Абдулхакова и Салина кончались патроны.

* *
*

Ночной взрыв в море слышали все в 33-м инженерном батальоне. От него задрожали нары в землянке, где отдыхал красноармеец Степан Егоров. В ту ночь их взвод охранял южное побережье Хийумаа. Когда настало время идти в дозор, бойцов предупредили:

— Внимательно следите за морем.

Перед самым рассветом Егоров заметил человека, который, пошатываясь, выходил из воды.

Посветив фонариком, красноармеец увидел тельняшку, какой-то резиновый мешок на груди, маску, как у противогаза.

— Браток, свои,— с трудом произнес моряк.— С подводной лодки я. Никишин — фамилия. Сообщи на катера: в море на буйке остались еще двое. Пускай быстрей снимут.

...А случилось вот что.

В начале августа 1941 года подводная лодка возвращалась с боевого задания. Позади осталась дерзкая атака, после которой поврежденный вражеский транспорт выбросился на камни, преследование, взрывы глубинных бомб. Уже приближались острова Сааремаа и Хийумаа. После нелегкого похода казалось, что все опасности позади. Подводники, свободные от вахты, отдыхали, когда произошел взрыв. Старшего краснофлотца Николая Никишина сбило с ног. Он с трудом поднялся, осветил фонариком отсек. Их оказалось здесь четверо: он, два электрика — А. В. Мазнин и В. Е. Мареев — и комендор В. В. Зиновьев. Где-то звучно лилась вода. Луч света выхватил переговорную трубу. Из нее бил фонтан.

— Задраить трубу! — приказал Никишин. Видел, как поспешно стали выполнять приказание Мазнин и Зиновьев.

На ощупь Никишин нашел телефонную трубку: «Есть ли люди в других отсеках?» Но телефон молчал. Связь вышла из строя. Снова включив фонарь, моряк стал тщательно обследовать переборку в шестой отсек. Так и есть: и здесь поступала вода.

Никишин крикнул об этом товарищам. Они притащили матрацы, одеяла. В шестом отсеке послышался какой-то шум.

— Эй, кто там есть? — закричал Никишин.

Из-за переборки приглушенно донеслось:

— Главный старшина Милютин и краснофлотцы Биденко и Гординский. Воды по колено. Она продолжает поступать.

— Что будем делать, ребята? — спросил Никишин у товарищей.

Они понимали: если открыть дверь, вода может ворваться в кормовой отсек и затопить и его. Но там находились трое. Надо выручать товарищей. Моряки бросились к тяжелой стальной двери. Она не поддавалась. Не помогли лом и топор.

— Дверь перекосило. Выходите через затопленные отсеки,— передал соседям Никишин.

Нужно было самим искать возможность покинуть лодку. Выйти можно через кормовые аппараты. Но в них торпеды. С большим трудом удалось морякам выпустить в море торпеду из левого аппарата. Они переоделись в чистое белье, взяли с собой комсомольские билеты.

Моряки открыли заднюю крышку торпедного аппарата. Затем была открыта и передняя крышка. Вода ворвалась в лодку и стала подниматься все выше. Над торпедным аппаратом осталась воздушная подушка. Давление в лодке и за бортом сравнялось.

Первым выходил Никишин. Он нырнул к горловине торпедного аппарата, толкая перед собой буй с прикрепленным к нему тросом, с трудом пролез до конца смазанной маслом трубы, выпустил буй. Затем медленно стал подниматься на поверхность. Вода становилась все теплее. Наконец можно было сорвать маску кислородного прибора и дышать, дышать, ухватившись за буй. Над головой звездное небо, вокруг штормовое море, а где-то поблизости в темноте берег острова Хийумаа.

Никишин дождался, пока всплыли Мазнин и Зиновьев, и, оторвавшись от буя, направился к берегу. Он надеялся, что найдет шлюпку, чтобы помочь своим товарищам. Вот когда пригодилась моряку отличная закалка и умение хорошо плавать. Захлестывали волны, тянул ко дну кислородный прибор, который в штормовом море ему не удавалось сбросить, но балтиец упорно плыл к берегу. И когда над волной внезапно встал черный лесистый берег, а под ногами оказалась земля, он не сразу поверил, что это наяву.

Катер, посланный с острова, подобрал Мазнина и Зиновьева.

* *
*

По-разному складываются судьбы людей. Разве мог подумать лейтенант А. А. Савватеев, что он, сапер, по окончании училища попадет на Краснознаменный Балтийский флот?

В начале 1941 года он получил назначение на остров Сааремаа помощником командира 10-й отдельной саперной роты Краснознаменного Балтийского флота. Командовал ею участник войны с Финляндией лейтенант Г. В. Кабак.

Савватеев очень скоро полюбил ширь Балтики, чаще всего хмурую, неугомонную, вскипающую под ветром злыми белыми гребнями. Привязался лейтенант к суровому морю и уже не представлял себя вдали от него.

С первых же дней войны для саперов началась горячая пора. Готовясь к отражению вражеского десанта, они создавали инженерные оборонительные сооружения на островах, минировали побережье.

По инициативе начальника инженерной службы Береговой обороны майора С. С. Навагина началось ускоренное строительство обороны. Возводили оборонительные сооружения не только части островного гарнизона, но и местные жители.

Объем оборонительных работ на островах был огромный. Личный состав саперной роты, разбитый на небольшие группы, обучал гарнизон островов минированию. Но сил все равно не хватило. Когда на Сааремаа началась мобилизация, из призванных была сформирована 2-я саперная рота. Командиром ее назначили лейтенанта Савватеева.

Мобилизованных разместили в Курессааре, в пустовавшей грязелечебнице. В первый же день молодой командир роты встретился с непредвиденными трудностями. В роте служили латыши, шведы, эстонцы. Многие из них были старше своего командира. И лейтенант как бы читал в их глазах: «Эх, молод командир. Чему может он нас научить?»

В роте только некоторые знали русский язык, зато все они, жители архипелага, говорили по-эстонски, а Савватеев знал лишь «тэрэ» да «ятайга»[1]. А попробуй-ка с таким запасом слов обучить своих подчиненных нелегкому саперному делу. Со дня на день ждали из Таллина командиров взводов.

Вскоре в небольшую комнатку в грязелечебнице, где жил командир роты, вошел незнакомый человек.

[1] По-эстонски «здравствуй» и «до свидания».

Было ему, видимо, за сорок, он был коренаст и широкоплеч.

— Тролль,— представился пришедший и крепко пожал руку лейтенанту.— Назначен политруком роты.

С приездом Арнольда Яковлевича Тролля положение в роте изменилось. Хотя политрук более 20 лет провел в России, он не забыл свой родной язык. За его плечами был большой опыт партийной работы. Тролль быстро завоевал авторитет в своей роте.

Политрук не любил рассказывать о своей жизни. А жизнь эта была очень нелегкой. Эстонскому мальчику Арнольду было всего год, когда, надорвавшись от непосильного труда, умер его отец, работавший кузнецом. С семи лет пришлось Арнольду батрачить у местных кулаков, а в шестнадцать его устроили подручным на фабрику Штиглица в Нарве. Здесь его и застала первая мировая война. Рядового царской армии Тролля направили на австрийский фронт.

Но когда тысячеверстный фронт стал разваливаться и многие солдаты разошлись по домам, направился на родину и рядовой Тролль. И снова началась борьба за кусок хлеба, поиски временной работы. Опять пришлось батрачить.

В 1917 году в Петрограде большевики взяли власть в свои руки. Эстонский батрак Арнольд Тролль добровольцем вступил в кавалерийский полк Красной Армии. Бои с белыми и интервентами, ранения, тиф, малярия — через все это прошел красноармеец Тролль. Но на родину ему не пришлось вернуться. В Эстонии власть захватила буржуазия.

Трудные были те годы для молодой Советской республики. Тяжело было с продовольствием, нелегко найти работу. Боец Красной Армии Тролль пошел служить в милицию. Вылавливал жуликов и спекулянтов. Там же, в Петрограде, вступил в большевистскую партию, учился в совпартшколе.

Туда, где было особенно трудно, партия посылала коммунистов. Четыре года Тролль работал в далекой Якутии парторгом Ленского речного бассейна, потом был на Каспии, на Волге. С восстановлением Советской власти в Эстонии и принятием этой при-

балтийской республики в состав Советского Союза его направили в Таллин. А в начале войны он пришел в саперную роту Савватеева.

Новая рота быстро стала боеспособной. Саперы минировали побережье, строили командный пункт штаба Береговой обороны, помогали возводить береговые батареи. Им приходилось со своих надувных лодок ставить морские мины или высаживаться с диверсионными целями на побережье, занятое противником.

А в свободные минуты бойцы любили слушать рассказы своего политрука о боевом прошлом Моонзунда.

В шутку Тролль называл эти рассказы «страничками истории». И каждый раз, приглашая саперов на беседу, он открывал перед ними новую страницу.

Особенно нравились бойцам рассказы Тролля о событиях 1917 года.

Тяжелые дни переживала наша страна. Русская буржуазия, боясь победы народа, пошла на сговор с иностранными империалистами. Роль душителя революции отводилась армии и флоту кайзеровской Германии. Они должны были разгромить отказавшийся повиноваться Временному правительству Балтийский флот, захватить Петроград.

На пути германского флота к красному Питеру лежали острова Моонзундского архипелага. Чтобы овладеть ими, была разработана специальная операция — «Альбион».

Темной октябрьской ночью корабли германского флота приблизились к Финскому заливу. В эту армаду (отряд особого назначения), насчитывавшую более 300 вымпелов, входили 20 линейных кораблей и крейсеров, 56 эскадренных миноносцев, 67 миноносцев, 6 подводных лодок. Вместе с ними на север двигались тяжелогруженые транспорты и суда вспомогательного флота. Для захвата Моонзундских островов германское командование подготовило 25-тысячный десант.

Немецкому десанту Моонзунд мог противопоставить 9 береговых батарей и армейскую дивизию неполного состава. Этого было явно недостаточно. К тому же некоторые батареи не удалось достроить

и замаскировать. Даже 305-миллиметровая Церельская батарея, перекрывавшая своим огнем весь Ирбенский пролив, и та стояла на берегу на открытом месте. Понимая, что она может преградить путь германскому флоту в Рижский залив, вражеская авиация усиленно бомбила Церель. В одну из таких бомбежек осколок пробил дубовую дверь погреба с боезапасом, загорелись заряды.

Артиллеристы самоотверженно боролись с огнем. И когда казалось, что люди победили, неожиданно произошел взрыв. Более 100 человек убитыми и ранеными потеряла батарея. Погибли командир и почти весь офицерский состав. Старшим по званию оказался лейтенант Н. С. Бартенев, присланный для испытаний зенитных пушек. Он и вступил в командование батареей.

Однажды лейтенанта Бартенева разбудил телефонный звонок.

С юга к Рижскому заливу приближалась вражеская эскадра. Это было 14 октября 1917 года. Двое суток шли бои на острове Эзель с высадившимися войсками.

Уже немецкие миноносцы через пролив Соэла-Вяйн между Эзелем и Даго пытались прорваться на Моонзунд; уже с боями части гарнизона начали отходить к Сырве и Ориссааре, а самая мощная, Церельская батарея пока бездействовала. И хотя она была недостроена, противник не решался приблизиться к ней.

С верхней площадки маяка, где находился командный пост, открывалась обширная морская панорама. Видимость была хорошая. На юге в 15 милях ясно виднелся Курляндский берег. Море было пустынное. Только облачка дыма справа говорили о приближении кораблей.

Позади, за молодым леском, виднелись тяжелые орудия Церельской батареи. С моря они тоже были хорошо видны. Строители не успели закончить даже брустверы для защиты орудийной прислуги.

На батарее прозвучал сигнал боевой тревоги. Вскоре выяснилось, что под прикрытием крейсеров германские тральщики намерены проложить фарватер в русском минном поле. Не получая никаких

приказаний от командования, лейтенант Бартенев решил самостоятельно открыть огонь по крейсерам.

Церельская батарея сделала только три залпа. Но и этого было достаточно, чтобы заставить вражеские корабли поспешно повернуть на юг. Вскоре они скрылись в дымке.

В полдень на батарею приехал начальник укрепленного участка на Цереле капитан первого ранга Кнюпфер. Собрав артиллеристов, он сообщил, что армейские части ведут переговоры с германским парламентером. Противник требовал прекратить сопротивление, сложить оружие, сдать батарею.

Уезжая, Кнюпфер заявил, что германский флот в течение недели у Ирбенского пролива не покажется.

День этот для лейтенанта Бартенева оказался очень хлопотным. Только отбыло начальство, как лейтенанта снова вызвали на маяк: появились германские корабли.

Вести приходили все тревожнее. Донеслась канонада, а потом наблюдательный пост из бухты Лыу сообщил, что два германских корабля обстреливают побережье. Летчики доложили, что в море обнаружена вражеская эскадра. Сообщение Кнюпфера о германском парламентере не способствовало поднятию боевого духа у артиллеристов. Некоторые неустойчивые заговорили, что немцы заняли уже значительную часть острова, поэтому сопротивление бесполезно.

Около 16 часов к северу от Цереля в тумане показались германские линейные корабли. Их сопровождали миноносцы. Корабли шли, не открывая огня.

И вновь русские снаряды обрушились на врага. Германские линкоры развернули свои башни и открыли ответный огонь по берегу. Более часа продолжался артиллерийский бой. И балтийцы с честью провели его. Три германских линейных корабля вынуждены были отойти.

Однако немецкий десант продвигался на Эзеле все дальше и дальше. С острова Моон началась эвакуация русского гарнизона на материк. И на Церель-

ской батарее стали готовить орудия к подрыву. Но уничтожить всю батарею не удалось. Тогда балтийцы решили взорвать погреб, чтобы вывести из строя орудия. «Мы выкатили полузаряды из погреба и выстрелом из винтовки воспламенили их,— читаем в записках Н. С. Бартенева.— Весь порох в погребе загорелся моментально. Но снаряды взорвались не сразу... Мы залегли по канавам. Огромный столб черного дыма, бревна, рельсы, тележки и пустые пеналы поднялись на высоту около 100 сажен».

На батарее начались пожары.

Через пролив Соэла-Вяйн немцы несколько раз пытались прорваться в Моонзунд. Однажды три русских корабля были атакованы девятью немецкими миноносцами. Казалось, исход боя ясен, тем более что миноносец «Гром» был обстрелян германским линкором и лишился хода. Но недаром славились русские артиллеристы. Меткими залпами они нанесли повреждения двум вражеским миноносцам.

Подлинное мужество проявили в этом бою моряки «Грома». На корабле вспыхнул пожар. У эсминца действовали лишь одна пушка и кормовой торпедный аппарат. Но когда германский миноносец приблизился к «Грому», минный старшина Ф. Е. Самончук выпустил торпеду и потопил вражеский корабль.

Не добившись успеха на Кассарском плесе, немцы попытались прорваться на Моонзунд с юга. Старые русские корабли «Слава», «Гражданин» и «Баян» вступили в неравный бой, который длился около трех часов. Немецкие корабли так и не смогли прорваться в Моонзунд. Однако и линкор «Слава» получил две пробоины. Осадка его увеличилась. Корабль не мог пройти по каналу через Моонзунд. Поэтому команда затопила его.

Несмотря на героическое сопротивление русского гарнизона, германские войска захватили Моонзундский архипелаг. Но обошлось это им очень дорого. В Моонзундском сражении противник потерял около 20 процентов всего корабельного состава. 26 немецких кораблей были потоплены, 25 повреждены.

Так революционные моряки Балтики преградили врагу путь на Петроград.

Свой рассказ о моонзундской эпопее 1917 года политрук Тролль закончил так: тесно связано морское прошлое России с островами Моонзунда. А зная его, зная о подвигах отцов, легче воевать. Недаром говорится: «Слова — учат, примеры — влекут».

3. На земле и в воздухе

Мотор полуторки работал с перебоями. Утром машину хотели поставить в ремонт, но начальник гаража решительно заявил:

— Доставим маскировочные сети для самолетов и — шабаш.

Выделенные для погрузки парни из аэродромной команды знали, что перелетели к ним с Большой земли самолеты «ДБ-3» полковника Е. Н. Преображенского.

И вот Генрих Ход, тот самый техник морской авиации, который накануне войны заходил в фотографию, возвращался с товарищами на аэродром. У холма, на котором поднимала к небу зеленые купола русская церквушка, полуторка зачихала и остановилась.

Убедившись, что без посторонней помощи им не обойтись, Генрих решил разыскать находившихся где-то недалеко артиллеристов.

Идти пришлось долго. Он уже подумывал, не вернуться ли к машине, как вдруг неожиданно наткнулся на проволочное заграждение. Потом он увидел пустые окопы и артиллериста с винтовкой. Караульный, проверив у Генриха документы, повернул ручку полевого телефона.

— Товарищ второй, докладывает пятый пост. Пришел младший сержант Ход из аэродромной команды. Да нет, не на концерт. Говорит, машина недалеко у них скисла. Есть пропустить.

Разговор на батарее был коротким. Артиллеристы обещали помочь, когда вернется с продуктами их машина. Генриху предложили подождать, послушать концерт. Только что к ним прибыла фронтовая брига-

да артистов театра Краснознаменного Балтийского флота. О том, что с Большой земли на остров приехали артисты, Генрих слышал. Их гостеприимно приняли летчики, разместили близ аэродрома. Артисты дали уже несколько концертов, но Генрих ни на один из них не попал.

На поляне в недостроенной казарме собрались бойцы. Часть помещения была отделена занавесом. На импровизированную сцену носили стулья и табуреты. И когда занавес приоткрывался, Генрих видел музыкантов, раскладывавших ноты. Свободные места нашлись в задних рядах. Переполненный зал гудел. Приезд артистов был радостным событием на батарее. Несколько раз вспыхивали нетерпеливые аплодисменты.

Но вот музыканты настроили свои инструменты, заколыхался занавес, и зрительный зал как по команде затих. Сразу стало слышно: где-то высоко в небе гудит одинокий самолет.

— Фашист летит,— прошептал кто-то сзади.

— Здравствуйте, дорогие товарищи,— раздался в это время молодой звонкий голос. И Генрих увидел перед занавесом черноволосого человека в краснофлотской форме.— Позвольте передать боевой привет славным артиллеристам от коллектива театра КБФ. Выступает оркестр народных инструментов.

Оркестрантов сменили две артистки. Лицо одной из них Генриху показалось знакомым.

— Частушки в исполнении Богдановой и Телегиной, текст руководителя бригады поэта Фогельсона.

Где же он видел эту артистку? Генрих спросил соседа:

— Как фамилия той, которая справа?

— Это киноактриса Валентина Телегина,— ответил кто-то.

Ну конечно, он видел ее в кино. Это же Мотя из кинофильма «Комсомольск». Сосед добавил:

— Она в картине «Учитель» снималась.

— И в «Члене правительства».

Выступление оркестра батарейцы слушали очень внимательно, но когда раздались частушки, зрительный зал просто замер. В них говорилось об островах, о войне, о боевых товарищах.

Стал пролив Ирбенский у́же.
Немцы злятся и рычат.
Весь фарватер перегружен,
Транспорта со дна торчат.

Бьет фашистов Стебель точно.
Поднялся в Берлине вой:
«Этот Стебель очень прочный,
Не иначе как стальной».

Остров Эзель бьется чу́дно.
Немцы воют от тоски.
Раскусить орешек трудно.
Подавиться — пустяки.

Потом выступила молодая певица. Она пела о чайке над седой волной, когда показался артиллерист в каске. Боец быстро прошел к кому-то в первом ряду. Поднялся невысокий широкоплечий командир:

— Воздушная тревога!

Они укрылись в узкой щели, вырытой среди орешника. Над головой по-мирному колыхались зеленые кусты, голубело небо, и только гул самолетов нарастал, угрожающе приближался.

Над деревьями взмыло вверх звено советских самолетов. Генрих видел, как, набирая высоту, направились они в сторону солнца и пропали из виду. «И-16», определил он. Потом три советских истребителя стремительно атаковали противника.

Строй вражеских самолетов нарушился. В заливе выросли сперва два белых всплеска, потом еще и еще. Это вражеские летчики освобождались от бомбового груза.

— Ура, подбили!

Один из вражеских бомбардировщиков стал заметно терять скорость. Затем он тяжело развернулся и пошел назад, к материку, оставляя за собой шлейф дыма.

— «Мессеры» идут,— сказал Генрих товарищу, указывая на приближающиеся самолеты. Действительно, истребители прикрытия у фашистов отстали и в район бомбардировки подошли с опозданием.

Два наших «ястребка» продолжали атаковать вражескую восьмерку бомбардировщиков. Третий смело вступил в бой с шестью «Мессершмиттами».

Белые дымки трасс протянулись в голубом летнем небе. И вдруг Генрих увидел, как вспыхнул наш истребитель. Балтийский летчик решил драться до последнего и направил свой самолет на противника. Вражеская машина рассыпалась в воздухе. Остатки ее, объятые пламенем, рухнули в воду.

Наш горящий «ястребок» тоже терял высоту. От него отделился темный комочек, а еще через несколько секунд в воздухе распустился белый купол парашюта. Его наполнило ветром, и черная фигура, раскачиваясь на стропах, заскользила к воде.

На батарее объявили отбой воздушной тревоги. Артиллеристы в касках занимали свои места в зрительном зале, ожидая продолжения концерта. Из укрытий вылезали артисты.

Но Генрих остаться на концерте не мог. На батарею вернулась машина, и он поехал на ней к своим товарищам.

К вечеру, когда они доставили на аэродром маскировочные сети, стало известно, что таран на горящем истребителе совершил командир их эскадрильи капитан Иван Илларионович Горбачев. Раненого и получившего ожоги летчика катер подобрал из воды.

* *
*

Авиационную группу полковника Е. Н. Преображенского перевели на островной аэродром с Большой земли. Самолеты поставили на опушке леса, сверху прикрыли зелеными сетями, замаскировали молодыми деревьями. Летчики быстро освоились на новом месте. После ужина засиживались в столовой, вспоминая события дня, просматривая свежие газеты.

В тот вечер их внимание привлекла статья Всеволода Вишневского «Герои подводных глубин». Ее читали вслух.

Это случилось всего несколько дней назад на Моонзунде. Советская подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Николая Ивановича Петрова всплыла под перископ. Напряженно всматривается в темноту командир и вдруг замечает: фашистская лодка в проливе Соэла-Вяйн! Звучит сиг-

нал боевой тревоги. Вздрогнул корпус: это торпеды понеслись навстречу врагу. Бегут секунды томительного ожидания. Потом глухой тяжелый взрыв всколыхнул нашу лодку «Щ-307» [1]. Победа! Статья заканчивалась словами: «О походах, о делах подводников Краснознаменной Балтики еще писать и писать!»

Пока в столовой читали статью Вишневского, подъехал старенький запыленный автобус. Это фронтовая артистическая бригада вернулась после концерта с 43-й батареи. Артисты наперебой рассказывали о воздушном таране. Полковник Преображенский сообщил, что первый орден капитан Горбачев получил еще в 1938 году, за войну с белофиннами награжден вторым орденом — Красного Знамени. Сегодня над Моонзундом он сбил второй самолет [2].

Уже было известно, что герой находится в госпитале в Курессааре и скоро вернется в часть.

Вспомнили и других отважных островных асов — Петра Сгибнева и кабардинца Абдулаха Тхакумачева, открывших боевой счет сбитых вражеских машин.

— Скоро в полет, друзья,— сказал Преображенский, взглянув на часы.

Он угостил всех ленинградским «Казбеком». На островах с куревом стало туго, поэтому от папирос никто не отказался.

— Закурим! Ну, а последнюю,— сказал Евгений Николаевич, заглянув в опустевший портсигар,— когда вернемся.

Артисты не стали расспрашивать, что означают слова «когда вернемся», понимали: балтийские летчики выполняют особое боевое задание.

Идя к самолету, полковник Преображенский вспомнил первый налет на вражескую столицу.

---

[1] Позднее стало известно, что советские подводники потопили вражескую подводную лодку «U-144» под командованием капитан-лейтенанта фон Миттельштедта.

[2] Капитан И. И. Горбачев за боевые подвиги в небе над Моонзундом был награжден орденом Ленина. Погиб в октябре 1942 года на Ленинградском фронте.

Погода тогда была хорошая. Настроение у всех приподнятое. Шутя спросил у техника:

— Выдержат наши машины такой перелет?

— Наши-то? Товарищ полковник, да на них не то что до Гитлера, до Муссолини долететь можно.

Проверены оружие и кислородные приборы, испытаны резиновые шлюпки. Ведь почти весь маршрут проходит над морем.

...Сверху при луне тени облаков на воде кажутся причудливыми островами. Но штурман П. И. Хохлов точно ведет всю группу самолетов, и вскоре впереди уже замелькали огни. Это Свинемюнде. За ним проплыл освещенный Штеттин. Гитлеровцы, видимо, даже представить себе не могут, что это летят советские самолеты. На аэродроме вспыхивает светящийся посадочный знак.

— Товарищ полковник, а не отблагодарить ли фашистов за внимание?

— Нельзя. Наша цель — Берлин.

Да. Он уже виден на горизонте светящимся заревом огней.

Легко понять удивление наших летчиков. В городе даже не выключено уличное освещение. Не ждут фашисты налетов. И только после того, как запылали пожары, район за районом вражеской столицы стали погружаться в темноту.

На следующий день фашистские газеты сообщили, что Берлин бомбили английские самолеты. Для большей убедительности они добавили, что при этом якобы было сбито шесть машин. Англичане поспешили опровергнуть: «Германское сообщение о налете на Берлин интересно и загадочно. Наша авиация в ночь на 8 августа над Берлином не появлялась».

Так было во время первого налета. А затем каждый раз приходилось прорываться сквозь плотный заградительный огонь.

И вот снова над аэродромом Кагула на острове Сааремаа красная ракета взлетела в вечернее небо. Дан старт. Взревели моторы бомбардировщиков. Тяжелые машины, до предела нагруженные бомбами и горючим, медленно разбегаются и набирают высоту.

Все дальше отступают берега острова. Впереди — ширь Балтики. Хотя здесь ориентироваться труднее, полет над морем позволяет избежать встречи с вражескими истребителями.

За горизонт опускается багровое солнце. Быстро наползают сумерки, а вместе с ними небо заволакивают грозовые тучи.

Полковник уверенно вел машину. Рядом — слетанный боевой экипаж: штурман Хохлов, в нижнем люке у пулемета радист Кротенко, у верхней турели стрелок Рудаков. Не раз они летали вместе на боевые задания.

Несколько часов тяжелого полета. Потом первые вспышки разрывов яркими звездами замелькали внизу под самолетом. Темное небо полосуют голубые лучи прожекторов.

— До цели три минуты,— раздается в наушниках голос штурмана.

Сигнальными огнями командир приказывает самолетам рассредоточиться. Мерцает то одна цветная лампа, то другая. Потом загорается белая. В наушниках:

— Так держать!

Самолет на боевом курсе. Полковник понимает, какое напряжение испытывает сейчас штурман, который ловит в прицел цель.

Машина вздрагивает, взмывает вверх: бомбы оторвались. Пройдут секунды, и желто-багровые языки пламени взметнутся в небо.

Вспыхнули и погасли сразу все сигнальные лампы: бомбометание закончено. Огненная стена встает на пути советских самолетов. Преодолеть огонь зениток, избежать встречи с вражескими истребителями, выйти к морю! Крохотный осколок, попав в бензобак, может оказаться роковым.

...Каждый полет к Берлину длился около восьми часов. И каждый раз, выполнив боевое задание, балтийцы спешили домой, на остров Сааремаа.

Девять групповых налетов совершили советские летчики на вражескую столицу. В них участвовало до 19 бомбардировщиков одновременно. 13 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил балтийским асам — полковнику Е. Н. Преобра-

женскому, капитанам В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову, М. Н. Плотникову и П. И. Хохлову звание Героя Советского Союза.

Фашистов налеты советской авиации встревожили. Через четыре дня после первого налета в дополнении к директиве гитлеровского командования № 34 от 12 августа 1941 года говорилось: «...Следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и военно-воздушные базы на островах Даго и Эзель. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налеты на Берлин» [1].

4. Зарево над Моонзундом

Август на Сааремаа выдался сухой, но холодный. Поредела листва деревьев. С каждым днем все неуютнее становилось в землянках, куда из нового казарменного городка перешли подразделения 46-го стрелкового полка. Но и эти землянки вскоре пришлось оставить. С Большой земли приходили вести одна тревожнее другой.

Однажды командиру полка майору А. С. Марголину доставили пакет. Боевой приказ гласил: отряду в составе усиленного полка с Сааремаа и усиленного батальона с Хийумаа высадиться на материке в районе Виртсу и Хаапсалу и начать наступление вдоль железной дороги общим направлением на Таллин. Это был удар в тыл противнику, наступавшему на главную базу флота.

Приказ был получен днем, а уже к вечеру полк сосредоточился в лесу для переезда на машинах в Куйвасту.

Командир полка вместе с комиссаром Матяшовым проверяли подразделения.

В стороне слышалась негромкая песня.

— Узнаете? — остановил Матяшов командира.

Марголин прислушался:

---

[1] «Военно-исторический журнал», 1959, № 6, стр. 88.

Когда враги навяжут нам войну,
Мы развернем знамен багровый шелк,
И в бой пойдет за Родину свою
Сорок шестой стрелковый полк.

Песню написал полковой поэт Георгий Ладонщиков. Ее быстро разучили и пели во всех подразделениях.

— Узнаю! Пошли,— отозвался командир.

— Товарищ майор, разрешите доложить,— выросла перед Марголиным темная фигура в шинели.— Первый батальон для следования на пристань готов. Командир батальона капитан Огородников.

— Желаю удачи! — Марголин протянул руку, а сам подумал: «Вот и для моего полка пришла очередь вступить в бой».

Плацдарм на материке в районе Виртсу занимал 1-й батальон 79-го стрелкового полка, которым командовал старший лейтенант И. Г. Абдулхаков. Командный пункт разместился в подвале старого имения. Сюда накануне удара на материке со своим корректировочным постом с 43-й батареи прибыл лейтенант Смирнов.

Фашисты не ожидали наступления. По их расчетам, окруженный советский гарнизон на островах должен был поднять белый флаг. Сбитые вражеские заслоны, не оказывая серьезного сопротивления, поспешно отходили на север. Только у местечка Карузе гитлеровцы опомнились, заняли оборону.

Вечером к вражеским позициям послали группу разведчиков во главе с младшим лейтенантом Мищенко. Бойцы шли по тропинке вдоль шоссе. Высланный вперед разведчик Капустин неожиданно подал команду залечь. Вскоре послышался гул моторов, и из-за поворота выскочили две зеленые бронемашины в сопровождении мотоциклистов. Пропустив первый броневик, разведчики забросали гранатами вторую машину.

К своим они вернулись с богатыми трофеями.

Упорные бои завязались в нескольких километрах от станции Лихула, у мызы Туди. На холмах фашисты вырыли траншеи, установили здесь минометы. В каменных зданиях оборудовали огневые точки. Наступавшие в этом районе 1-я и 2-я роты 79-го

стрелкового полка, встретив сильное сопротивление, вынуждены были отойти.

Старший лейтенант Абдулхаков вызвал к себе командиров рот Василия Зозулю и Гургена Мосиняна. Оба они воевали с белофиннами. Мосинян даже был награжден орденом Красного Знамени.

Под раскидистой сосной, где расположился командный пункт наступающего батальона, Абдулхаков поставил ротам новую задачу. Зозуля со своими людьми заходит в тыл безыменной высотки, господствующей на местности, а Мосинян с двумя взводами атакует эту высотку с юга. Часть 2-й роты во главе с политруком М. И. Федоренко ведет наступление вдоль шоссе на Лихулу...

По сигналу с командного пункта снова пошли в наступление стрелковые роты. На холме красноармейцы разглядели старый ветряк с двумя уцелевшими крыльями. Когда-то на постройку его башни пошли крупные валуны. Фашисты воспользовались этим своеобразным «дотом» и установили на мельнице пулемет.

Подавить огневую точку на ветряке командир роты приказал орудийному расчету ефрейтора Ширшова. Пулеметчики отвлекли внимание фашистов. Тем временем артиллеристы выкатили орудие из-за дома для стрельбы прямой наводкой.

Гитлеровцы заметили угрозу. Пули взвихрили пыль у пушки, дробно полоснули по щиту. Но у артиллеристов оказались крепкие нервы.

Дважды громыхнула пушка, и ветряк заволокло пылью и дымом. После третьего снаряда вражеский пулемет на мельнице замолчал.

Безыменную высотку фашисты тоже не хотели оставить без боя. Траншеи на вершине надежно защищали вражеских солдат. Но после нескольких атак красноармейцы все же ворвались на высоту и в штыковом бою уничтожили гитлеровцев. В числе отличившихся был пулеметный расчет В. А. Чертушкина, метким огнем поддерживавший наступление роты.

Путь на Лихулу был открыт.

В журнале боевых действий БОБРа содержится запись, датированная 28 августа 1941 года: «В 6.00

наши части начали боевые действия в районе станции Лихула». К ночи станция была взята.

Несколько суток удерживали Лихулу советские части. Вскоре пришел приказ начать отход. Главная база Краснознаменного Балтийского флота — Таллин — была эвакуирована. Теперь фашисты могли бросить против войск, высаженных с островов, крупные силы.

Вновь заговорили орудия и пулеметы. С упорными боями начали продвижение красноармейцы и моряки назад к Виртсу и Рохукюла.

В небольшой недостроенной гавани Рохукюла части грузились на катера и шхуны для перехода на остров Хийумаа.

Темень. Ни звезды, ни огонька. Лишь слышны гул возбужденных голосов на пирсе да приглушенные звуки моторов.

На катер лейтенанта В. М. Огаркова погрузились саперы. Завалили палубу тюками и ящиками, набились в кубрики, и вскоре оттуда послышался богатырский храп. Катер мог выйти, но командование медлило. Ждали подхода оставшихся.

Лейтенант стоял на мостике. К трапу подошел человек.

— Командир, как дела на катере?

— Принял всех, товарищ комиссар. Только вот в море, кажется, катер горит. Разрешите подойти, выяснить?

— Добро. Выходите!

Звякнул машинный телеграф. Под ногами упруго заходила палуба. Юркий катерок «Рыбинец» отвалил от пирса.

Огонь становился все ярче и ярче. Вскоре уже можно было различить очертания катера и головы людей возле него.

...Катер догорал. Днище с обглоданными огнем бортами лизали языки пламени, но под ударами волн оно затухало.

Катерники лейтенанта Огаркова спасли около 20 человек. Это были эвакуированные из Хаапсалу. Они пытались перейти на остров Хийумаа, но на катере произошел взрыв, и большинство пассажиров погибло.

После того как плацдарм в районе Рохукюла — Хаапсалу был оставлен нашими войсками, упорные бои начались на подступах к Виртсу. Стремясь помешать советским войскам перейти на острова, гитлеровское командование бросило к Моонзунду крупные силы.

Трое суток продолжались на Виртсу бои. Отход советских частей прикрывали роты капитана Исаева и младшего лейтенанта Карельского.

Особенно упорной была борьба за дамбы. Фашисты попытались захватить их с ходу, но были отброшены. Тогда они начали ожесточенный артиллерийский обстрел наших частей. Затем в облаке дыма и пыли показались вражеские солдаты.

Пулеметчики успешно отбивали первые атаки фашистов. Уже на противоположном конце дамбы валялись убитые гитлеровцы, а пьяные автоматчики шли, перешагивали через трупы, падали, откатывались назад и снова шли.

Гитлеровцы сосредоточили огонь по позициям пулеметной роты. «Максим» наводчика Габрашитова был поврежден. Фашисты устремились на дамбу. Нет, не зря она была пристреляна заранее. Устранив неисправность, Габрашитов переменил прицел и вновь открыл огонь. Горы трупов выросли на дамбе. Уцелевшие гитлеровцы бежали на материк.

К вечеру, когда часть наших войск отошла к пристани, фашисты снова появились на дамбе. Не встретив сопротивления, они осмелели. Убирали трупы, катили легкие пушки, тащили минометы. Когда большая группа вражеских солдат дошла до середины дамбы, раздался взрыв. Немало врагов было погребено под камнями. А тех, кто не смог отойти, уложили советские пулеметчики.

Вместе с высадившимися на материк подразделениями находился корректировочный пост во главе с лейтенантом Смирновым. Вновь наступили жаркие дни и для поста, и для 43-й береговой батареи.

Основные части уже отступали на пристань. С минуты на минуту лейтенант Смирнов ждал приказа отходить.

Артиллеристы располагались в небольшом домике, как раз там, куда подходили и шоссе, и желез-

ная дорога. Здесь же оставались командир полевой батареи № 5 старший лейтенант Л. С. Михейкин и несколько раненых.

Грохот приближавшегося боя все нарастал. Артиллеристы заняли круговую оборону. Лес разрывов вырос перед домиком. Потом мины стали рваться дальше. Все вокруг заволокло пылью. Бежали какие-то люди, стреляли...

Смирнов выслал своего связиста Н. Д. Кудрявцева уточнить обстановку, но вскоре он вернулся Их окружили.

Когда гитлеровцы атаковали дом у перекрестка дорог, их встретили огнем из винтовок и ручного пулемета. Фашисты залегли. Все чаще раздавалось:

— Рус, сдавайся!

Силы были неравны. С одной стороны горстка советских бойцов, среди которых было много раненых, с другой — до роты автоматчиков. Как же прорваться к катерам, которые стоят у пирса? Лейтенант, пригибаясь, бросился к кустам, где покачивался гибкий штырь антенны.

— Ласточкин,— крикнул он радисту,— связь с батареей!

Командир взвода управления лейтенант И. С. Мельниченко, который с полуострова Кюбассааре вел огонь по Виртсу, вспоминает подробности этого дня: «Я окружен на перекрестке дорог,— доложил мне Смирнов.— Отбиваемся от наседающего противника. Приказываю вести огонь по мне». Рядом находился командир батареи Букоткин. Выражение его лица изменилось. Чуть помедлив, он кивком головы разрешил мне открыть огонь. После второго залпа Смирнов передал: «Хорошо, накрытие!» — И на этом связь с ним прекратилась».

Как свидетельствует запись в журнале боевых действий, более десяти минут бушевал на Виртсу огненный шквал разрывов.

Меткие залпы 43-й уничтожили немало вражеских автоматчиков, а остальных заставили бежать. Корректировочный пост во главе с лейтенантом Смирновым и артиллеристы старшего лейтенанта Михейкина пробились к пирсу и благополучно переправились на остров Муху.

В ночь на 4 сентября наши подразделения оставили Виртсу. Последней уходила рота лейтенанта Зозули из 79-го стрелкового полка. Сам лейтенант незадолго до этого был тяжело ранен.

В отчете о боевых действиях на материке отмечалось, что противник в этом районе понес большие потери. Среди особо отличившихся называли роту пулеметчиков и личный состав батарей № 5 и № 43.

5. Фашисты высаживают десант

После того как наши войска оставили город Хапсалу, отряд гидрографов капитан-лейтенанта Н. И. Федотова перешел на остров Вормси.

Днем 6 сентября с моря донеслись орудийные раскаты. Это фашисты предприняли попытку высадить десант на советский остров Осмуссаар. Но их там встретили огнем батарей. А вечером следующего дня вражеский огонь неожиданно обрушился на остров Вормси. Налет был внезапным. Снаряды рвались у самого маяка. Лучи мощных прожекторов, направленные с материкового берега, слепили бойцов.

Готовясь к отражению десанта, остатки отряда гидрографов вместе со стрелковой ротой заняли на берегу окопы и дзоты. Но в эту ночь фашисты высаживаться не стали. И только днем 8 сентября к острову двинулись вражеские шлюпки. Борьба за Моонзундский архипелаг началась непосредственно на островах.

Когда на Хийумаа узнали, что противник высадился на Вормси, командование стало перебрасывать туда подкрепления. Из моряков различных подразделений формировались отряды добровольцев.

В 36-м инженерном батальоне, одна из рот которого во главе с лейтенантом Я. З. Винокуровым уже находилась на Вормси, перед отправкой туда очередного отряда состоялся митинг.

Бойцы батальона поклялись драться с фашистами до последней капли крови. Отряд добровольцев возглавил помощник командира батальона капитан Кравченко.

Одним из первых с парома, на котором доставили 76-миллиметровое орудие, у маяка Вормси высадился корректировщик лейтенант А. Я. Чистяков, артиллерист с 12-й береговой батареи. Вместе с Чистяковым прибыл и радист. Пушку сгрузили прямо в воду, и красноармейцы выкатили ее на берег.

Казалось бы, что такое одно 76-миллиметровое орудие? Но лейтенант видел, как оживились бойцы.

От маяка, темневшего у леса, подошла грузовая машина.

— Откуда, ребята? — спросил Чистяков у бойца.

— С Хийумаа, из 157-го полка.

Так, значит, и армейцы уже успели прислать подкрепление!

К рассвету стрелковый взвод с орудием и корректировщик Чистяков вышли в район бухты Свибю, на юге острова. Это было весьма кстати. К берегу направлялись лодки с вражескими десантниками. Встретив на восточном побережье сильное сопротивление, фашисты решили высадиться на юге.

Чистяков передал об этом на батарею.

Тем временем красноармейцы начали стрелять по лодкам из пулемета и винтовок. Десантники, видимо, не ожидали встретить здесь отпор. На головной шлюпке перестали грести. А когда раздался орудийный выстрел и белый фонтан взметнулся за лодками, фашисты стали поворачивать назад.

Первая победа! Пусть маленькая, но победа. А как нужна она была солдатам, особенно молодым, необстрелянным! Какой радостью светились лица людей: фашисты бегут!

Скоро Чистяков услышал тяжелые раскаты береговых батарей. Он все еще думал, что снаряды будут рваться у вражеских лодок, но басовитое уханье донеслось из-за леса. Значит, и на севере высадка...

Но вот вражеская артиллерия открыла огонь по берегу. И снова под ее прикрытием пошли шлюпки. И хотя многим десантникам не суждено было ступить на берег, взводу пришлось отойти.

Рота лейтенанта Винокурова, составлявшая основной гарнизон Вормси, вела неравный бой с гитлеровцами в одном из хуторов. К этой роте присоединились Чистяков с радистом. Гитлеровцы попыта-

лись окружить советских воинов, но бойцам удалось прорваться и уйти к морю.

Во время прорыва Чистяков был ранен. Товарищи доставили его к берегу.

Утром рыбачий катер, на котором находились бойцы роты Винокурова и Чистяков, подошел к пристани Хельтерма на острове Хийумаа. Санитарный автобус отвез раненых в госпиталь.

Между тем бои на Вормси не прекращались. Помощь гарнизону острова продолжала прибывать. Бойцы высаживались у маяка Вормси и с ходу вступали в бой. Их поддерживали береговые батареи. Борьба была упорной, а огонь балтийских артиллеристов точным. Только в районе маяка гитлеровцы потеряли более 300 человек.

И все-таки сбросить фашистский десант в море не удалось. Гитлеровцы успели высадить на Вормси усиленный батальон, поддерживаемый авиацией.

Как вспоминает боец из роты Винокурова Н. С. Мокшин, защитники установили у маяка два станковых пулемета. Вражеская авиация бомбила и обстреливала этот крохотный плацдарм. Одна из бомб попала в командный блиндаж, который обвалился и засыпал капитана Кравченко. Командование взял на себя старшина Васильев. Патроны были на исходе. А враг наседал со всех сторон.

Снять оставшихся на Вормси поручили лейтенату В. М. Огаркову.

Под утро катер доставил на Хийумаа 30 красноармейцев и краснофлотцев. Они-то и рассказали, что около 150 защитников Вормси заняли оборону возле маяка. Почти все командиры отрядов погибли в бою, и среди них командир пулеметного взвода 12-й батареи лейтенант И. П. Морев. При попытке прорваться к восточному берегу острова погиб капитан-лейтенант Н. И. Федотов.

Вспоминая о тех днях, главный старшина из отряда гидрографов Д. С. Чепельников рассказывал, что ночью прижатые к маяку защитники острова с криками «Ура!», «За Родину!» пошли в штыковую атаку и отбросили немцев от берега. Но рано утром при поддержке авиации гитлеровцы вернули свои позиции. 11 сентября с маяка Вормси передали,

что защитники острова отразили семь атак противника.

Командование снова направило катера к Вормси, однако из трех посланных один был потоплен вражеской авиацией, а два других, получив серьезные повреждения, вернулись обратно.

В 7 часов 30 минут 11 сентября связь с маяком прервалась. Наблюдательные посты докладывали, что на Вормси идет бой, слышны крики «ура», разрывы гранат. Днем перестрелка на берегу прекратилась. С наступлением темноты кое-кому из защитников Вормси удалось на плотах и рыбачьих шлюпках переправиться на Хийумаа.

Захватом острова Вормси началась оккупация гитлеровцами Моонзундского архипелага, но враг стремился овладеть всем архипелагом, и прежде всего островами Муху и Сааремаа. Операция по овладению этими островами получила у фашистов название «Беовульф».

Гитлеровское командование разработало два варианта этой операции. В соответствии с первым, если деморализованный советский гарнизон не окажет сопротивления, усиленный немецкий полк без боя производит высадку на полуостров Сырве и в районе города Курессааре.

Но упорная борьба защитников Моонзунда, дерзкие атаки торпедных катеров и активность советских береговых батарей убедили гитлеровцев, что на этот вариант им рассчитывать не приходится. Оставалось действовать по второму варианту, то есть брать острова с бою.

Однако гитлеровское командование опасалось, что советский гарнизон Муху — ближайшего к материку острова Моонзундского архипелага — может сбросить десант в пролив. Чтобы заставить оттянуть с Муху силы, гитлеровцы накануне высадки направили три отряда кораблей, которые должны были отвлечь внимание оборонявшихся своими демонстрационными действиями с севера, запада и юга.

Вражеская авиация и артиллерия также активизировали свои действия. 13 сентября особенно ожесточенной бомбардировке подверглись остров Муху и восточное побережье Сааремаа.

В тот же день наши летчики обнаружили на подходе к островам вражеский конвой. Шли шесть фашистских транспортов в охранении семи кораблей. Это начались демонстративные действия врага. К полуострову Сырве приближался западный отряд.

Торпедным катерам было приказано найти и атаковать противника. И раньше немало дерзких атак совершили они. Немало вражеских кораблей и транспортов отправили на дно Рижского залива. Но и советские катера несли потери, и, несмотря на героические усилия ремонтников, катеров становилось все меньше и меньше. И когда пришло сообщение о вражеском конвое, навстречу врагу могли выйти всего лишь два катера под командованием капитан-лейтенанта С. А. Осипова.

Условия для атаки были благоприятные. Катера приближались со стороны темной части горизонта. Видимо, опасаясь обстрела, вражеские миноносцы старались держаться подальше от берега. И действительно, когда они открыли огонь по полуострову Сырве, им ответила батарея капитана Стебеля.

На фашистских кораблях долго не видели, что к ним приближаются советские катера.

Но вот головной катер, вырвавшись вперед, ставит дымовую завесу и атакует передние транспорты. На эсминцах блеснули огни выстрелов. С катера видели, как огромная сила приподняла нос одного из транспортов. Раскатом грома разнесся взрыв над водой. За ним второй, третий.

Выполнив свою задачу, торпедные катера легли на курс отхода. А в это время над вражескими транспортами появились наши самолеты.

13 сентября советские торпедные катера во взаимодействии с авиацией и артиллерией Береговой обороны потопили три вражеских транспорта и нанесли повреждения еще нескольким транспортам, входившим в западный отряд.

«Высоко ценим ваши боевые действия. Своими успехами вы помогаете Ленинграду»,— от имени Военного совета радировал на острова командующий флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц.

Северный отряд противника, который с целью демонстрации направлялся к Хийумаа, вообще не

подошел к островам. Он потерял подорвавшийся на мине финский броненосец Береговой обороны «Ильмаринен» и повернул обратно.

Действия фашистских кораблей накануне высадки потерпели неудачу. Широко задуманная демонстрация закончилась крупными потерями. Советское командование не отвело с Муху ни одной роты.

* *
*

После того как лейтенант Смирнов вызвал на себя огонь батареи, товарищи уже не думали увидеть его живым. И вот Смирнов, успешно корректировавший огонь на острове Виртсу, слегка контуженный, сидит на командном пункте на Кюбассааре и рассказывает о том, как прикрывала батарея своим огнем десант, как она помогла отойти нашим частям с Виртсу и как командир оборонительного участка полковник Н. Ф. Ключников сказал на прощание, когда они переправлялись на остров Муху:

— Передай, сынок, спасибо вашим пушкарям. Если б не они, пришлось бы нам всем хлебнуть воды из пролива.

Давно лейтенант Смирнов не чувствовал себя так хорошо.

Звонок телефона прервал беседу. Трубку снял командир батареи Букоткин.

— Да, лейтенант Смирнов прибыл. Есть, он выедет немедленно.

Букоткин положил трубку, сказал лейтенанту:

— Приказано с рацией выехать на Муху, в штаб Ключникова.

Наступило 14 сентября — день, памятный для всех защитников Моонзунда. В этот день части 61-й немецкой пехотной дивизии начали бои за остров Муху.

Прибывших корректировщиков направили в дзот на побережье. В этот час на Муху было еще тихо: ни обстрела, ни бомбежки. Только голубые лучи прожекторов часто ощупывали пролив и пропадали где-то у вражеского берега.

Смирнов проснулся от обстрела. Начинался хмурый рассвет, а на противоположном берегу пролива

мелькали частые вспышки и били орудия. Потом в небе загудели моторы.

Радист Кучеренко, чертыхаясь, возился с рацией.

— Катера идут! — крикнул краснофлотец у амбразуры.

В первый момент лейтенант ничего не мог различить на темном фоне берега, потом заметил черную точку, другую, третью... Он насчитал их свыше 40 и, сбившись, перестал считать. С севера острова тоже донеслась перестрелка.

Один за другим вставали в проливе столбы огня и воды. Иногда после удачного выстрела в небо взлетали обломки катера. Артиллерия противника перенесла огонь дальше от берега, пытаясь подавить батареи. Десант высаживался севернее пристани.

В журнале боевых действий охраны рейда Куйвасту об этих напряженных событиях записано: «14 сентября 1941 г. 6 час. 05 мин. от Виртсу к Куйвасту идет большое количество шлюпок и катеров. 7 час. 20 мин. — противник высаживает десант на остров — к норду от поста № 12. Ведем огонь по десанту противника».

Долго держался дзот на побережье. Даже когда к лесу под натиском противника отошла стрелковая рота, занимавшая этот участок, дзот продолжал бой в окружении. В этот день раненый корректировщик Анатолий Смирнов был захвачен в плен.

Штаб послал на помощь гарнизону острова Муху подкрепление. Шоферы торопились. Близился рассвет, и нужно было успеть проскочить через длинную узкую Ориссарскую дамбу, соединяющую Сааремаа с островом Муху. Машины с людьми на этой прямой, как стрела, дороге представляли хорошую цель для вражеской авиации. В кузовах, прижавшись друг к другу, сидели моряки.

Когда перебрались на Муху, впереди послышались взрывы бомб. В сосновом лесу, в нескольких километрах от пристани Куйвасту, машины развернулись, высадили бойцов. Невдалеке уже гремел бой. Среди разрывов была слышна ружейно-пулеметная перестрелка. Чтобы уточнить обстановку, командовавший прибывшим подкреплением подполковник Охтинский выслал к пристани разведчиков.

Сквозь растрепанные облака стал проглядывать диск солнца, сумрачный, плоский. Добровольцы, собранные для поддержки защитников Муху, осматривали винтовки, готовились к первому бою на суше. Для многих из них этот бой вообще был первым боем в жизни.

Подполковник с биноклем в руках прошел на опушку леса. Отсюда был виден Моонзунд. Небольшие транспорты, шаланды, катера, рыбачьи лодки двигались от материкового берега. По ним била наша артиллерия. Севернее пристани шел бой с высадившимся противником.

Внимание Охтинского привлек гул моторов. Пробив низкую облачность, пять истребителей шли к заливу. Это были «И-153».

— Наши «чайки»! — произнес кто-то радостно. Подполковник оглянулся и увидел трех моряков с винтовками. Одного из них он узнал. Это был техник из аэродромной команды. Самолет, который он обслуживал, недавно сбили, и, оказавшись без дела, он пошел на сушу в отряд добровольцев.

— Старший лейтенант Крайнов ведет,— говорил техник возбужденно,— а рядом машина Ильичева и Шевцова, а вон те — младшего лейтенанта Гузова и лейтенанта Мурашова. Сейчас фашистам будет жарко!

Истребители направлялись к судам десанта. И пока подоспели вражеские самолеты, наши истребители сделали несколько заходов. Обстреливая катера и шлюпки, «чайки» развернулись и скрылись в облаках над Муху. За ними устремились 12 «мессеров».

Вскоре снова раздался нарастающий рокот моторов над головой. Охтинский подошел ближе к сосне.

— Наши! — раздался сзади радостный возглас.— Оторвались от «мессеров» и снова идут сюда!

Действительно, в разрыв облаков вынырнула та же пятерка истребителей. Два из них атаковали делавший новый заход над дорогой «мессершмитт». Он резко отвернул и, задымив, на бреющем пошел к материку.

— Видали? — закричал техник.— Это Мурашов врезал.

Истребители снова устремились к вражескому десанту. И опять вставала вода, взлетали обломки разбитых барказов, тонули шлюпки.

В этот день защитники Моонзунда стали свидетелями нового подвига. Вот что рассказал сам герой — балтийский летчик Петр Фомич Гузов, ныне подполковник запаса:

— 14 сентября 1941 года нас по тревоге подняли около 5 часов утра. Здесь же, у самолетов, нам была поставлена задача: пятеркой самолетов «чайка», которую вел старший лейтенант Крайнов, атаковать вражеский десант.

Погода в момент вылета была отвратительная. Аэродром заволокло туманом, облачность — до земли. Но мы взлетели благополучно. Продолжая полет на малой высоте, мы выскочили к острову Муху у населенного пункта Куйвасту. Перед нами открылось непередаваемое зрелище. Весь пролив был забит катерами, лодками, плотами. Крупных кораблей было мало. Видимо, гитлеровцы не ожидали нас. Они двигались двумя колоннами.

Не разворачиваясь и не перестраиваясь, мы с ходу нанесли первый бомбовый удар по катерам и кораблям противника. Затем начали расстреливать и уничтожать десант реактивными снарядами и пулеметным огнем. Действовали мы с малых высот, поэтому результаты атак были нам хорошо видны. Солдаты под градом трассирующих и зажигательных пуль бросались с лодок и плотов в воду. Мы сделали пять штурмовых заходов. Одновременно с нами по лодкам вели огонь наша артиллерия и сухопутные войска. По всему проливу горели катера, корабли и различные плавсредства. Когда наша группа пошла на шестой заход со стороны Виртсу, я заметил над островом Муху группу немецких бомбардировщиков «Ю-88» и истребителей «Ме-109». Фашистские самолеты начали бомбить наши боевые порядки, а более десятка истребителей устремились на нас. Мы перестроились и приняли бой.

Я с Мурашовым находился в группе прикрытия. Над островом звено старшего лейтенанта Крайнова вошло в облака и благополучно вернулось домой. Меня с Мурашовым перехватила другая группа «мес-

серов», и нам пришлось вести бой вдвоем в окружении истребителей противника. Реактивных снарядов у меня уже не было. Из четырех пулеметов работал только один — нижний правый, на остальных при штурмовке десанта был израсходован весь боезапас. В бою самолет Мурашова был подбит и начал терять высоту. Я старался прикрыть его, отбиваясь от наседавших фашистов. Вдруг мой самолет потряс страшный удар. В кабине посыпались стекла с приборной доски. На мгновение я потерял сознание, а когда очнулся, почувствовал сильную боль в левой руке и левой ноге. На полу кабины была кровь. Но мотор работал. Вражеских машин сразу вроде прибавилось.

С каждой минутой управлять самолетом становилось все труднее. К тому же кончились патроны, перестал работать последний пулемет. В этот момент я заметил бомбардировщик «Ю-88» и решил таранить его. Времени для выбора удобной позиции не было, и, боясь, что фашист увернется от столкновения или меня раньше собьют вражеские истребители, я, не уменьшая скорости, врезался мотором своей машины в кабину верхнего стрелка-радиста. При ударе наши самолеты загорелись. Но у меня все же хватило сил выброситься с парашютом. К счастью, самолеты упали на остров Муху в расположении наших войск. Я приземлился метрах в двадцати от горевших машин и потерял сознание. Когда очнулся, то увидел наших моряков-артиллеристов.

Свидетелями подвига Гузова были многие защитники острова Муху. Они храбро дрались с высадившимся десантом, но героизм летчика-истребителя придал им еще больше сил. И когда разведчик доложил, что фашисты прорвались у пристани Куйвасту, подполковник Охтинский сам повел бойцов в бой.

Штыковая атака была короткой и стремительной.

Вражеские автоматчики, не приняв боя, отошли к пристани. Прорыв фашистов у Куйвасту удалось ликвидировать.

Напряженные часы переживали защитники острова. Гитлеровцы были остановлены, но не было сил сбросить десантников в море. Бомбардировка и штурмовые удары гитлеровской авиации продолжались. Вышли из строя многие наши батареи на Муху.

К тому же фашисты высадили севернее пристани крупные силы. Перед защитниками острова командование БОБРа поставило задачу: задержать наступление врага до темноты. Подкрепления с Сааремаа были уже посланы, но в светлое время суток вражеская авиация не давала двигаться по дорогам.

Западнее Куйвасту моряки и красноармейцы окапывались, пытаясь зарыться в каменистый грунт острова. Перед новой атакой враг обрушил на них шквальный минометный огонь. Потом опять показались автоматчики.

В разгар боя на правом фланге замолк станковый пулемет. Несколько человек поднялись из окопов, желая заменить пулеметчиков, но не добежали, сраженные осколками мины. Тогда, сбросив черную шинель, в одном кителе, Охтинский перебежками бросился к «максиму» и невредимым упал возле него. И когда фашисты поднялись в новую атаку, «максим» на правом фланге снова действовал.

Атаку отбили. И тут стало известно, что подполковник Охтинский тяжело ранен в голову. Бойцы перенесли его в санитарную машину. Но в это время в кустах близ нее разорвался немецкий снаряд. Так 14 сентября 1941 года оборвалась жизнь отважного балтийца, коммуниста, подполковника Алексея Ивановича Охтинского.

Выходившая на островах газета «На страже» в эти дни неоднократно рассказывала о массовом героизме красноармейцев и краснофлотцев на острове Муху. В числе героев острова газета называла парторга 202-й зенитной батареи политрука Зименкова. В бою, когда был тяжело ранен командир батареи, Зименков заменил его и мужественно продолжал бой, а с отходом частей удачно выбирал позиции. Фашисты пытались окружить отходивших. Зенитчики открыли огонь и, уничтожив прямой наводкой большую группу гитлеровцев, соединились со своими частями.

Ротой 37-го инженерного батальона командовал лейтенант Жуков. Заняв оборону у важного перекрестка дорог и умело расставив пулеметы, бойцы стойко удерживали занятые позиции. Когда вражеские автоматчики подходили совсем близко, лейтенант Жуков дважды поднимал людей и вел их в

штыковую атаку. И оба раза фашисты бежали, не приняв боя.

К вечеру на Муху стали прибывать с Сааремаа новые отряды красноармейцев и краснофлотцев. А утром снова начались ожесточенные бои. В боевых донесениях неоднократно упоминается рота, сформированная из бойцов аэродромной команды. Мужественно сражались с врагом пулеметчики 46-го стрелкового полка.

— Корректировочных постов на Муху не хватало,— рассказывает офицер штаба 3-й отдельной стрелковой бригады Иван Яковлевич Двойных.— Один из них находился близ штаба полковника Ключникова, в башне кирки. Кирка стояла на холме, и корректировщики заняли удобную позицию. Фашистские летчики вскоре заметили их. Артиллерия открыла по кирке огонь, а бомбардировщики сбросили бомбы.

На следующий день фашистские истребители на бреющем полете обстреляли кирку и подожгли ее. Дым пожара слепил глаза, мешал корректировщикам наблюдать за островом, но они не уходили. И только когда огонь охватил все строение, корректировщики решили покинуть башню. Однако один из них, вынося приборы, замешкался и погиб под обвалившейся кровлей.

Устилая остров трупами своих солдат, враг медленно продвигался, пытаясь обойти советские позиции с северо-запада, прорваться к Ориссарской дамбе и отрезать защитников Муху. И тогда советское командование решило отвести войска на Сааремаа.

Дорогой ценой достался фашистам остров. Начальник генерального штаба сухопутных войск гитлеровской Германии генерал-полковник Гальдер записал в своем служебном дневнике, что только за первый день высадки на Муху из 90 сосредоточенных в этом районе специальных судов — десантных ботов наступавшие потеряли 50.

Большие потери понесли и вражеские десантники. Они высадились севернее пристани Куйвасту, как раз там, где полковник Ключников сосредоточил основные силы для отражения нападения.

6. Героическая 43-я

Старший лейтенант Букоткин отпустил оперативного дежурного отдыхать, а сам остался у телефона. Уже рассвело, когда настойчивый телефонный звонок прогнал дремоту. В трубке раздалось:

— Оперативный, слушай. Один самолет тащит другого на веревке. Давай тревогу, пожалуйста.

Букоткин по голосу узнал татарина Тазлукова. Его пулеметный пост находился на восточном мысу полуострова.

Утро вставало хмурое. Противоположный берег Моонзунда затянуло мглой. В легкой дымке вдоль полуострова Кюбассааре шли самолеты. А за ними, казалось, следовали их тени. Присмотревшись, командир понял, что это планеры. Сосчитал: семь штук. На крыльях хорошо видны черные кресты.

На севере, в нескольких километрах от огневой позиции батареи, артиллеристы заранее подготовили сухопутную оборону. Пересекая самое узкое место полуострова Кюбассааре, от воды и до воды протянулось проволочное заграждение в три кола.

Командовать сухопутной обороной должен был помощник командира батареи лейтенант Смирнов. Но его отправили на Муху. Кого же послать на перешеек? Букоткин не удивился, когда к нему подошел старший политрук Карпенко:

— Василий Георгиевич, на перешеек со взводом пойду я.

Григорий Андреевич Карпенко окончил строевое училище. Он хорошо знал тактику и еще лучше — своих людей. Букоткин крепко пожал ему руку.

Пока взвод грузился в машину, загрохотал мотор мотоцикла комиссара. «Индиану» хорошо знали на батарее. Сколько раз старенький мотоцикл комиссара отказывал на дороге и его привозили на Кюбассааре на машине.

Вскоре с перешейка послышались пулеметные очереди и торопливый треск автоматов. «Успели-таки пулеметчики»,— с удовлетворением подумал Букоткин.

Между тем положение на батарее осложнилось. Возвращавшегося с опушки леса Букоткина встретил запыхавшийся командир огневого взвода младший лейтенант А. З. Кухарь.

— Товарищ командир, сигнальщик Березин доложил: с моря к полуострову идут катера и шхуны.

В то время батарейцы не знали, что против них выделены специальные силы полка «Бранденбург», что гитлеровской авиации поставлена задача подавить эту «самую опасную береговую батарею», а комбинированному десанту с моря и с воздуха приказано захватить Кюбассааре и уничтожить советских артиллеристов.

С площадки, где находился дальномер, была далеко видна серая поверхность залива. Силуэты вражеских шхун и катеров казались маленькими и безобидными. Но в бинокль было видно, как оседают они под тяжестью десанта. Катера и шхуны шли тремя отрядами, в кильватер, затем перестроились и двинулись к берегу строем фронта. Их оказалось свыше 20.

— Огонь!

Дрогнули, закачались деревья от орудийных залпов. Рассекая воздух, понеслись снаряды. С третьего залпа вырвавшийся вперед крупный немецкий катер задымил, потом на нем взвился и тотчас погас язык пламени. Десантников точно ветром сдуло в холодную балтийскую воду.

Батарея продолжала вести огонь. Обнаружив по вспышкам замаскированные орудия, вражеская авиация обрушила на них бомбы. Первую восьмерку бомбардировщиков сменила вторая. Вскоре от близкого попадания бомбы вышла из строя рация. Вышка, на которой находился дальномер, а ниже — радиорубка и КП, загорелась. Букоткин перенес управление огнем на второе орудие. Еще две шхуны пошли ко дну, но десант не отворачивал.

Взметнув фонтан земли, около орудийного дворика разорвалась бомба. Упал сраженный командир орудия сержант Григорий Герасимов, тяжелое ранение в голову получил замковый Иванов. При новом взрыве, последовавшем через несколько секунд, Букоткина швырнуло на орудийный щит. Когда он очнулся, санитарный инструктор Писков перевязывал

ему раны. Убитого командира орудия заменил матрос Демин. Батарея продолжала вести огонь по десанту. Одиннадцать осколочных ранений получил командир батареи. Матросы хотели перенести его в санчасть, но он запротестовал:

— Не время, бой не кончился.

После того как седьмой фашистский катер исчез в волнах Рижского залива, гитлеровцы не выдержали, повернули обратно. Вскоре вражеский десант растаял в надвинувшемся тумане.

В тылу батареи ожесточенный бой продолжался. Пулеметчики под командованием Карпенко уже отбили несколько атак гитлеровцев и подожгли опустившийся поблизости в камышах немецкий планер. Букоткина на машине доставили на перешеек.

Через амбразуру дзота, в котором находился комиссар, командир видел проволочные заграждения, протянутые через дорогу, зеленые кусты можжевельника. Над темной изгородью из плитняка, за которой укрылись гитлеровцы, изредка мелькали вспышки выстрелов.

В дзоте пулеметчики, готовясь к новой атаке, набивали ленту. Вошедшему командиру батареи Карпенко доложил:

— Отбили четыре атаки. А как положение на батарее?

— Личный состав отлично дерется. На помощь нам выслана рота велосипедистов. Но раньше ночи их не жди: авиация мешает.

— Мы продержимся,— уверенно сказал комиссар.

Раздался телефонный звонок. Оперативный доложил, что вновь показались вражеские транспорты в сопровождении миноносцев.

Букоткин заторопился обратно.

День разгуливался. На четко очерченной линии горизонта, словно вырезанные из жести, виднелись четыре транспорта. За ними на буксире тянулись катера и шлюпки. Еще дальше, едва различимые, держались четыре эскадренных миноносца.

На батарее раздался сигнал боевой тревоги. Огневой взвод, понесший потери утром, пополнили за счет хозяйственников и прожектористов, и он снова был готов к бою. Тихо на батарее. Лишь в верхушках де-

ревьев шумит ветер да трепещут обрывки маскировочных сетей над пушками.

В тылу, на перешейке, перестрелка тоже прекратилась. Транспорты и эскадренные миноносцы приближались.

На вражеских кораблях показались вспышки. Начался обстрел батареи.

Вражеские снаряды рвались в воде. Букоткин наблюдал за приближавшимися транспортами. Лишившись дальномера, командир не мог быстро определить расстояние до них. Вот передний транспорт застопорил ход, к нему подошли катера и шлюпки. Началась посадка десанта. Видимо, фашисты решили, что батарея подавлена.

Желтым пламенем полыхнул залп 43-й. Фонтаны воды вздымались у транспорта. В грохоте выстрелов артиллеристы не заметили, как снова над полуостровом Кюбассааре появились фашистские бомбардировщики.

Опять на батарею обрушились вражеские бомбы. Роща, в которой стояли орудия, сотрясалась от взрывов. Но огня батарея не прекращала. В разгар боя в нише орудийного дворика, где находились заряды, возник пожар. Под пулеметным огнем истребителей ленинградец краснофлотец Василий Травкин бросился в нишу и с помощью огнетушителя и собственной шинели быстро сбил пламя.

Отличился в этом бою и расчет пулеметчика краснофлотца Тазлукова. Он находился в дзоте на мысу. По доносившимся выстрелам с перешейка и непрекращавшейся бомбежке моряки-пулеметчики догадывались, что происходит на батарее. Тазлуков предложил вести огонь по фашистским самолетам, которые над дзотом ложились на боевой курс. Моряки вынесли пулемет на перекрытие дзота и встретили вражеский самолет длинной очередью в лоб. Самолет, ревя моторами, прошел над ними так, словно внизу никого не было.

Тазлуков вытер вспотевший лоб. Посоветовавшись, пулеметчики изменили прицел: навыка в зенитной стрельбе ни у кого из них не было. Перед ними стояла более скромная задача — отражать высадку морского десанта в заданном секторе.

Когда они обстреляли следующий самолет, на посту раздалось нестройное «ура!». Задымивший вражеский бомбардировщик резко изменил курс.

— Налетался, гад,— сказал ему вслед Тазлуков.

Дорого обошлась фашистам и вторая попытка высадить десант на Кюбассааре. К семи потопленным в утреннем бою катерам и шхунам прибавились еще два судна и пять катеров.

Когда наступили сумерки, батарейцы с подошедшим подкреплением сломили сопротивление противника на перешейке, загнав фашистов с планеров в камыши [1].

Вскоре из Курессааре за ранеными прибыли на батарею машины. Букоткин не хотел оставлять товарищей, но от потери крови он ослабел, и комендант Береговой обороны приказал немедленно доставить его в госпиталь.

В командование батареей вступил командир взвода управления лейтенант И. С. Мельниченко.

Хотя артиллеристы 43-й вышли из боя победителями, обстановка оставалась серьезной. Полыхало небо над островом Муху. Пожары, то затухая, то разгораясь, вставали в ночи. Доносился приглушенный расстоянием гул боя. Рассеянные в камышах десантники представляли для батареи неприятное соседство.

Ночью вылавливать их вышел специальный отряд. Руководил действиями в камышах командир пулеметного взвода Чуров.

На батарею артиллеристы вернулись лишь под утро, выполнив боевое задание. Пришли они с трофейными автоматами и рассказали, что уничтожили фашистов и подорвали планеры, с которых, как сообщили пленные, высаживался немецкий десант на остров Крит. Среди вражеских солдат были люди в гражданском, вооруженные немецкими автоматами.

---

[1] В 1960 году в Западной Германии вышла книга участника боев на Моонзунде Вальтера Мельцера «Борьба за балтийские острова в 1917—1941—1944 гг.». Говоря о комбинированных действиях в этом районе, он писал: «Операция, предпринятая против береговой батареи Кюбассааре, была ошибкой и закончилась полной неудачей».

Некоторые из них пытались выдать себя за насильно мобилизованных [1].

В ночном бою, вылавливая десантников, отличились пулеметчик Логунов, артиллерист Н. И. Грузин, сигнальщик В. П. Березин.

О бое на Кюбассааре комендант Береговой обороны генерал-майор А. Б. Елисеев сообщал в штаб Краснознаменного Балтийского флота: «В героической борьбе с противником особенно отличилась береговая батарея № 43. Выдержала штурм с моря и с воздуха... Ходатайствую наградить орденом Красного Знамени».

14 сентября 1941 года фашистам не удалось высадиться на полуострове Кюбассааре. Зато в тот же день, используя до 400 мелких транспортов, шхун, барказов, штурмовых ботов, крупные силы противника ценой огромных потерь захватили плацдарм на острове Муху. А еще через три дня, после ожесточенных боев фашисты форсировали мелководный пролив Вяйке-Вяйн между Муху и Сааремаа и начали наступление на остров в трех направлениях. Снова 43-я батарея оказалась отрезанной.

Опять бомбы и снаряды обрушились на и без того изрытую землю. За эти несколько дней на батарею было сброшено около 500 бомб. Таяли ряды защитников полуострова Кюбассааре. Теперь погибших хоронили по ночам в братской могиле неподалеку от маяка.

Подходил к концу боезапас. Однако днем, когда после обстрела и новой бомбежки фашисты попытались захватить батарею, они вновь получили отпор. Артиллеристы вместе с армейской ротой лейтенанта Александра Голяны, отступившей от Ориссааре на полуостров, сожгли три вражеские бронемашины и отбросили противника.

Над полуостровом Кюбассааре установилась тишина. Фашисты больше не предпринимали атак.

---

[1] После войны в Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства ЭССР в материалах националистической организации «Омакайтсе» удалось найти документы, в которых говорится, что члены этой эстонской профашистской организации добровольцами участвовали в боях на Эзеле и Муху.

После боя старший политрук Карпенко приказал собрать личный состав у развалин казармы.

— Слушайте внимательно, товарищи. Из штаба получена радиограмма: «Расстрелять весь боезапас и действовать, как указано». Значит, сегодня ночью идем на прорыв. Командование приказало прорываться на Сырве.

Позднее среди балтийцев ходил рассказ, что в тот же день, в сумерках, молодая эстонская женщина Мария Кааль, минуя вражеские заслоны, пробралась на батарею. Ее отец, старый рыбак Василий Алексеевич, прислал дочь, чтобы сообщить артиллеристам, где расположены вражеские части. Накануне прорыва эти сведения оказались для батарейцев весьма ценными.

К вечеру с севера наползли тучи и начал моросить дождь. Батарейцы молча простились с убитыми товарищами. У развалин казармы зарыли железный ящик с документами батареи. Попрощались с группой, оставшейся взрывать орудия, и теми, кого отправляли в госпиталь на рыбачьих лодках.

Темень, осторожные шаги, шум дождя и грязь под ногами. Охранению удалось незамеченным подойти к пулемету, установленному посреди дороги. Однако здесь их кто-то обнаружил. Прогремел выстрел. Одновременно в темное небо взлетела ракета.

— Вперед, за мной!..

И батарейцы кинулись вперед.

Сзади слышались крики, стоны, треск сучьев. Стреляли редко. В такой темноте легко было перебить своих. Прорвавшиеся батарейцы уходили все дальше от дороги.

Скоро, отраженные в воде залива, заплясали на берегу языки пламени. Опасаясь нападения со стороны полуострова Кюбассааре, фашисты подожгли сарай.

На ветру пожар усилился. Утром запылали деревья на берегу. Решив, что батарея брошена, гитлеровцы попытались тушить лесной пожар. Тут вновь заговорила 43-я. Она выпускала последние снаряды по фашистам.

Младший лейтенант Кухарь запомнил слова комиссара: «Андрей Зосимович, отбери людей для под-

2 КРАСНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ.

ОБОРОНА ОСТРОВА ЭЗЕЛЬ—ПРИМЕР МАССОВОГО ГЕРОИЗМ

ЛЮБИТЕ РОДИНУ, КАК СЛАВНЫЕ ЭЗЕЛЕВЦЫ И ТАК ЖЕ УПОРНО ЗАЩИЩАЙТЕ ЕЕ!

РАЗГРОМ ДЕСАНТА

Песня Эзеля

(На мотив «Катюши»)

БОЕВОЕ СОДРУЖЕСТВО

Так в октябре 1941 года, в разгар боев за Моонзунд, газета «Красный Балтийский флот» оценивала подвиг островного гарнизона.

Политрук Иван Адреевич Кострикин, прорвавшийся с Хийума на полуостров Сырве.

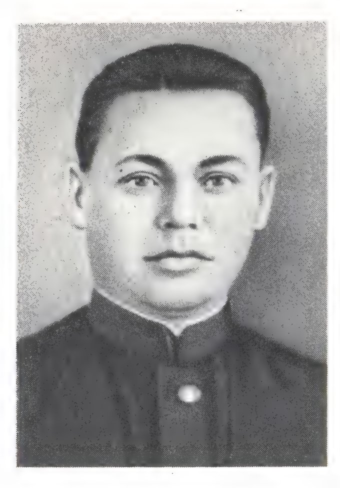
Секретарь уездного комитета партии на Сааремаа Александр Михайлович Муй.

Конечно, самодельные танки уступали заводским. Но и они могли помочь задержать наступление гитлеровцев.

Рыбак Василий Кааль и его дочь Мария не раз помогали батарейцам.

Командира легендарной 315-й береговой батареи капитана Александра Моисеевича Стебеля хорошо знали на Балтике. Его артиллеристы потопили немало вражеских транспортов.

Осенью 1941 года катера старшего лейтенанта Владимира Поликарповича Гуманенко последними уходили с Сааремаа, а осенью 1944 года первыми высадили десант на Моонзунд.

Советский десант под командованием заместителя командира 3-й стрелковой бригады полковника Николая Федоровича Ключникова в июле 1941 года отбросил фашистов от побережья Моонзунда.

После взрыва артиллерийского погреба лейтенант Николай Сергеевич Бартенев остался старшим по званию на Церельской батарее, которая встретила метким огнем германские дредноуты.

Когда на Виртсу фашисты окружили корректировочный пост 43-й береговой батареи во главе с лейтенантом Анатолием Петровичем Смирновым, лейтенант вызвал огонь на себя.

Одиннадцать осколочных ранений получил командир 43-й батареи старший лейтенант Василий Георгиевич Букоткин. И все-таки он продолжал руководить боем.

Первый таран в небе Моонзунда совершил командир эскадрильи 71-го авиационного полка Иван Илларионович Горбачев.

Команда: «По самолетам!» — и летчик 12-й краснознаменной эскадрильи Петр Фомич Гузов вновь поднимется в воздух.

рыва орудий. Уходить будете на шлюпках. Пробивайтесь на Церель, к Стебелю. До встречи, други!»

Командир огневого взвода Кухарь хотя и был молод, но успел получить боевое крещение. Медаль «За боевые заслуги» была вручена ему во время советско-финляндской войны, когда он находился в отряде лыжников капитана Гранина.

Как вспоминает Андрей Зосимович, он выделил подрывать орудия старшего сержанта Василия Рубцова, бойцов Шилова, Рыжова и Павлова и еще нескольких. Оставалось только поджечь бикфордовы шнуры, но туляк Рубцов неожиданно попросил:

— Дозвольте проститься с пушкой.

Артиллеристы по очереди прощались с орудиями. В это время на сухопутной обороне началась стрельба, и младший лейтенант произвел взрыв.

Но орудия были хорошо укреплены и поэтому от взрыва не пострадали. Тогда в стволы насыпали песку, наложили камней и крепко завернули дульные пробки.

Отправив товарищей в щель, вырытую на случай воздушных налетов, младший лейтенант Кухарь произвел последний залп. Когда пороховое облако рассеялось, все увидели исковерканные орудия с поникшими обрубками развороченных стволов. Батареи, которую сами строили, на которой служили, воевали, героической 43-й, больше не существовало.

Младший лейтенант оглянулся на своих товарищей. По их лицам катились слезы. И они не стыдились их.

18 сентября радисты на острове Хийумаа приняли радиограмму: «Окружены, батарею взорвали, отомстите за нас». Это была последняя весточка с 43-й.

Позднее жители Кюбассааре рассказывали, что после прорыва батарейцев гитлеровцы пришли на полуостров, но долго там они не задержались. А когда фашисты ушли, возле сожженного кулацкого дома осталось девять изуродованных трупов в матросской и красноармейской одежде. Так гитлеровцы поступили с ранеными, захваченными на полуострове в плен.

7. Сааремаа в огне

Накануне боев на Муху командование БОБРа стало подтягивать части в район Ориссааре. Одними из первых заняли позиции близ дамбы саперы лейтенанта Кабака и морские подразделения гарнизона.

За нешироким, поросшим осокой проливом Вяйке-Вяйн вставала зеленая стена леса на Муху. Там, на высотке, был противник, шли тяжелые кровопролитные бои.

Ночами по дамбе новые подразделения переходили на Муху. Днем жизнь у пролива замирала. Вражеские истребители обстреливали окопы, сбрасывали на хутора бомбы. С наступлением темноты противник обрушивал на узкую каменистую полоску, соединяющую острова, шквал огня. Мины и снаряды крошили гранитные валуны дамбы, рвались в воде.

В ту ночь, когда начался отвод наших войск на Сааремаа, группа старшины Егорычева заканчивала минирование дамбы. Чтобы преградить путь противнику, в трех местах заложили мощные фугасы. Подорвать дамбу старшина должен был лишь после того, как с Муху на Сааремаа проедет верховой и дадут зеленую ракету.

Бой приблизился к берегу. Проходили по дороге поредевшие в непрерывных трехдневных боях подразделения. В темноте белели повязки раненых. Перед рассветом дамба опустела. В это время звуки боя донеслись откуда-то с севера, с Сааремаа.

Старшина Егорычев у дота на берегу с нетерпением ожидал верхового. Вот наконец на дамбе появился всадник. Старшина вышел на дорогу. С наступлением рассвета померкло зарево над Муху. Вскоре Егорычев различил, что верховой был не один. С ним брела на Сааремаа группа раненых.

— Товарищ командир, с Муху все вышли?

Всадник встрепенулся.

— Что? Все ли вышли, говоришь? Ты бы лучше спросил, сколько полегло там...

Человек пошатнулся в седле. Егорычев подумал, что он ранен, но тут же понял: кавалерист смертельно устал.

— А как выстоишь, старшина, если их «мессеры» по макушкам сосен елозят? Разве их штыком достанешь? Где наша авиация, старшина? Где они, прославленные соколы?

Егорычев чувствовал, что человек не совсем прав. Он сам видел, как бесстрашно вступали в бой с новейшими истребителями противника наши старенькие машины. Саперы работали на аэродромах Кагула и Астэ. Для них не было секретом, что с началом войны на остров перебазировалась 12-я Краснознаменная авиаэскадрилья, позднее усиленная и реорганизованная в авиагруппу. Из-за недостатка зенитных батарей летчикам сутками приходилось дежурить в кабинах самолетов, делать в день по нескольку вылетов: прикрывать корабли, вести разведку, вывозить раненых.

В начале сентября, когда на островах стало трудно с бензином, вернулись на Большую землю бомбардировщики полковника Преображенского. На Сааремаа остались только истребители.

Островная газета неоднократно писала о подвигах летчиков. Имена не только Тхакумачева, Сгибнева, Горбачева, но и Цоколаева, Годунова, Авакяна, Хромова были хорошо известны защитникам Моонзунда. В последнем номере газеты рассказывалось о подвиге Петра Гузова, таранившего фашистский самолет.

Не прав был конник. Но спорить Егорычев с ним не стал.

Вспышка гнева лишила командира сил. Ухватившись за седло, он сказал устало:

— Все вышли, все, кто уцелел. Запомни, старшина: прикрывала отход 2-я рота 46-го стрелкового полка. Нет больше роты. Теперь жди гостей с той стороны.

Командир стеганул лошадь и, неуклюже пригнувшись, поскакал догонять ушедших вперед раненых.

Над темной стеной леса с Сааремаа поднялась зеленая ракета — сигнал для саперов. Один за другим прогремели взрывы. Клубы пыли поднялись над дамбой, и, как бы ожидавшие этого, на севере, в тылу ориссаарской позиции, вновь заговорили умолкнувшие было минометы и орудия.

Утром на берегу появились первые вражеские солдаты. Их встретил меткий огонь советских воинов. Ни бомбежки, ни артиллерийский обстрел не могли сломить стойкость защитников в районе Ориссааре. Как позднее вспоминал начальник политотдела БОБРа Л. Е. Копнов, в этих боях особенно отважно действовали 85-я флотская рота и саперы старшины Егорычева.

17 сентября фашисты вброд перешли мелководный пролив Вяйке-Вяйн и захватили плацдарм на Сааремаа. За день при поддержке авиации они сосредоточили здесь значительные силы.

Командование БОБРа, видя, что наступающих на широком фронте фашистов не задержать, отдало приказ отходить на юго-запад. Там, на узком, длиной около 30 километров полуострове Сырве, под руководством начальника инженерной службы майора Навагина создавались оборонительные рубежи.

По предложению начальника вооружения воентехника первого ранга А. О. Лейбовича создали подвижную артиллерийскую батарею: в кузовах автомашин установили 45-миллиметровые пушки. Батарея Лейбовича, усиленная спаренными пулеметами, помогала немногочисленным зенитчикам бороться с воздушным противником, а после высадки вражеского десанта участвовала в боях под Ориссааре.

Враги наращивали силы на Сааремаа. Они начали наступление вдоль северного побережья — на Трийги — Паммaну, в центре — на город Курессааре и вдоль южного побережья — на бухту Кейгусте. Части гарнизона, ведя бой с противником, вынуждены были отступать. Чтобы дать возможность защитникам острова организованно отойти на Сырве, гарнизон завязал упорные бои на наскоро подготовленных промежуточных рубежах.

Подразделения 46-го стрелкового полка, которым командовал майор Марголин, занимали оборону на северном побережье Сааремаа. Двое суток в районе бухты Трийги сдерживали красноармейцы наступавшую группировку противника. Это признает уже упоминавшийся В. Мельцер, который писал: «Особенно сильное сопротивление противника пришлось преодолеть на южном берегу бухты Трийги».

Флотские береговые батареи поддерживали оборонявшихся огнем. Артиллеристы-корректировщики находились в окопах вместе с пехотинцами, и не раз им тоже приходилось браться за винтовки, отбивая атаки гитлеровцев.

19 сентября начальник штаба 3-й отдельной стрелковой бригады полковник В. М. Пименов сообщил командиру 46-го полка майору Марголину, что гарнизон Сааремаа отходит для дальнейшей борьбы на полуостров Сырве. Передовым частям 46-го полка ставилась задача задержать наступление северной группировки фашистов.

И все-таки, несмотря на героизм оборонявшихся, ряды которых пополнили моряки из бухты Трийги и с береговых батарей, полк отходил. Отходил, неся потери. Уничтожив военный городок у озера Каруярви, отступали на запад, на Кихельконну.

Звуки боя доносились с юга, со стороны Курессааре, но впереди, куда ушли роты и куда ехал командир полка, тоже раздавалась редкая стрельба. Майор Марголин знал, что сутки назад, стремясь отрезать дорогу для отхода на юг, в районе Мустьялы фашисты сбросили парашютный десант. Парашютисты приземлились в расположении 39-го артиллерийского полка и вскоре все 150 были уничтожены. Но это было сутки назад. Отсутствие связи больше всего беспокоило майора. Утром он отправил велосипедиста, надеясь определить, где находятся соседи справа, но красноармеец не вернулся.

За поворотом дороги увидели машину. Это был камуфлированный автобус в желто-зеленых полосах. Его задние колеса стояли в кювете. Дверца кабины была распахнута.

«Наш клубный»,— узнал Марголин. Машина командира полка подкатила поближе, и майор увидел, что кабина пуста, а смотровое стекло прошито двумя перекрещивающимися очередями. Шофер объехал на дороге трупы двух гитлеровцев, притормозил у канавы: там без движения лежали еще трое.

— А вон и еще один,— указал на придорожные кусты шофер.

От опушки леса, размахивая револьвером, бежал человек:

— Стойте, стойте!

Майор поставил автомат на предохранитель. Чем это так взволнован командир роты связи?

— Немцы перерезали дорогу. Части полка прорвались на запад без боя. С минуты на минуту немецкие танкетки будут здесь!

В случае необходимости каменные заборы вдоль дорог на Сааремаа — надежная защита от вражеских пуль. Взвихрив пыль, машина помчалась назад. Надо предупредить командира арьергардной роты о противнике.

Вместе со связным майор уходил в лес. В мозгу складывался новый план прорыва с оставшимися людьми. А за сосняком уже лязгали гусеницы вражеских танкеток, и пули срезали ветки с деревьев, да где-то далеко рвались тяжелые снаряды. Это расстреливали боезапас по наступающим береговые батареи. Тяжелые снаряды, предназначенные для поражения вражеских кораблей, крушили сосны и ели, расшвыривали щебень шоссе.

317-я береговая башенная батарея старшего лейтенанта Джофера Османова на мысе Ниназе прикрывала подходы к бухтам Тага-Лахт и Кюдема-Лахт, где в 1917 году войска кайзера высадились на остров Эзель.

Но в 1941 году враги пришли не с моря, а с суши, зайдя в тыл батарее. Пока фашисты были в секторе обстрела, советские артиллеристы вели по ним огонь. Но когда гитлеровцы вошли в мертвую зону, дальнобойные орудия оказались бесполезными. Батарейцы с личным оружием пошли на фронт.

Старшина А. Н. Белов вспоминал, что гитлеровцев встретили огнем винтовок и пулеметов краснофлотцы хозяйственного взвода под командованием интенданта Пискуна, рабочие механической мастерской, краснофлотцы воентехника Серебрякова.

До темноты в районе батареи шел бой. Утром атаки возобновились. Артиллеристы уничтожили всю документацию, взорвали орудия и командный пункт и отошли в лес на мысе Ниназе.

Разведка донесла, что все пути отхода отрезаны, без боя не прорваться. Командир взвода наблюдения и связи лейтенант Попов решил отвлечь внимание

фашистов. С ним пошли старшина Николай Лисин, пулеметчик Дмитрий Кочнев и радист Алексей Воропаев.

Через час с юга донеслись пулеметные очереди. Видимо, гитлеровцы не ожидали этого. На берегу еще долго рвались мины и снаряды. Маневр удался, батарейцы прорвались с мыса.

Но это было лишь началом пути к полуострову Сырве. В ежедневных стычках с противником группа редела. Лишь немногим удалось пройти к своим. Перешел линию фронта и Дмитрий Кочнев. Он-то и рассказал товарищам, что лейтенант Попов погиб в бою, а Воропаев был тяжело ранен. От него же стало известно, что Пискуна фашисты захватили в плен, а Серебрякову с другой группой артиллеристов удалось прорваться к своим.

Встретив сильное сопротивление в районе ориссаарских позиций, фашисты решили высадить в тыл оборонявшимся советским частям морской десант. Местом высадки они выбрали бухту Кейгусте, близ которой проходила шоссейная дорога на Курессааре. Корабли должны были подавить находившуюся в этом районе береговую батарею лейтенанта Е. П. Будаева.

Когда фашисты приблизились, помощник командира батареи младший лейтенант Соловьев так удачно скорректировал огонь, что первыми же залпами было уничтожено несколько вражеских катеров и лодок с десантом. Фашисты отказались от высадки с моря. Вражеская авиация обрушила бомбы на 45-миллиметровую зенитную батарею, которой командовал лейтенант Данилкин. Шесть вражеских пикирующих бомбардировщиков перепахали позиции батареи. Одно за другим вышли из строя орудия. Тяжелое ранение получил командир. Многие зенитчики были убиты.

Подавив зенитчиков, авиация противника принялась бомбить позиции береговой артиллерии. От прямого попадания загорелся склад боеприпасов — длинная траншея близ орудий. Начали рваться снаряды. Пожар грозил уничтожить весь боезапас.

Рискуя жизнью, из укрытия выскочил командир батареи комсомолец Будаев. За ним бросились стар-

шина Архангельский, артиллерист Рыбкин, командир огневого взвода Видякин.

Мужественные люди выносили из огня тяжелые ящики с боезапасом. Пожар ликвидировать не удалось, но часть боезапаса была спасена. И он очень пригодился, этот боезапас.

Артиллеристы привели в порядок одно из орудий. И когда узнали, что на Сааремаа фашисты сосредоточились в районе Пейде, израненная батарея вновь заговорила.

Недолго оставалось пустынным небо над Кейгусте. Снова начались ожесточенные налеты. Во время одного из них вражеская бомба упала возле КП. Осколками бомбы был тяжело ранен в ноги командир батареи Будаев. Товарищи решили, что он убит. Но лейтенант пришел в себя и, с трудом приподнявшись, понял, что ему больше никогда не вернуться в строй... Он вынул из кармана комсомольский билет и удостоверение, снял бинокль, попросил написать матери.

— Запомните адрес: Москва, Ленинградское шоссе, больница...

Номер дома связной не разобрал. Собрав последние силы, лейтенант поднял пистолет и поднес его к груди.

Так ушел из жизни московский комсомолец Евгений Будаев.

Фашистские части приблизились к пирсу Кейгусте. Группа советских бойцов на восточном берегу бухты оказалась отрезанной. Неширокая водная полоса отделяла их от товарищей. Продолжая отстреливаться, на плотах и вплавь красноармейцы и моряки переправились через бухту к своим. Была среди них и команда сгоревшего торпедного катера.

С тех пор как в конце августа из Моонзунда на восток ушли корабли, торпедным катерам пришлось ставить мины, высаживать разведывательные и диверсионные группы.

Немало успешных атак числилось на боевом счету катерников. В августе катера под командованием капитан-лейтенанта Осипова и старшего лейтенанта Гуманенко потопили фашистские тральщики «RA-53» и «RA-55» и повредили миноносец. 2 сентября они успешно атаковали конвой. Даже с полуострова

Сырве в течение 40 минут видели густой дым над горевшим транспортом. Недаром дивизион катеров тоже был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Утром 17 сентября катерники вышли на поиск противника и вскоре заметили на горизонте облачко. Наших кораблей в Рижском заливе не было, значит, впереди противник. Катера пошли на сближение. Вскоре они увидели тральщик, корма у которого дымила. Ветер сносил корабль к югу.

Моряки поняли, что тральщик брошен. Торпедный катер главного старшины Афанасьева подошел к кораблю. Горела корма. На спасательном круге прочли название: «Люнебург».

Это был один из кораблей, пытавшихся накануне подойти к бухте Кейгусте. Огнем береговой батареи лейтенанта Будаева он был поврежден, и команда бросила его, оставив на корабле оружие и продукты.

Катерники попытались увести вражеский корабль на буксире, но тросы лопались. Сняв 20-миллиметровую автоматическую пушку, прихватив снаряды и карабины, моряки вернулись на катер.

Выпущенная торпеда взорвалась в центре корабля, и «Люнебург», он же тральщик № 1707, затонул.

...С оставлением Таллина сведения о боях на островах с трудом просачивались на Большую землю. Но они все же доходили. И в осажденном Ленинграде Всеволод Вишневский записывал: «Дерется Эзель... Герои!»

8. На полуострове Сырве

Хмурый осенний рассвет наступал медленно. И когда на востоке заалела серая облачная пелена, летчик увидел впереди выложенное светящееся «Т» — знак посадки.

Не первый год водил он самолеты. Не раз приходилось садиться в тайге и на размокших от дождей площадках. Но сегодня он волновался. Так далеко в тыл противника летчику не доводилось забираться.

Еще бы! Фронт остановился в 400 километрах на восток от острова.

Земля мчалась навстречу машине, стремительно приближаясь с каждой секундой. В глаза бросились дома — несколько длинных казарм, здание поменьше. «Военный городок»,— безошибочно определил летчик. Невысокий лес вокруг городка желтел сохранившейся листвой дубков, да кое-где глаз ласкали зеленые конусы елок.

Делая разворот, самолет прошел над маяком. Потом внизу под крылом покатились волны Рижского залива. Штормило, и по темной воде тянулись белесые полосы пены. На самом берегу, на круглых, словно вычерченных циркулем, основаниях летчик увидел пушки, а когда колеса самолета коснулись грунта, его зоркий глаз заметил у опушки замаскированные зенитные орудия.

Видимо, самолет ждали. Откуда-то вынырнули красноармейцы. Единственный пассажир в кожаном пальто спустился на землю, по-хозяйски огляделся. В нескольких десятках метров от самолета среди кустов виднелась мокрая гряда валунов. Их свозили сюда, расчищая посадочную площадку. У опушки — несколько темных крестов, а дальше к морю — орудия. В Ленинграде полковой комиссар П. А. Мочалов слышал о прославленной батарее капитана Стебеля. Он с интересом взглянул на длинные стволы, направленные к морю, и догадался: пушки деревянные. Вот почему они плохо замаскированы. Да и место выбрано открытое, на самом берегу. Для ложной батареи это удачно.

На КП БОБРа, оборудованном в поросшем сосняком песчаном холме, собрались командиры. Здесь же находился и прилетевший представитель штаба флота. Он прибыл специально, чтобы ознакомиться с положением на Сааремаа.

Перед Мочаловым топографическая карта полуострова Сырве. По своим очертаниям полуостров напоминает Камчатку. Правда, он значительно меньше, длиной всего 30 километров. У местечка Сальме, в наиболее узкой части полуострова, воды Балтики от Рижского залива отделяет перешеек шириной чуть больше двух километров.

Докладывал обстановку начальник штаба БОБРа майор И. П. Шахалов.

На карте Сырве можно прикрыть ладонью. Шахалову хорошо известна эта узкая полоса земли с болотцами, с песчаными холмами, поросшая смешанным лесом. Создавая оборонительные рубежи на Сырве, он вместе с начальником инженерной службы излазил ее вдоль и поперек. Поэтому и голос его звучит уверенно:

— Одновременно с высадкой вражеского десанта на остров Муху авиация противника особенно ожесточенно бомбардировала наши катера и шхуны в районах Трийги. Кейгусте, Ромассаар. 16 сентября, когда стало ясно, что удержать остров Муху не удастся, комендант БОБРа приказал начать подготовку оборонительных рубежей на полуострове Сырве.

После рекогносцировки предложения по защите Сырве свелись к следующему: рубежи обороны необходимо создать в северной, наиболее узкой части полуострова.

Шахалов потянулся к графину с водой, налил в стакан и, сделав несколько глотков, продолжал:

— На Сырве возводятся три основные оборонительные линии. Первая — по берегу ручья, севернее населенных пунктов Сальме, Мельдри. Вторая — в пяти — семи километрах южнее, по линии Ансекюля — мыза Лыу. Третий, главный, рубеж — еще на три-четыре километра южнее, в районе Каймри — Рахусте.

За короткий срок на полуострове вырыты стрелковые окопы и оборудованы пулеметные гнезда. На втором и третьем рубежах поставлены надолбы. Подходы к ним заминированы. На восточном берегу начато сооружение противотанкового рва. Кроме ранее построенных на побережье дотов создано 33 легких дзота, служащих защитой личному составу от пуль и осколков.

— Почему легких? — спросил полковой комиссар, глядя на карту.

— В этом районе на глубине 80 сантиметров обнаруживаются грунтовые воды. Поэтому командование отказалось от дотов. К строительству оборонитель-

ных рубежей привлекалось местное население. Здесь же были сосредоточены 137 пулеметов и 32 орудия калибром от 37 до 76 миллиметров. В районе Рахусте на временном деревянном основании установлено 130-миллиметровое орудие, перевезенное с севера, с 25-й береговой батареи. Новая батарея получила номер 25-А. Ведутся работы по снятию еще двух таких же пушек с острова Абрука. 22 сентября передовые части противника вышли в район Сальме. С тех пор на Сырве не прекращаются бои.

— Есть ли оборонительные рубежи южнее линий Каймри — Рахусте? — спросил Мочалов.

— Сплошных рубежей нет. Имеются отдельные узлы сопротивления, главным образом на перекрестках дорог. Создана сухопутная оборона береговых батарей. Минирована часть побережья.

— Благодарю вас. Товарищ генерал, может быть, детали обороны мы уточним на местности?

Поглаживая седую бородку, поднялся комендант Береговой обороны А. Б. Елисеев. За ним встали командиры.

Пока на КП проходило совещание, рота старшего лейтенанта А. Г. Киселева после боя с вражескими автоматчиками отошла на оборонительный рубеж к Сальме. Красноармейцы вброд перешли неглубокий ручей и вышли к проволочным заграждениям. Какой-то старшина, выскочив из блиндажа, замахал им фуражкой:

— Стойте! Дальше минировано!

Рота укрылась в орешнике и стала ждать дальнейших приказаний. Красноармейцы чистили винтовки, поругивали где-то запропастившегося старшину, обещавшего выдать харч сразу за три дня. Здесь-то и выяснилось, что нет одного из командиров взводов — лейтенанта Василия Федоровича Куксенка. Кто-то из красноармейцев сказал, что во время артиллерийской подготовки видел, как командир взвода бежал в свою землянку. Позднее в нее попал вражеский снаряд. Сомнений не было: лейтенант остался на территории, занятой противником. Может быть, он жив и ему нужна помощь? Командир отделения Михаил Гузеев вызвался пробраться через линию фронта и разыскать командира. Шансов на успех было немного. По-

редевшая в боях рота кроме взводного рисковала потерять еще и командира отделения. И все-таки командир роты разрешил Гузееву перейти линию фронта.

К вечеру фашистские части вновь пытались атаковать позиции советских войск. Потеряв около роты солдат и убедившись, что здесь не прорваться, они отошли. Весь день бойцы старшего лейтенанта Киселева с нетерпением ожидали Гузеева. Прошла ночь, снова начались атаки, бомбежки. Уже кое-кто считал, что командир отделения погиб или попал в плен. В сумерки измученный, обессилевший Гузеев вернулся. Вытащив из полуразрушенной землянки раненого офицера и оказав ему первую помощь, он притащил его к проходу через минное поле. Так, рискуя жизнью, командир отделения 34-го инженерного батальона Михаил Гузеев спас своего боевого товарища.

Госпиталь, куда доставили раненого, находился на хуторе в дубовой роще. Как раз в это время из Ленинграда шла специальная передача для защитников островов. Поэтому у старенького приемника собрались все ходячие. Сквозь треск атмосферных разрядов доносился голос диктора:

— С берегов Невы привет вам, защитники советских форпостов на Балтике! Каждый день войны против фашизма рождает тысячи новых героев. Среди них будут всегда светить нам имена отличившихся.

После приветствия артист читал стихи:

Герои Ханко, Эзеля и Даго,
Вам, храбрецам, вершителям побед,
Вам, на врага идущие с отвагой,
От ленинградцев боевой привет!..

Заглушая приемник, вошедший санитар крикнул:

— Старшего лейтенанта Букоткина в штаб, срочно!

Оказалось, его вызывал на командный пункт генерал-лейтенант Елисеев [1]. Узнав, что раненый офицер

---

[1] Это звание А. Б. Елисееву было присвоено 16 сентября 1941 года.

чувствует себя удовлетворительно, комендант Береговой обороны направил его в полевые батареи. Ему поручили ознакомить боевые расчеты с основными правилами стрельбы по морским целям. Фашистские корабли все чаще подходили к берегам Сааремаа.

Вернувшись из этой поездки, Букоткин попросил назначить его командиром новой береговой батареи, а точнее, командиром единственного 130-миллиметрового орудия, установленного в районе бухты Лыу. Состояла эта батарея из артиллеристов, вместе с которыми на Сааремаа начал свой командирский путь Букоткин. Здесь же служили его товарищи — И. И. Федотов, командовавший спаренными зенитными пулеметами, и парторг М. М. Шашелев. Незадолго до этого личный состав батареи пополнился. В него влились 14 бойцов, прорвавшихся с Кюбассааре во главе с сержантом Логуновым. От них Букоткин узнал, что где-то по пути к Курессааре батарейцы встретили гитлеровцев. Старший политрук Г. А. Карпенко разделил батарейцев на две группы и завязал бой с основными силами врага, что позволило прорваться группе Логунова. О дальнейшей судьбе Карпенко артиллеристы ничего не знали.

Стремясь любой ценой взять Сырве, противник нес огромные потери. Только в районе Сальме фашисты похоронили около 600 своих солдат и офицеров. Поредели и ряды защитников. На передовую были посланы сводные роты, сформированные из личного состава тыловых учреждений. Встретив сильное сопротивление на полуострове, фашистское командование направило для обстрела рубежей боевые корабли. Как видно из иностранных источников, в обстрелах Моонзундского архипелага участвовали три легких крейсера — «Кельн», «Эмден» и «Лейпциг» и несколько эскадренных миноносцев.

Утром 27 сентября наблюдатели береговой батареи доложили старшему лейтенанту Букоткину, что на горизонте замечены дымы. Вскоре стали видны корабли, приближавшиеся к бухте Лыу. Зная, что несколько оставшихся самолетов-истребителей не представляют серьезной угрозы, вражеский отряд подошел к бухте. Шесть эскадренных миноносцев находи-

лись севернее бросившего якорь крейсера, прикрывая флагмана от атак подводных лодок. Когда корабли начали обстрел, им ответили батареи Стебеля и Буткина. Фашисты перенесли огонь на них. На батарее Букоткина, не имевшей надежных укрытий, появились раненые, погиб радист Иван Левашов.

Атаковать противника командование послало все исправные торпедные катера под командованием старшего лейтенанта В. П. Гуманенко. Их вели Б. П. Ущев, Н. П. Кременский, В. Д. Налетов и А. И. Афанасьев. Прикрывали с воздуха три оставшихся истребителя.

Обогнув полуостров Сырве, катерники увидели вражеские корабли, вокруг которых вставали тяжелые фонтаны. Это вели огонь береговые батареи. Близкие разрывы заставили крейсер сняться с якоря. Как раз в это время вражеские корабли были атакованы нашими торпедными катерами.

Первым пошел в атаку катер лейтенанта Б. П. Ущева. Прикрывая товарищей, поставил дымовую завесу катер А. И. Афанасьева.

Все четыре советских катера сблизились на дистанцию торпедной атаки и выпустили торпеды. Несколько мощных взрывов прогремело над водами Балтики. Облако дыма окутало крейсер, запарил один из миноносцев, на другом начался пожар.

Но противник не прекращал огня. Когда, прикрываясь дымовой завесой, катера стали отходить, вражеский снаряд попал в моторный отсек катера лейтенанта Н. П. Кременского. Находившегося у пулемета краснофлотца Демидова взрывом сбросило в воду. Катер потерял ход и стал медленно погружаться. На помощь ему поспешил катер лейтенанта Ущева.

Контуженный моторист, пошатываясь, вылез на палубу. Когда ветром несколько снесло поредевшую дымовую завесу, показались очертания вражеского эсминца. Над полубаком тянулось к небу облако дыма. Корабль прекратил огонь. К нему приближался второй эсминец. Остальных вражеских кораблей за завесой не было видно, но орудийная стрельба продолжалась. Всплески разрывов уходили все дальше и дальше от поврежденного катера, в сторону берега. Видимо, фашисты стреляли наугад. Катер легко

покачивало, и он постепенно погружался носом в воду. Невдалеке моторист увидел пулеметчика.

— Демидов! — позвал его моторист.

Ответа не последовало. Послышалось гудение моторов. Краснофлотец безошибочно определил: наш катер. Действительно, прорезав дымовую завесу, к ним подходили товарищи. У форштевня белел номер «111».

— Личному составу покинуть тонущий катер! — раздалось приказание командира.

Моторист с трудом направился к рубке. Он-то хорошо знал: спасти под огнем противника свое суденышко нет никакой возможности. Надо быстрее отходить к берегу, пока фашисты не пришли в себя после атаки и не вывели из строя остальные катера. 111-й приблизился к корме. «Катер Ущева,— узнал моторист.— Этот не подведет».

После контузии ноги почти не слушались. Он не сразу понял, что же все-таки произошло. Словно в замедленном кино, моторист видел, как на подошедший 111-й прыгнули двое и катер, взревев моторами, быстро направился прочь. Шевельнулась мысль: «Неужели бросили?» Силы оставили его, и он тяжело опустился на палубу. Где-то недалеко послышались пулеметные очереди, нарастающий рев набиравшего высоту самолета.

К старшине подбежал командир:

— Ранен? Прыгай в воду!

В холодной балтийской воде ему пришлось пробыть недолго. Через несколько минут весь личный состав был поднят на 111-й. Отбив атаку «Мессершмитта», Ущев вернулся за своими товарищами.

При отходе с торпедных катеров видели черное облако над миноносцем. Крейсер медленно удалялся в сторону моря. Из трубы его валил густой желтый дым.

Вылетевший в район боя летчик доложил, что катера и батареи береговой обороны потопили два вражеских эскадренных миноносца, а крейсер и еще один миноносец получили повреждение. Обстрел позиций на полуострове Сырве прекратился.

За этот бой с фашистскими кораблями генерал-лейтенант Елисеев представил участников его к пра-

вительственным наградам. Многим досрочно присвоили очередные воинские звания. Среди них был и В. Г. Букоткин.

Упорнейшая борьба на Сырве продолжалась. На шестой день обороны на участке Сальме — Мельдри из 137 пулеметов осталось 11, из 32 орудий — 3. Потери в личном составе достигали 50—60 процентов. Именно в эти дни прибывший на острова представитель штаба флота полковой комиссар Мочалов радировал в Ленинград: «На месте убедился в тяжелом положении. Командованием БОБРа приняты меры к удержанию Сырве. Личный состав несет большие потери от авиации противника. Нужна немедленная помощь самолетами, которых до сего времени нет, несмотря на сообщение о вылете. Шлите самолеты, снаряды, мины, станковые и ручные пулеметы, ускорьте вывоз раненых самолетами...»

30 сентября подразделения гарнизона отошли на последний рубеж обороны — Каймри — Рахусте. С Ханко на помощь им были посланы все исправные истребители. Но их оказалось всего лишь восемь.

В результате непрерывных боев ряды защитников Сааремаа сильно поредели. На фронт ушли все тыловые подразделения, а также команды погибших в боях торпедных катеров во главе с секретарем партбюро А. И. Сухановым. О своем желании уйти на передовую заявили десять комсомольцев — артистов театра КБФ. На сухопутный фронт шел личный состав береговых батарей.

Каждый метр каменистой земли полуострова доставался фашистам ценой большой крови. На Сырве «пехота вынуждена была прогрызать расположенные одна за другой оборонительные полосы»,— писал В. Мельцер.

Днем, после непрерывной бомбежки и обстрелов, вражеским солдатам удавалось захватить полуразрушенный рубеж. А ночью советские солдаты и моряки шли в атаку и возвращали обратно свои позиции.

Росли наши потери. С началом боевых действий на Сааремаа госпитали гарнизона рассредоточились по хуторам. В небольших крестьянских домиках, часто расположенных в лесу, раненые находились в относительной безопасности.

Особенно много госпиталей оказалось на полуострове Сырве. Туда для эвакуации на Большую землю стали доставлять раненых. Только военно-морских госпиталей на полуострове Сырве оказалось шесть. Хирурги по 20 часов не выходили из операционных. Они спали здесь же, в госпиталях.

Отправить на Ханко или в Ленинград удавалось не многих раненых. Слишком опасен был путь на катерах по минным полям Финского залива. Еще рискованнее было лететь на тихоходной громоздкой машине, представлявшей хорошую мишень для вражеских истребителей и зениток.

Бывший клуб 34-го инженерного батальона теперь тоже занимали раненые. На севере шла бомбежка. Вздрагивала земля. Красные сполохи разрывов гуляли по небу, и края низких, взлохмаченных облаков то наливались зловещим багрянцем, то снова меркли.

Прошла крытая машина и остановилась у дома.

— Пополнение к нам,— невесело пошутил кто-то.

Маленький санитар в каске выскочил из кабины, помог первому раненому сойти на землю. Подошло несколько красноармейцев:

— Откуда, ребята?

— Дорогу, дорогу! — совсем по-мальчишески крикнул санитар.— Люди чуть держатся, а они с расспросами.

— Кто это? — спросил красноармеец с перевязанной головой.

— Санитар-то? — отозвался другой раненый.— Воспитанник музвзвода Юра Трошнев. Весной в шестой класс ходил. А теперь с сумкой на боку на передовой раненых подбирает. И не гляди, что мал. Лезет в самое пекло. Говорят, к ордену представлен.

Неожиданно раздавшаяся песня прервала разговор. Раненые прислушивались к простым, близким их сердцу словам, исполняемым на мотив «Каховки»:

У выхода в море, где ветры норд-оста
Холодную гонят волну,
Наш Эзель-красавец надежным форпостом
Лежит, охраняя страну...

— Островная песня. В редакции ее сложили,— с гордостью произнес кто-то в темноте.

Дальше в песне говорилось о подвиге моряков с Цереля, оставшихся взрывать в 1917 году свою батарею. Пел кто-то, а люди, всего несколько часов до этого покинувшие поле боя, с жадностью ловили каждое слово песни. Невдалеке гремел бой. Фашисты захватили почти весь остров, а песня продолжала звучать, вселяя бодрость.

Умолк певец, и громовым раскатом рвануло сзади. Над головами раненых со свистом пронеслись снаряды.

— Батарея капитана Стебеля бьет! — крикнул кто-то.— Держитесь теперь, фашисты!

Какой-то человек с пачкой газет появился в кустах. Видимо, раненые его хорошо знали. Послышались возгласы:

— Товарищ политрук, сюда!

— Сюда газету!

Это в труднейших боевых условиях продолжала выходить островная газета «На страже». Маленький коллектив редакции, возглавляемый политруком М. Д. Крыловым, проявлял чудеса изобретательности, стремясь сделать свою газету боевой, острой. Газета «На страже» помещала сводки Совинформбюро, наиболее интересные материалы из центральных газет, рассказывала о героях обороны островов. С помощью немногочисленных помощников, корреспондентов газеты «Красный Балтийский флот» политруков В. Максимова и В. Лебедева, печатался сатирический уголок «Прямой наводкой». Наверху рвались бомбы и снаряды, а в землянке, где помещалась типография, художник вырезал на линолеуме хлесткие карикатуры. Газета опубликовала также стихотворный фельетон ленинградского писателя, оказавшегося на Сааремаа, Всеволода Введенского (Вальде) — «Открытое письмо Гитлеру от бойцов Эзеля». Куплеты этого письма распевались на острове артистами фронтовых бригад.

...Газета быстро разошлась по рукам. Стало слышно, как кто-то начал читать:

— «Член Всесоюзного ленинского комсомола старшина Бородулин смело вступил в бой с прорвавшимися гитлеровцами. Фашистская пуля пробила грудь воина, намок от крови комсомольский билет,

а отважный балтиец не выпускал из рук ручного пулемета. Меткими очередями он уничтожил четыре вражеские машины и большую группу солдат. Когда подоспела помощь, Бородулин был трижды ранен, но продолжал стрелять. Защитники Эзеля, берите пример со старшины Бородулина!»

Над головами раненых пронеслись снаряды с батарей Стебеля и Букоткина. Кончался боезапас. 315-я вынуждена была перейти на стрельбу отдельными башнями, а затем поорудийно. Выстрелы фугасными снарядами артиллеристы чередовали с бронебойными. Но снаряды эти, предназначенные для стрельбы по боевым кораблям, оказывали главным образом моральное воздействие на противника, наступавшего на суше.

И все-таки измотанные в боях советские части и подразделения шли на врага с винтовками и гранатами. За последние дни боев остатки гарнизона 45 раз контратаковали противника, задерживая его продвижение.

Днем 2 октября фашисты прорвали последний оборонительный рубеж Каймри — Рахусте. Вражеские снаряды и мины стали рваться у пристани Мынту, где под дощатым навесом укрывались пять уцелевших торпедных катеров.

Штаб БОБРа пытался эвакуировать с острова хотя бы часть раненых. Во время одного из вражеских налетов выбросился на риф у маяка Сырве поврежденный буксир «Лиза». Осмотреть буксир поручили старшему лейтенанту В. П. Дыкому с группой катерников. Это были ремонтники, ранее лишившиеся своих катеров. Моряки должны были определить, можно ли снять буксир с камней, залатать его пробоины, ввести в строй машину и использовать буксир для перехода на Хийумаа.

Из пяти торпедных катеров, оставшихся на острове, в море могли выходить лишь четыре. Но моторы на них износились до предела, а бесчисленные пробоины были заделаны на скорую руку. Пятый катер — старшего лейтенанта А. Н. Ткаченко — возвратился с повреждениями и требовал ремонта.

Военком дивизиона старший политрук Д. М. Грибанов, вернувшись от маяка, куда ездил вместе с Ды-

ким, по лицам товарищей понял, что здесь что-то произошло. Ему рассказали, что к катерникам приезжал комендант БОБРа, который собрал в просторной землянке на берегу залива командиров и прочел следующую телеграмму из штаба фронта: «Шесть самолетов с подвесными бачками, если позволит погода, высылаем вам завтра утром. Отобраны лучшие летчики. За вашей борьбой с фашистской сволочью внимательно следим. Гордимся вашими боевыми успехами. Отличившихся представляем к правительственным наградам. Крепко жмем ваши руки. Жуков, Жданов».

Грибанову рассказали также, что комендант БОБРа Елисеев обрисовал сложившуюся на фронте тяжелую обстановку и приказал командиру дивизиона Богданову подготовить для ночного перехода на Хийумаа катер с партийными документами. «Положение очень серьезное,— сказал в заключение Елисеев.— Пока помощь авиацией не подоспеет, мы должны быть готовы ко всему, вплоть до подрыва катеров. Не исключена возможность, что всем нам придется пойти с личным оружием на фронт».

Катера нуждаются в ремонте, размышлял Грибанов. Но они еще могут наносить торпедные удары по противнику, хотя торпед мало. Наконец, их можно использовать для эвакуации части гарнизона. Взорвать катера следует лишь в крайнем случае.

Своими мыслями старший политрук поделился с командиром дивизиона, а затем по совету капитан-лейтенанта доложил в штаб военкому — дивизионному комиссару Г. Ф. Зайцеву.

Упорные бои у Каймри — Рахусте продолжались весь день. С наступлением темноты на севере стали видны огромные пожары: горели хутора, горел лес.

Ночью на нескольких машинах в Мынту прибыл штаб Береговой обороны. Началась посадка на катера. Разрешение генерал-лейтенанту Елисееву перейти на остров Хийумаа было дано телеграммой десять дней назад от наркома Военно-морского флота адмирала Н. Г. Кузнецова.

3 октября 1941 года в 1 час 20 минут четыре торпедных катера покинули пристань Мынту. На каж-

дом из них кроме команды находилось по 40—45 человек вместо положенных 15.

На катере старшего лейтенанта Ткаченко еще не был закончен ремонт. Здесь оставалась ремонтная бригада во главе с воентехником второго ранга П. А. Агеевым. Старшина Платонов с девятью краснофлотцами получил приказание взорвать командный пункт, бомбохранилища, землянки, после чего на этом же катере переправиться на Хийумаа.

Остался на Сырве и старший лейтенант Дыкий, снимавший с рифа буксир «Лиза». Командование БОБРа считало, что «Лиза» сможет доставить с Сааремаа часть гарнизона и баржу с бензином.

Старшим на полуострове назначили командира 3-й отдельной стрелковой бригады полковника Гаврилова.

Днем 3 октября бои на Сырве разгорелись с новой силой. Фашисты вели наступление вдоль дорог, не рискуя заходить в глубь леса. Это облегчало положение оборонявшихся.

В тот день в штабе Краснознаменного Балтийского флота получили с Сааремаа радиограмму: «Командование БОБРа выбыло на Даго. Отправил туда же трех специалистов. Сам остался со Снимщиковым до последнего. Видимо, отсюда не вырваться. Мы прижаты к воде. Отступать некуда, помощи тоже не ждем. Если удастся, мелкими группами будем пробиваться по тылам. Настроение здоровое. Еще раз прошу: за документы не беспокойтесь, уничтожим, в руки врагу не дадим. Привет всем».

Радиограмму подписал техник-интендант второго ранга А. Д. Пантелеев.

Вся жизнь этого мужественного человека была связана с флотом, с Балтикой. Во время призыва молодой слесарь зерносовхоза попросил, чтобы его направили служить на корабли. Просьбу удовлетворили, и Пантелеева направили в учебный отряд, а затем на подводную лодку. Нелегкой в первое время показалась военно-морская служба. Но коммунист Пантелеев не искал легкой жизни. И когда подошло время увольнения в запас, он сообщил родным: «Остаюсь на сверхсрочную». Александр Дмитриевич хотел окончить среднюю школу и поступить

в военно-морское училище. О самоотверженной службе его не один раз писала флотская газета. Война помешала осуществлению его планов. В 1941 году офицер флота Пантелеев был начальником шифровального отделения штаба БОБРа.

Как рассказал командир комендантской роты техник-интендант второго ранга А. Н. Борисов, 3 октября противник усилил артиллерийский и минометный огонь по КП. В этот день Пантелеев со своим помощником В. Н. Снимщиковым уничтожал документы. Невдалеке начальник административно-хозяйственной части бригады Александр Иванов сжигал штабные дела. Красноармейцы закапывали сейф с деньгами и облигациями. На приметной сосне сделали зарубки. Рота Борисова получила приказание отойти к югу. Расставаясь со своим другом, Пантелеев сказал:

— В прошлую войну мой отец был в германском плену. У меня так не получится. Я сдаваться не буду.

Из штаба флота послали радиограмму: «Эзель, Пантелееву. Комфлота приказал документы уничтожить немедленно, самим переходить на Даго». Была в этой радиограмме еще одна фраза, говорившая о беспокойстве за судьбу шифровальщика: «Почему не ушел с командованием?» Однако помощник начальника отдела связи КБФ майор Демешко, посылавший радиограмму, вычеркнул эту фразу. Было ясно: связь с гарнизоном должна поддерживаться. Для этого и был оставлен коммунист Пантелеев.

Старшина из штаба БОБРа А. М. Манаков в письме родным Пантелеева сообщал: «Последний раз я его видел в 10 часов вечера 4 октября. На радиостанции он уничтожал документы».

Во время войны родителям Пантелеева кто-то передал записку. Послана она была с попутчиком, покидавшим Сааремаа на самолете незадолго до окончания боев. В ней Александр Дмитриевич сообщал: «Подробно писать нет возможности. Время очень серьезное. Мы находимся в полном окружении. В плен сдаваться не будем, и если нужно, то умрем за Родину. Что бы ни случилось, обо мне не беспокойтесь. Войны без жертв не бывает. Очень жаль детей.

Объясните им, когда вырастут, где я был и что делал. Ваш сын Александр».

Позднее товарищи рассказывали, что, покончив с документами, Пантелеев вместе с другими защитниками отбивал атаки автоматчиков.

Обстановка на фронте не позволила перебросить самолеты на помощь защитникам Сааремаа. Тяжелое положение складывалось под Ленинградом.

С наступлением темноты у маяка Сырве и на пристани Мынту стали собираться подразделения гарнизона. Много было ходячих раненых. Ждали обещанных катеров с Хийумаа. Ночью бой затих. Только вражеские корабли продолжали обстреливать полуостров. Батарея Стебеля на этот раз не отвечала. Артиллеристы берегли боезапас для последнего, дневного боя.

На Мынту приехал полковник Гаврилов с несколькими штабными офицерами. Около 8 часов утра он приказал командиру катера Ткаченко заводить моторы и выходить в море. Вместе с Гавриловым на торпедном катере ушли военком 3-й отдельной стрелковой бригады батальонный комиссар И. В. Кулаков и другие командиры и политработники. Старшим на Сырве Гаврилов оставил за себя полковника Ключникова.

В боях на полуострове Сырве большую роль сыграла башенная береговая батарея, которой командовал известный на Балтике командир — капитан Александр Моисеевич Стебель. Правда, основным назначением батареи была борьба с морским противником, однако вести огонь артиллеристам пришлось и по кораблям, и по наступавшим частям на острове.

Нелегко приходилось стебелевцам. Отряды добровольцев уходили с батареи на сухопутный фронт. Оставшиеся заменяли своих товарищей. Около 300 бомб сбросили гитлеровцы на батарею капитана Стебеля. Только благодаря отличной маскировке и ложным позициям батарея оставалась в строю, топила корабли противника, поднимала на воздух вражеские укрепления.

По оценке генерал-лейтенанта Елисеева, капитан Стебель прекрасно организовал управление. Широ-

кая сеть наблюдательных постов позволила ему умело управлять огнем.

И вот наступил момент, когда и эту батарею нужно было уничтожить. Около 10 часов вечера к КП, зеленому холму, где под толстым слоем бетона разместился целый подземный городок, подошла легковая машина. У артиллеристов оставалось всего по нескольку снарядов на орудие. Дежурил парторг батареи — коренастый, похожий на цыгана, младший сержант Н. Н. Пушкин. Приехал начальник артиллерии.

— Где командир?

— На маяке, товарищ капитан.

— Немедленно вызвать сюда. Подготовить батарею к взрыву.

Днем раньше, 4 октября, полковой комиссар М. З. Шкарупо приказал редактору газеты «На страже» политруку Крылову вместе с сотрудниками редакции срочно перейти на Хийумаа.

Они разбили типографскую машину, высыпали шрифт в воронку от бомбы и перемешали его с землей. По лесной дороге от госпиталя работники редакции прошли к батарее капитана Стебеля. Там разыскали старенькую рыбачью лодку, и в ночь на 5 октября шлюпка с редакционными работниками вышла в море.

К полковнику Ключникову для доклада о положении на морских батареях вызвали представителя Береговой обороны. Отправился полковой комиссар Шкарупо. Начальник артиллерии капитан В. М. Харламов и начальник штаба майор И. П. Шахалов находились где-то на передовой. Не оставалось сомнений, что бои на Сырве заканчиваются. Артиллеристы выпускали последние снаряды. Даже патроны и те были на исходе. Многие красноармейцы и краснофлотцы вооружились трофейными винтовками и автоматами.

За полчаса до совещания полковой комиссар увидел в рощице походную кухню. Кок с забинтованной головой ожесточенно чистил миски. Длинные дощатые столы, покрытые осыпавшейся хвоей, стояли под соснами. Только возле самой кухни доски были без хвои. Видимо, там недавно обедали люди. Лицо крас-

нофлотца показалось комиссару знакомым. Конечно, в начале боев его принимали в кандидаты партии. И фамилия даже припомнилась: Кузьменко.

— Здравствуй, товарищ Кузьменко. Давно ли ты стал коком?

Краснофлотец удивленно взглянул на подошедшего, застегнул ворот гимнастерки, из-под которого синели полосы тельняшки.

— Здравствуйте, товарищ полковой комиссар. В боях под Техумарди осколком зацепило, с тех пор кашеварю. Не хотите ли отведать?

Полковой комиссар охотно согласился. Моряк полотенцем протер миску и наполнил ее рассыпчатой рисовой кашей.

Шкарупо ел, а кок, присев напротив, вдруг задал вопрос, который за последние несколько часов ему задавали многие:

— Как вы думаете, товарищ полковой комиссар, придут этой ночью за нами шхуны?

— Должны прийти.

В рощице гулко ухнуло орудие. Только сейчас Шкарупо заметил замаскированную зенитную пушку. Хвоя с сосен снова посыпалась на столы.

— Продолжают огонь?

— Да. Старшина приходил обедать, говорит: если фашисты не будут очень напирать, до вечера снарядов хватит. А потом хоть горохом заряжай.

— Не вешай нос, Кузьменко. По всему берегу ребята сколачивают плоты, чинят шлюпки и рыбачьи баркасы. Если не придут этой ночью катера, будем переходить на латвийский берег. А он не так далеко, каких-нибудь 30—40 километров.

Сказал так полковой комиссар, а у самого на сердце легче не стало. Скольких из гарнизона смогут забрать шхуны? А как с остальными? И если они даже переберутся через Ирбенский пролив, там тоже оккупированная территория, а до линии фронта добрых 500 километров.

Вскоре у полковника Ключникова собралось около десяти командиров. Были здесь начальник штаба бригады полковник Пименов, начальник связи майор Кузнецов, капитан Двойных, несколько моряков из Береговой обороны.

Полковник коротко обрисовал обстановку: снарядов и мин больше нет, потери личного состава достигают 70—75 процентов, раненых эвакуировать некуда, пристань Мынту занята противником. Шансов на то, что шхуны прорвутся к Сырве, очень мало [1].

— Наш командный пункт заминирован,— закончил Ключников.— Если фашисты прорвутся, все взлетит на воздух. Один я не вправе решать судьбу оставшихся. Давайте обсудим это сообща.

Мнения выступавших командиров разделились. Одни предлагали перейти на плотах и рыбачьих лодках на латвийский берег, а оттуда пробиваться к линии фронта. Другие считали, что лучше прорываться на север, уйти в лес, а с наступлением морозов по льду перейти на материк.

Решили разойтись по подразделениям и сделать все, чтобы задержать противника. Ночью, оставив на дорогах заслоны, отвести людей к маяку, где ожидается посадка на катера. Если помощи с Хийумаа снова не будет, объявить красноармейцам и краснофлотцам о прекращении боевых действий, уничтожить всю технику, материальные ценности, продукты и на подсобных средствах переправляться в Латвию или мелкими группами просачиваться на Сааремаа. Последний снаряд оставить для подрыва пушки, последний патрон — для себя.

Бои на Сырве продолжались.

4 октября в Москве была принята радиограмма с Сааремаа. Она была дана открытым текстом. «Радиовахту закрываю,— говорилось в телеграмме,— иду в бой, в последний бой». Только теперь стало известно, что послал ее Пантелеев. На вопрос принимавшего радиста, каково положение на Эзеле, ответ был: «Прощайте, прощайте...» В 16 часов 10 минут связь с героическим гарнизоном прервалась.

В ночь на 5 октября 1941 года катера с Хийумаа не пришли. Утром бои возобновились южнее пристани Мынту, в районе аэродрома и по дороге на Церель. Интересные подробности об этом дне, последнем дне

[1] В эти дни Всеволод Вишневский записывал: «Был товарищ с Эзеля... Драма на островах подходит к концу: немцы направили на острова Моон и Эзель две дивизии, потеряли тысячи человек, но зацепились за берег...»

обороны полуострова Сырве, рассказал офицер штаба ПВО капитан М. Ф. Морковкин:

— День стоял теплый и солнечный. На севере продолжалась перестрелка, но вражеской авиации в воздухе не было. Машины «ЗИС-5» легко тащили за собой уцелевшие зенитные орудия. Батарея отходила к маяку. Пушки поставили в орешнике. В отличие от прошлых дней никто не сооружал укрытий. Не требовали этого и командиры. Многие просматривали свои вещи, уничтожали фотографии и письма.

Красноармеец у окопа чистил винтовку. Руки его действовали быстро и уверенно, а взгляд отсутствующий, и мыслями он был далеко-далеко, может быть дома, с близкими.

На юг тянулись журавли. Зенитчики с завистью провожали их взглядом.

Около 9 утра командиров вызвали в штабную землянку.

— Боевые действия на Сааремаа закончены. Все взорвать и уничтожить. Затем действовать по своему усмотрению. Объявите это бойцам.

Слова последнего приказа поползли от одного к другому. То здесь, то там стали раздаваться взрывы, вспыхивали яркие костры. От склада военторга местное население уносило продукты: сахар, крупу, муку. Их раздавали, чтобы не оставить противнику. У вещевого склада солдаты и матросы переодевались в новое обмундирование.

Не по сезону выдался день на Сырве, не по настроению — светлый и тихий день. Словно солнце напоследок хотело обогреть уцелевших героев. Бой еще не кончился. Продолжали рваться мины, а в ответ доносились нечастые винтовочные хлопки.

На КП 315-й батареи, куда перешел штаб бригады, полковник Ключников вновь собрал командиров. В числе вызванных был начальник штаба БОБРа майор И. П. Шахалов, заменивший погибшего подполковника Охтинского. Ключников объяснил, что в связи с предстоящей эвакуацией радиостанция вечером 4 октября разбита. Связи с командованием нет. Личному составу приказано с боями прорываться на север Сааремаа.

У своих орудий опустились на землю зенитчики.

— Друзья, сегодня мы собрались вместе в последний раз.

Люди молча слушают своего командира.

— Партизанить на Сырве негде. Предлагаю по три-четыре человека просачиваться на север. Там леса. Небольшими группами легче укрыться и вести борьбу.

По-разному решали люди свою судьбу на оккупированном острове. Группе защитников, в которую входил моторист с батареи на острове Абрука Д. С. Архипов, никак не удавалось оторваться от преследования. Они шли на север, чтобы переправиться на Хийумаа, но гитлеровцы следовали по пятам. Бойцы измучились, выбились из сил, на пути отступавшие встретили заросли кустарника, там протекал ручей. Фашисты, опасаясь засады, отстали.

Когда группа переходила по мосту, один из матросов сел на поручни, закурил и сказал:

— Братва, дальше не побегу. А вы уходите быстрее.

Товарищи понимали, что уговоры бесполезны. Они ушли через поле. Черная фигура матроса издалека виднелась среди облетевших кустов. Когда затрещали мотоциклы и первый фашист показался из-за поворота дороги, моряк, сидя на перилах, поднял винтовку и выстрелил. Мотоцикл закружился на месте и заглох. Еще несколько раз поднимал винтовку моряк, и после каждого выстрела падали враги.

Гитлеровцы обрушили на матроса шквал огня. Били из автоматов и пулеметов. Поблизости начали рваться мины. Отходившие перебежками к лесу видели, как выпала из рук матроса винтовка и сам он повалился в ручей...

Однако уходили с Сырве не только мелкими группами. Вечером часть бойцов и командиров, среди которых были А. М. Василенко, комсорг Н. Трошин, старший политрук С. Свинухов, собрав несколько грузовых машин и установив на них пулеметы, на большой скорости устремилась на север.

Фашисты, уверенные, что русские в создавшихся условиях не предпримут активных действий, пропустили машины. Только где-то у Сальме им удалось перекрыть дорогу. Встреченные на повороте пуле-

метным огнем в упор, машины полетели в канавы, большинство прорвавшихся погибло.

Уходили и отрядами, просачиваясь через немецкие позиции. Одним из таких сборных отрядов командовал начальник связи БОБРа волевой командир майор Григорий Григорьевич Спица. Несколько недель, двигаясь ночью, а днем укрываясь в лесу, пытался пробиться на Муху этот отряд. С крупными фашистскими силами они избегали встреч.

Очень не многим удалось перебраться через Моонзунд на материк. На лодке ушел с Муху с четырьмя товарищами комиссар 174-го саперного батальона И. Е. Кузнецов. Они высадились в районе города Пярну, но вскоре попали в плен.

С наступлением темноты от Сырве уходили переполненные шлюпки. Большая часть направлялась к латвийскому берегу, некоторые держали курс к нейтральной Швеции.

Командиры-зенитчики с 512-й батареи — лейтенант А. А. Чепраков, А. С. Молофеев и военком П. М. Жуков пошли через Ирбен на маленькой рыбачьей лодке.

Утром, когда туман рассеялся, лодка оказалась в открытом море. Берегов не было видно, на горизонте изредка показывались корабли, пролетали самолеты. Чтобы не привлекать внимания, парус пришлось спустить. Лодку медленно дрейфовало к востоку. В дымке открылся латвийский берег. Вновь надежда затеплилась у людей. Земля, поросшая лесом, приближалась быстрее, чем они хотели бы: с наступлением темноты легче было бы высадиться.

Больше всего артиллеристы опасались встречи с самолетом. И эта встреча произошла. Фашистский гидросамолет — «лапотник», как его называли на островах за поплавки, заметил лодку. Спустившись до бреющего полета, самолет дал несколько очередей и ушел. Одна очередь попала в лодку. С левого борта срезало обшивку. Хлынула вода. Сидевший на средней банке политрук Жуков со стоном схватился за голову и упал. Лодка перевернулась, и все четверо оказались в ледяной воде. Винтовки, патроны, небольшой запас продуктов — все пошло на дно. К счастью, лодка не затонула.

Их медленно сносило к берегу. Тело политрука товарищи привязали ремнем к лодке. Фашистская пуля попала ему в голову.

Не многим из островного гарнизона удалось добраться до латвийского берега. Одних потопили самолеты или сторожевые катера, других застрелили при высадке или схватили на хуторах айсарги. Лишь некоторые с помощью местного населения установили связь с партизанами и ушли в леса к народным мстителям.

Раненый писарь 34-го инженерного батальона Дмитрий Иванович Дрожак вместе с бойцом этого же батальона Земляным и другими переправились через Ирбен на большой рыбачьей лодке. Им удалось пересечь пролив. Гребли посменно. К утру, когда впереди в сумерках появился берег, сильный удар чуть не перевернул шлюпку. Камни. Они подстерегали всюду. Невидимые в темноте, скрытые под водой, они замедляли движение, грозили перевернуть лодку, плеском выдать врагу. Высадились они незамеченными и через дюны углубились на материк.

После высадки в ледяную воду Дрожак простудился. Болело плечо, но он продолжал идти. Где-то в лесу они нарвались на фашистов. Разгорелся короткий ночной бой. Группа рассеялась. Когда выстрелы затихли, с Дрожаком оставался лишь Земляной.

Шли несколько суток, питаясь капустой и брюквой. Чтобы получить продукты и узнать дорогу, решили заглянуть на хутор. На разведку пошел Земляной. Вскоре Дмитрий Иванович услышал выстрелы. Товарищ назад не вернулся. Дальше пришлось идти одному.

Так шел он еще два-три дня, пока болезнь окончательно не свалила его с ног. Очнулся в сарае, куда разбитым и ослабевшим забрался на ночевку. Идти Дрожак не мог. На помощь балтийцу пришли местные жители. Старушка принесла ему одеяло, пищу, рассказала, что большой лес находится километров за сорок. Затем в сарай пришел молодой латыш. Он пообещал связать Дмитрия Ивановича с партизанами. А когда Дрожак стал выздоравливать, двое товарищей зашли за ним. Переодетый в гражданское, бывший писарь инженерного батальона с острова

Сааремаа с помощью латвийских друзей ушел в леса Белоруссии и стал бойцом партизанского отряда имени Суворова.

Часть защитников Сааремаа достигла берегов Швеции и там была интернирована. В лагере Бюринген группа офицеров во главе с майором Марголиным, воентехником второго ранга Могилевым и подполковником Анисимовым составила краткий обзор боевых действий на острове.

От работников Курессаарской милиции Лабо и Герасимова, пришедших в Швецию в ноябре, интернированным стали известны некоторые подробности последних боев на Сырве.

После неудачной попытки уйти на шлюпке в начале октября эти двое укрылись в землянке в районе Торгу. 6 октября на Сырве не занятым противником оставался только участок Торгу — Карузе — маяк Сырве — местность лесистая, минированная. Около 10 часов утра стрельба на полуострове прекратилась, а в полдень фашистские солдаты прочесали лес и вышли к маяку. Автоматчики прошли по перекрытию землянки Лабо и Герасимова, но их не обнаружили.

В этот же день начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-полковник Гальдер в служебном дневнике сделал следующую запись: «Остров Эзель занят нашими войсками».

Представление о том, как оценивал оборону острова наш противник, дает статья участника боев капитан-лейтенанта И. Вирки «Захват островов Рижского залива», опубликованная в декабрьском номере финского «Морского журнала» за 1941 год в Хельсинки.

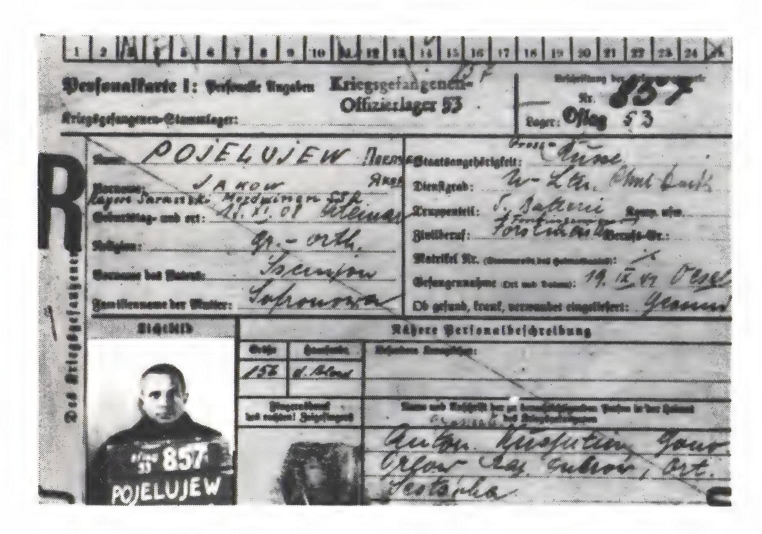
Отмечая, что вся территория Эстонской ССР к моменту высадки фашистских войск на Моонзунде была уже захвачена гитлеровцами, автор пишет: «Можно было ожидать понижения боевого духа русских на этих изолированных островах». Но на деле оказалось иначе. И. Вирки констатирует: «Русские защищали свои позиции фанатически, поэтому от наступающих потребовалось максимальное напряжение». Русские «особенно яростно оборонялись на полуострове Сырве и в окрестностях поселка Кихельконна».

Начальник штаба БОБР подполковник Алексей Иванович Охтинский. Погиб 14 сентября 1941 года при отражении вражеского десанта на остров Муху.

Последнюю радиограмму с Сааремаа в Москву отправил начальник шифровального отделения штаба БОБР Александр Дмитриевич Пантелеев.

Personalkarte I: Personelle Angaben Kriegsgefangenen-Offizierslager 53

Kriegsgefangenen-Stammlager:

Nr. 857

Lager: Oflag 53

Name: POJELUJEW

Vorname: JAKOW

Staatsangehörigkeit:

Dienstgrad:

Truppenteil:

Zivilberuf:

Geburtstag und -ort:

Religion: Gr.-orth.

Vorname des Vaters:

Matrikel Nr.:

Familienname der Mutter:

Gefangennahme (Ort und Datum):

Ob gesund, krank, verwundet eingeliefert:

Lichtbild

Nähere Personalbeschreibung

Größe	Haarfarbe
156	d. blond

Besondere Kennzeichen:

Fingerabdruck des rechten! Zeigefingers

Name und Anschrift der zu benachrichtigenden Person in der Heimat des Kriegsgefangenen

Такие же учетные карточки, как на артиллериста с острова Муху Якова Степановича Поелуева, заводили гитлеровцы на военнопленных. В них указывались не только имя и фамилия, дата и место пленения, но и рост и цвет волос; как у преступников, брался оттиск пальца.

44-я береговая батарея нанесла гитлеровцам значительные потери. На снимке группа артиллеристов во главе с ее командиром старшим лейтенантом Михаилом Александровичем Катаевым.

Тов. Краснофлотцы

Мы Моряки Балтийского Флота
находящиеся на О. Даго в этот
грозный час клянемся нашему правительству
и Партии что мы лучше все погибнем
до единого чем сдадим наш Остров
Мы докажем всему Миру что
Советские Моряки умеют
умирать с честью выполнив свой
долг перед родиной
Прощайте тов.
Мстите фашистским гадам
За нашу смерть
Центр. тир. Даго полуостр. Тахкуна
По поручению части Курочкин. Орлов
Конкин

Эту клятву балтийцы приняли на последнем комсомольском собрании на полуострове Тахкуна. Ее нашли в бутылке, брошенной в море.

Краснофлотец Григорий Иванович Орлов, один из трех балтийцев с острова Хийума, подписавших клятву.

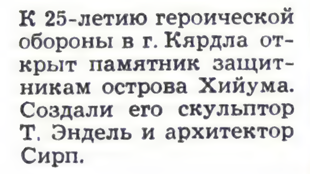
Одна из зарисовок военнопленных, сделанных бойцом 46-го стрелкового полка Иваном Николаевичем Хитровым в лагере Валга.

Маяк Тахкуна, с которого бросился последний его защитник.

К 25-летию героической обороны в г. Кярдла открыт памятник защитникам острова Хийума. Создали его скульптор Т. Эндель и архитектор Сирп.

Пока мы не знаем, какие подразделения удерживали Кихельконну. Видимо, это была какая-то отрезанная группировка островного гарнизона, прорваться которой на полуостров Сырве не удалось.

В дневнике эвакуированного участника боев капитана второго ранга М. А. Нефедова [1] читаем запись, сделанную 12 октября 1941 года в блокированном Ленинграде: «В той гигантской борьбе, которую ведет Советский Союз с оголтелым фашизмом, борьба на Эзеле есть лишь маленький славный героический эпизод. Слава и вечная память героическим защитникам Эзеля! Они своей беспримерной борьбой оттянули силы противника и тем самым выполнили честно свой долг перед Родиной».

9. Судьба героев

Остров Сааремаа отступал во тьму в зареве пожаров, в светящихся трассах снарядов и пуль. Раскаты боя заглушали грохот моторов.

Четыре торпедных катера, эвакуировавшие часть штаба БОБРа и группу раненых, шли к Хийумаа переполненными. Люди заняли не только все кубрики, они забили окатываемую волной палубу, сидели в желобах торпедных аппаратов.

Опасались встречи с вражескими кораблями. При такой перегрузке катер вряд ли смог бы уйти от противника. Только ночь могла спасти.

О том, что обогнули полуостров Сырве и вышли в Балтику, узнали по ветру, изменившему направление. Теперь уже не всплески, а сплошная стена воды с правильными промежутками времени обрушивалась на палубу. Промокли люди и брезент, которым они укрывались. Усталость валила с ног, но вода и холод не давали уснуть. Сбавили скорость,

[1] После Моонзунда М. А. Нефедов служил на Ладожской военной флотилии, был начальником знаменитой Дороги жизни. Это о нем в мае 1943 года В. Вишневский писал: «Убит... Миша Нефедов, которого я знал с 1923 года,— умница».

изменили курс, ничто не помогало. Катер все так же тяжело зарывался в волнах.

И вдруг моторы стихли. В темноте раздалась команда:

— Все вещи за борт!

Команду повторять не пришлось. Люди бросали в море все, без чего еще так недавно, казалось бы, не могли обойтись.

Только когда в воду тяжело плюхнулись два крупнокалиберных пулемета, дополнительно установленные в базе, и были выпущены торпеды, облегченный катер смог продолжать переход.

С рассветом перед глазами людей предстало штормовое море. Низкие тучи космами дождя словно старались пригладить вздыбленную холодным ветром воду. Вокруг утлых суденышек вздымались свинцовые горы, обрушивавшиеся на перегруженные катера ледяными потоками. А люди так нуждались в тепле...

Утром 3 октября сигнальщики с поста СНиС в Калесте заметили в море две черные точки — к острову Хийумаа медленно приближались торпедные катера, и даже невооруженным глазом было видно, как глубоко сидят они в воде. На шлюпке эвакуированных доставили на берег. Одной из последних ступила на землю Хийумаа М. Я. Щербакова. Затекшие ноги плохо слушались. Давило намокшее пальто.

На берегу к небу потянулись дымки костров. Прибывшие сушили одежду, готовили пищу. Только одна Щербакова как опустилась на землю, так и осталась сидеть, безучастная ко всему. Мысли ее были на покинутом Сааремаа. Там вместе с другими защитниками был ее муж, а в детских яслях осталась шестимесячная Зина. Ее не успели привезти к отходу катеров.

Через час к пристани Лехтма подошли еще два торпедных катера. На одном из них прибыл комендант БОБРа генерал-лейтенант Елисеев. Позднее механик дивизиона Добровольский, совершивший переход на этом же катере, вспоминал: «В море была сильная волна. Выйдя из моторного отсека в рубку, я увидел сидящего у турели пулемета Елисеева. Холодная октябрьская вода окатывала генерала с го-

ловы до ног. Я взял брезентовый чехол от компаса и укрыл плечи коменданта. Переживая горечь отступления, он ничего не замечал».

Около 170 человек, не считая команды, эвакуировалось на этих катерах на Хийумаа. О том, в каком состоянии находились эти маленькие суденышки во время перехода, свидетельствуют официальные документы. Достаточно сказать, что все катера нуждались в ремонте. В частности, у одного из них были повреждены валы и винты. Чтобы на переходе не потерять кронштейн гребного вала, его привязали к корпусу катера тросами.

Днем 3 октября на командный пункт Северного укрепленного сектора вызвали командира и штурмана охраны водного района на Хийумаа. Как вспоминает лейтенант Т. М. Кудинов, их встретил полковник А. С. Константинов. Здесь же находились прибывшие с Сааремаа комендант БОБРа и его комиссар. Генерал-лейтенант Елисеев, осунувшийся, склонился над картой Моонзунда.

Приказ был краток: в ночь на 4 октября на катерах, имеющихся на Хийумаа, выйти к Церелю — южной оконечности Сырве, в районе кирки Ямая снять штаб 3-й отдельной стрелковой бригады, взять как можно больше защитников Эзеля и следующей ночью вернуться обратно.

На острове оказалось шесть — восемь катеров типа «КМ». Это были небольшие тихоходные катера, вдобавок с изношенными моторами. Часть из них имела повреждения от налетов авиации, исправленные на скорую руку. Из навигационного оборудования катера имели всего лишь магнитные компасы.

Командиром отряда «КМ» назначили капитана третьего ранга П. А. Яковлева.

От Лехтмы до Цереля по прямой более 70 морских миль (около 125 километров). А морем этот путь увеличивается почти в два раза. Если учесть, что катера, приняв людей, должны были совершить обратный переход на Хийумаа, причем в штормовых условиях и ведя борьбу с вражеской авиацией, станут понятны трудности этого боевого задания.

Вечером собравшиеся в Лехтме катера вышли в море. На Балтике не стихал осенний шторм. Старые

моторы часто выходили из строя. Ожидая, пока будут устранены неисправности на том или ином катере, весь отряд ложился в дрейф или становился на якорь.

К утру 4 октября отряд смог пройти лишь четверть пути до Цереля и укрылся от шторма у полуострова Кыпу. Катера были замечены вражеской авиацией и подверглись ожесточенным налетам. Часть из них получила новые повреждения. Комиссия, прибывшая на катера, установила, что выполнить поставленную задачу они не смогут. Их отозвали назад.

Одновременно со сбором катеров «КМ» в Лехтме, 3 октября, в бухте Рейги инженер-капитан третьего ранга В. С. Кравченко передал находившимся там командирам мотобота № 1 и катера «Свеаланд» приказание коменданта БОБРа следовать на Церель.

«Свеаланд» — речной трамвай. До войны он курсировал между островами Моонзунда, а с началом боевых действий превратился в сторожевой катер, несший дозорную службу у Хийумаа. Сейчас командование Береговой обороны надеялось, что с его помощью можно будет снять часть оставшегося на Цереле гарнизона.

У мотобота № 1 пошаливал мотор. В районе пролива Соэла-Вяйн он вышел из строя. Повреждение удалось устранить, и мотобот продолжал следовать в кильватере за «Свеаландом». Прошло еще несколько часов. Вновь мотор мотобота отказал, на этот раз окончательно. Семь человек команды вместе с командиром, затопив свое суденышко, перешли на «Свеаланд».

До Эзеля они не дошли, а позднее были интернированы в Швеции.

Вечером того же дня командование Береговой обороны выслало к Церелю (кроме двух торпедных катеров под командованием капитан-лейтенанта Осипова) катер «Этта» и небольшой металлический катер «МБЛ-3». Определив по скоплению плавсредств на Хийумаа, что готовится эвакуация, гитлеровцы сосредоточили у Соэла-Вяйна миноносцы.

Ветер стих, но мертвая зыбь раскачивала посланные катера. Вскоре были обнаружены силуэты вра-

жеских кораблей. Чтобы избежать с ними встречи, торпедные катера отвернули. По орудийным вспышкам, отраженным облаками, установили, что бои на Цереле продолжаются. Катерники надеялись, что смогут обойти вражеские корабли с запада, но неожиданно впереди заметили силуэт миноносца. Пришлось менять курс. Во время поворота с кормы сорвало и унесло в море бочки с бензином. Разыскивать их ночью было бесполезно.

Несколько раз фашистские корабли открывали огонь, пытаясь потопить прорывавшиеся на юг катера. И каждый раз наши моряки вынуждены были отворачивать. Перегревались подшипники, подходило к концу горючее. Проведя в море около четырех часов и убедившись, что прорваться невозможно, в час ночи 5 октября капитан-лейтенант Осипов решил возвращаться в базу.

Утром противник заметил и потопил катер «Этта», на котором находились лейтенант Петров, командир катера И. В. Васильев и семь человек команды. Личный состав немцы подняли из воды и отправили в лагерь для военнопленных.

Между тем катер «МБЛ-3», погромыхивая дизелем, продолжал движение к Сааремаа. Штурманское обеспечение перехода было поручено гидрографу, одному из участников проводки крейсера «Киров» через Моонзунд, лейтенанту Т. М. Кудинову. Чтобы на переходе дизель не вышел из строя, за ним наблюдал инженер-механик К. К. Роговцев. На катере находился военный комиссар Охраны водного района Хийумаа политрук И. А. Кострикин. Расчет экипажа катера был прост и правилен: со стороны моря обойти вражеские корабли, спуститься до параллели Церельского маяка, а затем повернуть к Сырве. Фашисты вряд ли будут искать советские катера вдали от берега. Предполагалось, что утром катер подойдет к полуострову, замаскируется в камнях у берега, а с наступлением темноты, забрав людей, выйдет обратно. Несколько раз и с «МБЛ-3» замечали на горизонте вражеские корабли. Вспышками фонаря они запрашивали позывные, пускали ракеты, но маленький кораблик, который вели мужественные люди, под покровом ночи настойчиво продолжал движение на

юг. Шли по компасу. Видимые вспышки разрывов, пожары на полуострове помогали ориентироваться.

Утром, когда берег полуострова Сырве был совсем близко, советский катер, вооруженный двумя пулеметами, был атакован вражеским гидросамолетом — «лапотником». Самолет выпустил две ракеты, требуя опознавательных. Взяв курс к берегу, маленький катер бесстрашно открыл огонь из пулеметов. Перевес был явно на стороне противника. Первым на «МБЛ-3» был тяжело ранен матрос-пулеметчик. Затем при взрыве топливного бака получили сильные ожоги мотористы. Загоревшийся катер, отстреливаясь из уцелевшего пулемета, приближался к берегу.

Сделав над катером до двадцати заходов и сбросив на него две бомбы, вражеский самолет улетел. От близкого взрыва заклинило руль. «МБЛ-3» в клубах дыма наскочил на камни.

Один из участников этого перехода, Константин Кондратьевич Роговцев, рассказал о судьбе катера и его личного состава:

— В ледяной воде мы снесли на берег убитых и раненых и погасили пожар. При осмотре оказалось, что, если нам удастся стащить «МБЛ-3» с камней, заделать пробоины и достать бензин для запуска мотора, задачу свою мы еще сможем выполнить.

Вскоре над катером появился второй самолет. Снова поврежденный катер был подожжен. От огня взорвался второй бак с топливом. С этим взрывом рухнула последняя надежда на возвращение. На берегу к нам подошли командир и комиссар зенитной батареи, недавно взорванной ими. С ними было трое краснофлотцев. Командир сообщил, что недалеко находится лазарет, и рекомендовал везти раненых туда. Мы посадили людей в машину, но она отошла метров на триста и была атакована истребителем. Судьбу раненых не знаю, так как в это время мы заметили фашистов, идущих навстречу нам двумя цепями. Нас было шестеро, их — до роты. Исход боя был ясен. Поэтому мы прежде всего уничтожили свои документы. По канавке фашисты обошли нас справа. Первым их заметил командир батареи, зарывавший свои ордена. Он бросил гранату. В этом бою командир батареи погиб, я осколками гранаты был

ранен в ногу и голову, лейтенант Кудинов получил ранение в голову.

Так мужественный экипаж катера «МБЛ-3», прорвавшись к Сааремаа, после боя оказался в плену.

Через несколько дней к Сырве вновь подошли балтийцы. Правда, из-за нехватки горючего командование послало только один торпедный катер. Учитывая уроки прошлого похода, советские моряки обошли корабли противника со стороны моря, миновали вражеские дозоры и достигли полуострова. Однако на берегу в районе Цереля было темно и тихо. Пришлось возвращаться обратно.

Между тем рыбачья лодка с сотрудниками редакции газеты «На страже», вышедшая от полуострова Сырве в ночь на 5 октября, все еще находилась в море, пытаясь добраться до Хийумаа. Кроме редактора Крылова и его помощников Максимова и Введенского в лодке находились политрук А. А. Егоров, техник-интендант второго ранга А. Н. Борисов, шофер младший командир Смирнов и несколько человек из Береговой обороны.

Вскоре подвесной мотор вышел из строя. Пришлось идти на веслах. Сменяли по очереди друг друга. На рассвете лодка подошла к небольшому островку. Днем двигаться на север было опасно. Решили высадиться, спрятать шлюпку в кустах, отсидеться до вечера, а ночью идти дальше. Вышли с оружием: никто не знал, что это за остров, есть ли на нем противник.

С наступлением темноты моряки стащили шлюпку в воду и опять двинулись на север. Ночь была хмурая, моросил дождь. Полярной звезды не было видно. Утром лодка подошла к высокому, гористому берегу. Радость наполнила сердца защитников, решивших, что они у своих, на Хийумаа.

Каменистый берег не позволил лодке подойти близко. Метрах в ста моряки выпрыгнули в холодную воду и, таща за собой на берег шлюпку, промокшие и веселые, вышли на остров.

Рассветало. Невдалеке виднелись домики. Чтобы быстрее разыскать штаб Северного укрепленного сектора, они разбились на две группы и двинулись по берегу в разных направлениях.

Оборванный телефонный провод, лежавший поперек дороги, насторожил всю группу.

Крылов предложил товарищам зайти в дом победнее, откуда поднимался дымок. Они осторожно постучали. Открыла хозяйка и в страхе отступила перед вооруженными людьми. Но, узнав, что это советские моряки, обрадовалась, пригласила в дом.

Их опасения оправдались. По ошибке лодка подошла к северной оконечности острова Сааремаа. Хозяйка подбросила дров в печь, предложила поесть, снять мокрое обмундирование, обсушиться. Фашисты были милях в восьми — в Трийге.

Моряки посовещались. Было решено днем укрыться в лесу, а с наступлением темноты перейти через Соэла-Вяйн на Хийумаа. Но их планам не удалось осуществиться. Враги заметили, как подходила шлюпка, и схватили их. Связанных, избитых балтийцев вытащили из дома и под охраной повели к машине. Через неширокий пролив, всего в нескольких милях, они увидели берега острова Хийумаа.

10. В боях за Хийумаа

К началу войны на острове Хийумаа, втором по величине в Моонзундском архипелаге, находился Северный укрепленный сектор, который возглавлял полковник А. С. Константинов. Военкомом был полковой комиссар М. С. Биленко.

Командование Краснознаменного Балтийского флота считало, что в случае высадки крупных сил противника небольшой гарнизон острова не сможет долго бороться с врагом, и вице-адмирал В. Ф. Трибуц приказал военно-морской базе Ханко заблаговременно разработать план эвакуации защитников острова Хийумаа.

Бои здесь могли лишь сковать значительную группировку противника, ослабить, задержать ее переброску на восток. Но и это было очень важно в ту тяжелую осень.

Ценой огромных потерь гитлеровцы захватили Сааремаа. Но еще долго на оккупированном острове

продолжалось сопротивление разрозненных групп. А 12 октября 1941 года за несколько часов до высадки десанта кто-то передал с северного берега электрическим фонарем на Хийумаа: «Ждите немцев сегодня».

На рассвете, сосредоточив крупные силы, фашисты начали высадку на юго-восточное и юго-западное побережье острова Хийумаа. На западе, в районе Нурсте, подошел на 30 катерах усиленный батальон. Пользуясь темнотой, фашисты высадились на берег и начали наступление. Пост наблюдения и связи, находившийся в этом районе, вступил с десантом в бой, но задержать противника, конечно, не смог.

Одновременно в районе Теркма с 15 самоходных барж начала высадку восточная группа противника численностью до полка.

Гул ночного боя на Хийумаа медленно нарастал. Командир 44-й береговой батареи старший лейтенант М. А. Катаев вышел с командного пункта. После яркого электрического света его окружила предрассветная тьма, густая и влажная.

В утреннем воздухе вместе с глухими ударами разрывов бомб и тяжелых снарядов отчетливо были слышны пулеметные очереди, заглушаемые частыми хлопками вражеских мин.

Бой шел где-то севернее. Высаженный на Хийумаа фашистский десант старался зайти в тыл оборонительному рубежу и уничтожить батарею, чтобы обеспечить успех наступления на север острова.

Последние несколько дней орудия Береговой обороны, прикрывавшие вход в пролив Соэла-Вяйн, подвергались атакам с воздуха. Часто фашисты их обстреливали с соседнего, занятого ими острова Сааремаа.

Вражеские самолеты бомбили берег, корабли обстреливали его, а 44-я батарея пока вынуждена была молчать. Темнота скрывала противника.

Сзади, за лесом, разгораясь и затухая, поднялось колеблющееся зарево. Горело в районе поселка Эммасте. Среди вершин деревьев то выступал, то снова таял в темноте шпиль кирки.

Командир был спокоен за батарею: подходы к ней минированы. Две линии дотов преграждают путь к огневым позициям. Проволочные заграждения про-

тянулись через всю территорию. Недаром с началом войны весь личный состав работал дни и ночи, достраивая батарею, создавая сухопутную оборону. Не остались в стороне и жены командиров и сверхсрочников. Во главе с энергичной женой военкома — Антониной Ивановной Паршаевой они взялись за лопаты. Соревнуясь с краснофлотцами, укладывали бетон.

Позиция батареи была выбрана удачно: на небольшой возвышенности в молодом лесу. И народ как на подбор, много комсомольцев, участников боев на Карельском перешейке, а вот сиди и жди, когда наступит рассвет. Корректировщик батареи лейтенант Стефан Шалаев пока ничего не видел в море.

Пожар разгорался. Теперь можно было разглядеть, что горит не один дом. Старший лейтенант стал различать деревья и впереди себя. Листьев на них почти не осталось. Сейчас здесь пахло прелью и грибами. А, помнится, весной воздух на батарее был напоен ароматом ландышей. Столько ландышей, как на Хийумаа, старший лейтенант нигде не видел.

Он собирался перевезти сюда своих стариков из Кировской области и младшего братишку Витьку — вот было бы ему раздолье в здешних местах у моря! Но война поломала все планы.

Из-за деревьев показался человек. По богатырской фигуре Катаев безошибочно узнал старшину батареи С. П. Антонова.

— Товарищ старший лейтенант, получено донесение: инженерный батальон отходит. Фашисты сосредоточиваются у кирки.

Катаев направился к командному пункту. Над его головой с воем пронесся вражеский снаряд и разорвался где-то на берегу. «Начинается»,— подумал он, взглянув на светящийся циферблат часов. Было 7 часов утра.

Наступал хмурый осенний рассвет. Нелегким оказался этот день для батарейцев. И раньше, лишь только они начинали обстреливать вражеские войска на Сааремаа, на них обрушивали свои удары фашистская авиация и артиллерия. Но такого, как сейчас, еще не было.

Снарядами выворачивало деревья, в воздух взлетали горы песку. Вражеские истребители на бреющем

полете проносились над огневыми позициями. После разрывов тянуло дымом.

Когда рассвело, артиллеристы увидели вражеские корабли. Они вели огонь по батарее, а на горизонте крейсер и четыре эскадренных миноносца обстреливали маяк Ристну.

Между тем к 44-й стали отходить остатки инженерной роты, занимавшей оборону в районе Эммасте. Под ураганным минометным огнем 33-й инженерный батальон капитана А. П. Морозова вынужден был начать отступление.

Десантники рвались к береговой батарее. Они надеялись одним броском захватить орудия, огонь которых не давал возможности подбросить подкрепления [1]. Теперь перед автоматчиками на пути к батарее встало несколько пулеметных дотов, которые прикрывали отход батальона.

Военком батареи старший политрук И. В. Паршаев по боевому расписанию руководил сухопутной обороной.

Днем запыхавшийся комиссар появился на командном пункте. Где-то за деревьями рвались бомбы, и после каждого удара струйка песку с потолка сочилась на цементный пол.

— Михаил Александрович,— обратился Паршаев к командиру,— из крайнего дота доложили, что фашисты с десантом направляются к пирсу Сыру.

— К Сыру, говоришь? Обнаглели, гады. Наша батарея цела!

Вскоре первые вражеские катера, переполненные десантниками, действительно приблизились к пирсу Сыру, находившемуся недалеко от 44-й батареи. Видимо, враг рассчитывал, что, высадив здесь десант, удастся обойти пулеметчиков и прорваться на огневую позицию.

Но этого не случилось. Батарейцы открыли огонь, когда фашистские солдаты появились на пирсе. В воздух полетели обломки дощатого настила и кате-

---

[1] В. Мельцер писал, что огонь русской батареи был настолько точен, что десантные суда вынуждены были отойти, и только к 10 утра им снова удалось приблизиться к берегу.

ров. А тех немногих, кому удалось все-таки достичь берега, уничтожили из дотов пулеметчики.

Не добившись успеха у Сыру, гитлеровцы ракетой снова вызвали на помощь авиацию. Опять на батарее выли бомбы и сотрясалась земля. Отряд фашистских кораблей приблизился к батарее. Это были сторожевые корабли и тральщики. Теперь 44-я снова стреляла по ним.

С первых же залпов у борта флагмана взметнулись белые столбы всплесков. Пытаясь затруднить пристрелку, фашистский корабль изменил курс. Но на батарее были опытные артиллеристы, и фашистам пришлось поставить дымовую завесу и отходить в море. Позднее они были вынуждены признать, что в головной корабль попал снаряд русской береговой батареи.

Тем временем и на 44-й появились первые потери. В дотах кончились боеприпасы. Патроны разносил краснофлотец Дуров. За несколько дней до этого во время налета была убита его лошадь. Поэтому Дуров на себе перетаскивал цинки с патронами, пулеметные диски. Где-то у пролива осколок вражеской мины оборвал жизнь балтийца. Были ранены артиллерист Михаил Денисенко и еще несколько человек.

После новой бомбежки и артиллерийского обстрела автоматчики пошли на штурм. Тогда навстречу им поднялась фигура в армейской шинели.

— За мной, товарищи! — закричал младший лейтенант Михаил Логунов.

Рядом с ним с винтовкой в руках вырос комсорг батареи Рахманов. Автоматчики отошли.

Подходы к дотам были минированы. Только ценой огромных потерь фашистам удалось занять первую линию обороны. Особенно много вражеских трупов осталось на проволочном заграждении. Батарейцы вынуждены были отойти к своей огневой позиции.

Командир батареи доносил в штаб: «Нахожусь в окружении. Противник занял городок. Веду бой. Подвергаюсь обстрелу. Бомбит авиация. Коды сжигаю. Давайте открыто».

Командование острова разрешило мужественным артиллеристам с наступлением темноты взорвать батарею и прорываться на север.

Когда об этом стало известно командиру центрального артиллерийского погреба сержанту Федору Попову, он заявил, что погибнет вместе со своей батареей, и стал готовить погреб, где хранились боеприпасы, для взрыва.

Только фашисты вступили на батарею, глыбы бетона взлетели на воздух и упали вниз, разрушая орудия и уцелевшие приборы. Вместе с батареей погиб сержант Федор Попов.

Наступили сумерки. Темнота помогла батарейцам собраться вместе для прорыва и в то же время позволила вражеским автоматчикам незамеченными просочиться к самому командному пункту. Стоило только приоткрыть дверь командного пункта, как поблизости раздавалась короткая очередь и разрывные пули, разбрызгивая искры, дробно били в броню.

На помощь пришли старшина батареи Антонов и пулеметчик-краснофлотец Есиков. К командному пункту они выкатили пулемет «максим». Есиков заметил, что ветви на некоторых елках очень густые. Там засели фашисты. Тщательно прицелившись, он дал несколько очередей. Одна за другой, ломая ветви, две вражеские «кукушки» сорвались на землю. Моряки были уверены: фашистские автоматчики затаились. Но, видимо, опасаясь, что их постигнет та же участь, они перестали стрелять. Путь отхода с командного пункта был свободен.

Уничтожив документы 44-й, Катаев передал последнюю радиограмму: «Связь с вами кончаю. Командир батареи». Часы показывали 18 часов 20 минут. Почти двенадцать часов вела батарея бой с фашистами.

Оглохшие от непрерывной канонады, штыками и гранатами пробились батарейцы к своим. Раненых они вынесли с собой. Да и не только раненых. Даже пулемет «максим» старшина батареи Антонов вынес на своих плечах.

Немало подвигов было совершено балтийскими артиллеристами 44-й береговой батареи. Прикрывая отход товарищей, краснофлотец Серебрянский оказался окруженным вражескими солдатами в доте. Видя, что спасения все равно нет, моряк подпустил

врагов поближе, а потом бросился на них со связкой гранат.

В последнем бою за батарею получил тяжелое ранение и погиб общий любимец, комсомольский вожак, артиллерист Рахманов.

Сообщая о боевых действиях на юге Хийумаа, командование Северным укрепленным сектором представило к наградам многих уцелевших защитников 44-й батареи. В числе первых, представленных к награждению орденом Красного Знамени, были названы старший лейтенант Катаев, старший политрук Паршаев, старшина батареи Антонов.

Кроме 44-й батареи южное побережье острова обороняли подразделения 33-го инженерного батальона. Утром им пришлось вступить в бой с десантниками. Произошло это у хутора Винтри. Стойко дрались советские бойцы, но фашисты обошли их. Пришлось с боем прорываться на север. В ночь на 13 октября рота лейтенанта И. Ф. Найденова заняла оборону у местечка Яусы, прикрывая с юга подходы к крупному населенному пункту Кяйна. Дальше находился аэродром. Именно там ждали помощи с Большой земли.

Местность была удобной для обороны: с одной стороны море, с другой — болото. Фашисты могли идти только по дороге. Рубеж строила рота Найденова. Солдаты знали тут каждую тропинку.

У развилки дорог рыжим осенним холмом возвышался дзот. Его заняли пулеметчики сержанта Понтуса, которые успели произвести пристрелку. Поэтому, когда на дороге появились фашистские солдаты, их встретили метким огнем.

Начальник штаба батальона старший лейтенант Родовский приказал задержать продвижение немцев по дороге на Кяйну. И бойцы мужественно отбивали все атаки фашистов. Была потеряна связь с батальоном. Уже глухие разрывы далекой бомбежки доносились откуда-то с севера, уже перестрелка раздавалась где-то в тылу в направлении Кяйны, а они не покидали рубежа. Фашисты предприняли еще две атаки. В одной из них погиб пулеметчик Понтус. Лейтенант Найденов выслал на север разведчиков. Прошло несколько часов, как исчезли во мраке ночи сержант Криворучко с бойцами, а известий от них не

было. Наконец мокрые, замерзшие четыре разведчика появились перед командиром. Вести, которые они принесли, не радовали. Фашисты обошли Ясу и вели бой где-то у Кяйны. Аэродрому грозила опасность, а рота оставалась отрезанной от своих. Криворучко доложил, что в соседней деревне разместился штаб немецкой части. Разведчики установили, где стоят часовые. Командир роты внимательно выслушал Криворучко, подробно расспросил его бойцов. План прорыва уже вырисовывался перед ним.

Ночью рота оставила рубеж и, соблюдая меры предосторожности, вышла к берегу. Только небольшая группа во главе с Криворучко снова отделилась от всех и скрылась в темноте. Через час бойцы услышали два сильных взрыва. Багровое пламя взлетело в небо, на низких облаках затрепетало зарево. Послышались беспорядочные выстрелы. Дерзкий налет на штаб отвлек внимание гитлеровцев. Рота Найденова пробилась к своим.

Упорные бои продолжались по всему острову Хийумаа. Особенно ожесточенными они были у острова Кассар, соединенного с Хийумаа дамбой, у поселков Кяйна и Нымба. Тут фашистов удалось задержать на несколько суток.

Среди отличившихся при обороне южного берега Хийумаа скупые строки боевых донесений называют бойцов капитана Горюнова. Сам капитан погиб в холодных волнах, пытаясь раненым переплыть на Кассар.

Подлинным героем этих боев стала рота капитана Голованя. Ведя упорную борьбу с танкетками противника, она отошла в район Нымбы. Головань принял командование над разрозненными группами, прорвавшимися с юга.

Вот что писал в те дни комендант Северного укрепленного сектора: «Двое суток сдерживали натиск врага бойцы капитана Голованя. 15 октября, уничтожив свыше 300 гитлеровцев, несколько противотанковых орудий и до 5 танкеток, они перешли в наступление... На следующий день, когда немцы бросили батальон в тыл отряда Голованя, ему было приказано отходить на Тахкуну. В ночь на 17 октября с боем через вражеское кольцо прорвался отважный

командир с 120 бойцами и одной 76-миллиметровой пушкой. В боях за Кяйну и Нымбу противник потерял убитыми свыше 700 человек».

Говоря об операции «Зигфрид» (так фашисты называли захват острова Хийумаа), В. Мельцер в своей книге отмечает, что наступавший в район Нымба батальон «был остановлен и даже с помощью частей 176-го и 151-го пехотных полков оказался не в силах сломить вражеское сопротивление».

Ожесточенные бои разгорелись и на западном побережье, куда через лес и болота вела единственная дорога.

Третья рота старшего лейтенанта В. Ф. Тихомирова размещалась в деревне Ыйнику. Обнаружив подходивших фашистов, советские бойцы устроили засаду. А когда бронетранспортеры приблизились, в них полетели гранаты. Узкая дорога и глубокие канавы не позволили гитлеровцам повернуть обратно. Им пришлось принять бой. Конные упряжки трех противотанковых пушек и часть артиллеристов уничтожили наши пулеметчики, среди которых был боец М. Я. Сидоров. Однако из-за перекоса ленты «максим» замолчал. Фашисты воспользовались этим и пошли в атаку.

Старший лейтенант Тихомиров с ручным пулеметом первым поднялся им навстречу. Он стрелял точно. За ним хлынули на врагов красноармейцы. Рота опрокинула гитлеровцев, захватила несколько бронетранспортеров, машин и три пушки. Потери ее были невелики. Правда, сам Тихомиров получил ранение в живот и был отправлен в госпиталь.

Командира роты хорошо знали на острове. До войны он охотно выступал в концертах самодеятельности, пел цыганские романсы.

Когда фашисты высадили десант, его рота оказала стойкое сопротивление. Старший лейтенант показывал пример мужества даже в госпитале. Зная, что его дни сочтены, он подбадривал товарищей, жалел о том, что не может петь: разбита его гитара.

В середине октября в борьбу с десантниками вступила 12-я береговая батарея, она стояла на северо-восточном побережье острова. Во время сентябрьских

боев батарея вела огонь по Вормси, позднее стреляла по кораблям противника и высадившемуся десанту. Когда враги подошли вплотную, орудия ее были взорваны, и личный состав занял сухопутную оборону. Несколько дотов и дзотов, заблаговременно построенных на территории батареи, теперь особенно пригодились.

Противник отрезал все дороги. Перед боем личному составу было передано: «Батарея в окружении. Наша задача — израсходовать весь боезапас и уничтожить побольше врагов».

Бой длился весь день. С наступлением темноты военком батареи политрук М. С. Кравец вывел из разбитого дзота раненых Т. А. Хейнолайнена и А. Я. Чистякова. Они еле двигались и просили оставить их, не рисковать. Но Кравец был настойчивым и мужественным человеком, он не бросил товарищей. Им удалось незамеченными пробраться через вражеский заслон и выйти на безлюдную дорогу. Они шли к Тахкуне, туда, где еще кипели бои.

Около месяца до этого лейтенант Александр Яковлевич Чистяков воевал на острове Вормси. Раненный, вместе с уцелевшими на Вормси он перебрался обратно на Хийумаа.

Иван Яковлевич лежал в госпитале. Но обстановка заставила всех, кто мог держать в руках оружие, вернуться в строй.

На Сааремаа уже шли тяжелые бои. В это время в жизни Чистякова произошло важное событие: лейтенанту прямо на передовой вручили партийный билет. Эта книжечка в грудном кармане кителя придавала новые силы, заставляла подавлять боль и страх, звала драться до последней капли крови.

И вот теперь молодому коммунисту, чей партийный стаж исчислялся днями, приходилось тайком пробираться по лесу, опасаясь вражеской засады. Шум приближавшихся машин заставил всех троих залечь в кустах. С включенными фарами, словно у себя дома, по дороге двигались две крытые вражеские машины.

— У кого есть гранаты? — спросил политрук. Чистяков протянул ему гранату. Вторая оказалась в кармане у Кравца.

Не сговариваясь, товарищи укрылись в орешнике. В темноте лязгнули затворы винтовок. И когда до первой машины остались считанные метры, одна за другой полетели две гранаты. В свете фар было видно, как кувыркались они в воздухе, как подняли пыль на дороге. Шофер заметил, затормозил. Фары передней машины погасли. Кто-то выскочил из кабины, закричал. В этот момент раздались два взрыва. Крики, стоны, беспорядочная стрельба. Вторая машина остановилась и тоже выключила свет.

Минут десять солдаты, залегшие у машины, безрезультатно били по темным деревьям. Затем фашисты, не зажигая фар, перетащили убитых и раненых из первой машины. Вторая взяла поврежденную машину на буксир и повернула обратно.

Замер гул моторов. Три артиллериста снова вышли на дорогу и двинулись к Тахкуне. И странно, или раны стали у них меньше болеть, или сил прибавилось, но шли они бодрее, уверенные, что пробьются к своим.

17 октября советский гарнизон отошел на главный рубеж обороны в северной части Хийумаа. 12 дотов перерезали полуостров Тахкуна от берега до берега. Перед ними для лучшего обстрела вырубили лес, поставили проволочные заграждения, заминировали лесные завалы.

Здесь защитники Моонзунда собирались дать последний бой.

В эти дни командир одной из зенитных батарей лейтенант Александр Алексеевич Иванов был послан в разведку. Вместе с ним пошли матрос его батареи Карейман и рекомендованный штабом опытный моряк-разведчик, показавший себя во время боев храбрым и находчивым бойцом.

Собрав важные сведения, моряки отходили к своим. По болоту они пересекли линию обороны. Неподалеку находился разрушенный хутор. Попутно решили осмотреть его. Лейтенант вышел из-за деревьев к колодцу. В это время разведчик выскочил вперед, заслонив Иванова, и вскинул винтовку. Два выстрела прогремели одновременно. Разведчик качнулся, его бескозырка упала в колодец. Иванов бережно опустил раненого на землю.

Оказалось, на хуторе находился вражеский наблюдатель. Пуля, предназначенная офицеру, попала в матроса. Положив раненого моряка на плащпалатку, Иванов и Карейман принесли его к своим и отправили в госпиталь. Позднее он был эвакуирован на Большую землю. Установить фамилию этого самоотверженного балтийца, заслонившего собой офицера, пока не удалось.

* *
*

На остров Хийумаа инженер-механик Дмитрий Иванович Тананыкин попал не как военный человек, а как один из строителей Береговой обороны. Но началась война, и он вместе со своими товарищами — строителями стал делать то же, что и весь островной гарнизон. И сейчас приказ подготовить шхуну «Мария» к переходу был отдан так, как приказывали любому военному.

«Мария» стояла у пирса Лехтма. Это была довольно вместительная шхуна, двигатели ее были вполне исправны: хоть сейчас выходи в море. Не было только пассажиров. Вскоре и они начали прибывать. Первая машина доставила раненых.

Посадка на шхуну затянулась. Заканчивать ее пришлось уже в открытом море, куда «Мария» вышла, подвергаясь сильному артиллерийскому обстрелу. Грузили не только раненых. Началась эвакуация всего гарнизона.

Три катера «КМ» под командованием лейтенанта Огаркова приблизились к шхуне. Ветер засвежел. Высокобортная «Мария» казалась темной громадой. Волны швыряли переполненные суденышки, грозили разбить их о массивный высокий берег. С «Марии» попытались подать на катер трап, но он слишком отвесно ушел вверх. Тогда решили поступить так: когда волна приподнимала катер, красноармейцы хватались за фальшборт «Марии», подтягивались и перелезали на палубу. А катер как бы проваливался в морскую пучину, и в ожидании нового взлета на его палубе выстраивалась очередная группа для перехода на шхуну.

Ночью «Мария» взяла курс на остров Осмуссаар. Идти прямо на Ханко мешали минные поля.

Вместе с другими подразделениями островного гарнизона учебная рота 36-го инженерного батальона, которой командовал лейтенант М. П. Троязыков, прикрывала дорогу, ведущую из Кярдлы на Лехтму. С захватом фашистами города Кярдлы пристань Лехтма осталась единственной на острове, куда еще могли подойти катера с Ханко для эвакуации гарнизона.

В доте у перекрестка дорог разместился орудийный расчет старшего сержанта Гетманцева. Перекресток был минирован, а провода от минных полей тянулись в дот. Гетманцев выждал, когда фашисты с сопровождающей их бронемашиной вступили на минированный перекресток, и замкнул контакт. Группа гитлеровцев вместе с машиной взлетела на воздух.

Фашисты подтянули пушки и принялись прямой наводкой расстреливать дот. Снаряд попал в амбразуру. В расчете Гетманцева появились раненые. Оставив полуразрушенный дот, Гетманцев вытащил пулемет в траншею и приготовился к отражению атаки. Когда цепь гитлеровцев с гиканьем и свистом поднялась из придорожной канавы, их снова встретил меткий огонь. У оглохшего пулеметчика текла кровь из ушей и носа, но он вместе с ранеными товарищами оставался на боевом посту.

Участники боев рассказывают о мужестве старшего лейтенанта Лосянникова из того же 36-го инженерного батальона. Здесь же, у Лехтмы, шестеро фашистов окружили советского офицера. Гитлеровцы не сомневались, что русский сдается. Но в руках у старшего лейтенанта была заряженная винтовка. Он разрядил ее в гитлеровцев и проложил дорогу к своим.

18 октября предполагалось начать эвакуацию гарнизона Хийумаа. В этот день фашисты не вели активных действий. Но командование Северного укрепленного сектора, считая, что за короткий срок оно не сможет отвести части с передовой, отложило это на 19-е. В этот день фашисты начали наступление по всему фронту. Большие силы они бросили для захвата Лехтмы. С потерей последнего пирса эвакуация гарнизона осложнялась.

Вражеским солдатам удалось прорваться к Лехтме. Уцелевших защитников они оттеснили в лес. Среди них оказался сапер Павел Алексеевич Козырев. Советские воины решили пробиваться на Тахкуну, где еще продолжался бой основной группы островного гарнизона. Но неожиданно они обнаружили проходившую вражескую колонну. Пришлось снова укрыться в лесу. На дорогу больше выходить не рисковали. Шли вдоль берега. И вдруг за мысом увидели шхуну. Она стояла на якоре. Людей на ней не было видно. Связав из нескольких бревен плот, бойцы стали переправляться на шхуну. Оказалось, что мотор ее неисправен. Но на шхуне нашли старый брезент. А среди отступавших было несколько моряков. Они приспособили этот брезент вместо паруса, выбрали якорь. Младший лейтенант Федоров взял на себя откачку воды. За штурвал стал моряк с нашивками старшины 1-й статьи. И шхуна, подгоняемая попутным ветром, двинулась на север, туда, где находился полуостров Ханко.

Когда на Хийумаа начались бои на последнем оборонительном рубеже, Военный совет Краснознаменного Балтийского флота приказал доставить оставшихся защитников на полуостров Ханко. В эвакуации участвовал дивизион сторожевых катеров «МО». С наступлением темноты катера в строю кильватера вышли в море. Замыкал строй «МО-239». Шли без огней. Лишь слабой звездочкой впереди мерцал затемненный кильватерный огонь. Приближался шторм. Волны все чаще и злее взлетали над катерами. «Только бы не потерять из виду кильватерный огонь»,— всматриваясь в сгустившуюся темень, думал рулевой на «МО-239». А волны, словно нарочно, старались сбить катер с курса. И то, чего так опасались рулевой и все на катере, случилось. Вдруг бесследно растаяла синяя точка, указывавшая путь. Позднее стало известно, что кильватерный огонь на катере погас во время шторма. Так «МО-239» близ своей базы отстал от дивизиона. Идти к Хийумаа самостоятельно, не зная сигналов для связи с берегом, он не решился. И даже в базу моряки до рассвета не могли войти, так как входные створные огни не горели. Пришлось дожидаться рассвета.

Утром раздосадованные балтийцы вернулись к пирсу. А вскоре пришли и тяжелогруженые катера дивизиона. За ночь они успели снять с Хийумаа часть защитников. «МО-239» получил задание самостоятельно идти за оставшимися на острове.

Поход предстоял нелегкий, так как вражеская авиация господствовала в воздухе. Но встретили его с подъемом. Хотелось реабилитировать себя после ночной неудачи.

Осеннее неприветливое море было пустынным. Только раз из-за облаков вынырнул «Юнкерс» и направился к катеру, но, встреченный пулеметной очередью, отвернул и сбросил бомбы в стороне.

— Слева по носу шхуна!

Действительно, на горизонте показалось небольшое суденышко. Катер изменил курс и пошел к шхуне. «Наша или вражеская? — гадали на катере.— Флага не видно, и на палубе — ни души. Подозрительно. На мачте шхуны полощется странной формы парус».

На «МО-239» раздался сигнал боевой тревоги. Увеличив ход до полного и наведя орудия на шхуну, катер шел на сближение. И когда до шхуны оставалось несколько кабельтов, на палубе ее показались люди. Они бежали к мачте. Порывистый балтийский ветер развернул над суденышком красный флаг нашей Родины.

Это была та самая шхуна, которая накануне вечером вышла с Хийумаа. О положении на острове находившиеся на шхуне ничего сообщить не могли. Накануне на подходах к пристани Лехтма шли ожесточенные бои. Фашисты любой ценой пытались захватить единственный остававшийся в руках гарнизона пирс. Но это было почти сутки назад. А положение на острове менялось быстро.

Командир предложил, чтобы кто-нибудь со шхуны перешел на катер. Один из моряков спрыгнул на палубу «МО».

Посоветовав оставшимся на шхуне держать курс на остров Осмуссаар, где находился советский гарнизон, «морской охотник» направился к Лехтме. К вечеру снова ожидалось ухудшение погоды. Когда подходили к Хийумаа, ветер усилился. Остров открылся

дымными столбами пожаров. Уже издали стало ясно, что в северной части продолжались бои. Да разве с катера различишь, где свои, а где фашисты?

Пирс Лехтма длинной стрелкой вдавался в море. К нему вел узкий фарватер, проходивший между камнями и банками. Уже можно было различить ящики на пирсе. По берегу к катеру бежали какие-то люди, махали руками и указывали на голову пирса, куда направлялся катер.

Зазвучал сигнал аврала. Быстро разбежались по своим местам краснофлотцы. Подходить было нелегко: крутая навальная волна могла разбить катер о пирс.

Помощник командира катера младший лейтенант С. Г. Гончарук на баке руководил швартовкой. Подготовлены концы и кранцы. Краснофлотцы готовятся спрыгнуть на пирс.

А младшему лейтенанту некогда даже посмотреть, что делается на берегу, разобраться, почему воздух над головой временами странно гудит. До пирса остается 15, 10 метров... Ревут моторы катера, переведенные на надводный выхлоп. И в это время раздался взрыв... Гончарук оглянулся и увидел над мостиком рассеивающееся облако.

На мостике никого не было... Моторы замерли, и катер сносило на пирс. А по берегу бежали люди и вели огонь из автоматов по катеру. Фашисты! Гончарук бросился к машинному телеграфу.

Отстреливаясь, «МО-239» развернулся и стал удаляться от пирса. Вокруг рвались мины и снаряды, до берега было не более 300 метров, и очереди из автоматов решетили тонкие борта катера.

Только на мостике младший лейтенант понял, что произошло. Вражеская мина попала в главный компас. Наповал был убит командир катера лейтенант А. П. Терещенко. Получил смертельное ранение в голову командир звена К. И. Шевченко, несколько старшин и краснофлотец тоже были ранены.

Бои на Хийумаа продолжались: это не вызывало сомнений. А тут еще новая беда: во время обстрела вышла из строя рация. Правда, радист Путов обещал установить связь с базой, но когда еще это будет. Пока Гончарук раздумывал, как ему поступить: идти

ли к маяку Тахкуна и там снимать защитников или возвращаться на Ханко, сигнальщик доложил:

— Прямо по курсу шесть катеров! Идут явно на нас.

Испытания для «МО-239» продолжались. Гончарук приказал запросить позывные, но ответа не последовало. Уклониться от боя поврежденный «МО-239» не мог. Лехтма находилась у врага. Оставалось одно: вступить в бой.

В это время на мостик взбежал радист:

— Есть связь с базой!

— Немедленно передайте: «Вступаю в бой с шестью вражескими катерами. Имею убитых и раненых. Лехтма занята противником».

О предстоящем бое Гончарук успел предупредить мотористов.

Вражеские катера приближались строем фронта. «МО-239» шел на сближение с ними. Гончарук решил попытаться прорезать середину вражеского строя. С правого фашистского катера взвилась ракета, и в тот же миг нити трасс понеслись навстречу «морскому охотнику».

— Поставить дымзавесу! — приказал Гончарук.

Молочно-белый хвост, подхваченный ветром, потянулся за катером. Моряки сосредоточили огонь по фашистскому флагману. От разрыва снарядов вода вскипала вокруг «МО-239». Катер несколько раз тряхнуло, но хода он не сбавил. Мотористы во главе с воентехником второго ранга К. И. Смирновым и старшиной группы мотористов С. П. Кулагиным действовали четко и слаженно.

Прорезав строй, «МО-239» разошелся с катерами противника. Понимая, что фашисты не оставят его в покое, Гончарук положил «МО-239» на обратный курс. Вражеские катера тоже повернули все вдруг. Только теперь три их катера были скрыты за дымовой завесой и не могли вести огонь, не рискуя расстрелять друг друга.

Снова на полном ходу «МО-239» мчался навстречу противнику. Младший лейтенант решил повторить удавшийся маневр: прорезать строй фашистов, отсечь дымовой завесой один катер и сосредоточить по нему огонь.

Опять, как на ухабах, подбрасывало «МО-239», звенели стекла разбитых иллюминаторов. Пули пробивали борта. Стонали раненые. Но советским морякам блестяще удалось осуществить свой план. Они отделили фашистского флагмана, и метрах в ста от «МО-239» он взлетел на воздух.

Прорезав свою дымовую завесу, «МО-239» устремился на противника. Еще один фашистский катер ушел на дно. Третий от полученных повреждений потерял ход, на нем вспыхнул пожар. Не пытаясь продолжать бой, вражеские катера стали отходить.

...Оказывается, незадолго до встречи с «МО-239» фашисты потопили шхуну, которая шла под парусом к Осмуссаару. Несколько человек, в том числе сапера Козырева и младшего лейтенанта Федорова, для доказательства одержанной победы они вытащили из воды. Эти люди и стали невольными свидетелями боя «МО-239». Козырев вспоминал, что в Хаапсалу пришли лишь четыре фашистских катера. При этом один из них привели на буксире. С него на берег сносили убитых и раненых...

Между тем наступили сумерки. Посланные с Ханко советские самолеты не обнаружили «МО-239». Они видели только отходившие к Хийумаа четыре катера противника.

После боя Гончарук осмотрел катер. Из трех моторов в строю остался один. Дважды на катере возникал пожар, но его быстро ликвидировали. В первый раз его потушил тот самый краснофлотец с Хийумаа, который перешел на катер со шхуны. Через многочисленные, наскоро заделанные пробоины поступала вода. Вышли из строя все компасы, вконец исковеркало прожектор, едва держалась мачта.

Весь личный состав храбро вел себя в этом бою. Но подлинными героями были командиры отделений носового и кормового орудий старшины 1-й статьи Петр Черных и Александр Подлевский и краснофлотец-пулеметчик Василий Андруцкий.

По бортам «МО-239» было установлено два крупнокалиберных пулемета. А пулеметчик в этом походе оказался только один. И вот когда катер прорезал вражеский строй, высокий, с виду нескладный Андруцкий поочередно вел огонь из обоих пулеметов.

Вражеский осколок попал моряку в руку, но, превозмогая боль, Андруцкий продолжал стрелять.

Однако на этом испытания личного состава «Морского охотника» не кончились. Предстоял переход в базу без навигационных приборов, с выведенной из строя рацией, с одним мотором...

Как вспоминает Семен Григорьевич Гончарук, переход к Ханко в таких условиях был не легче самого боя. Стемнело, маяки не горели. Контуженный в бою молодой командир опасался наскочить на камни где-нибудь у финского берега и оказаться в плену.

Но моряки выдержали и это испытание. Мотористы, возглавляемые Смирновым и Кулагиным, ввели в строй сперва один, а потом и второй мотор. Поврежденный катер, зарываясь на встречной волне, медленно направился в свою базу.

Ночью «МО-239» вошел на рейд Ханко. К пирсу его подвели на буксире.

Большую помощь в обороне острова Хийумаа, и в частности в обороне Тахкуны, оказала 180-миллиметровая башенная батарея капитана А. А. Никифорова. Не один раз его артиллеристы уходили в отряды на сухопутную оборону.

Когда фашисты высадились на острове, батарея вела огонь неполными расчетами. Но каждый артиллерист управлялся за двоих, и наступавшие фашисты несли большие потери.

Однажды во время боев на Тахкуне трое батарейцев находились в дозоре. Пробравшаяся через линию фронта группа фашистов решила захватить их в плен. В темноте гитлеровцы подползли к морякам и внезапно набросились на них. Видимо, не желая выдавать себя, огня они не открывали. Им удалось схватить двух моряков. Но третий очередью из трофейного автомата уложил нескольких гитлеровцев и освободил своих товарищей. Это был артиллерист 316-й батареи комсомолец Конкин.

20 октября к 316-й батарее отходили все оставшиеся на полуострове. Бой на главной линии обороны продолжали вести отдельные окруженные доты.

Как вспоминает артиллерист Н. П. Кузьмин, в двадцатых числах октября комсомольцы решили прове-

сти комсомольское собрание. На него явилось немало бойцов из других частей, воевавших в районе батареи. Собрание состоялось близ командного пункта.

Защитники острова в последний раз собрались вместе. Было их около 100 человек. Собрание поручили вести Курочкину, Конкину и Орлову.

На повестке дня стоял один вопрос: «Положение на острове Даго». Речей не произносили. Решили драться до последнего. Если катера с Ханко ночью не придут, уцелевшие должны были прорываться на юг, в центр острова.

Кто-то предложил написать клятву. На КП нашли лист бумаги, развели высохшие чернила и единогласно приняли такой текст: «Товарищи краснофлотцы! Мы, моряки Балтийского флота, находящиеся на острове Даго, в этот грозный час клянемся нашему правительству и партии, что мы лучше все погибнем до единого, чем сдадим наш остров. Мы докажем всему миру, что советские моряки умеют умирать с честью, выполнив свой долг перед Родиной. Прощайте, товарищи! Мстите фашистским извергам за нашу смерть.

Центр острова Даго. Полуостров Тахкуна.

По поручению подписали: Курочкин, Орлов, Конкин».

Бумагу с текстом клятвы вложили в бутылку. Бутылку плотно закупорили и поручили Конкину бросить в море. Пусть волны вынесут на Большую землю весточку с Моонзундского архипелага [1].

О последнем бое вспоминает А. И. Быков.

Капитан Никифоров отдал приказ: заложить взрывчатку в подбашенное отделение. Часть товарищей вела бой на дороге с мотоциклистами. Другая оставалась на самой батарее. Всю ночь батарейцы дрались врукопашную с фашистами в подземном тоннеле, который вел в башню. Часов в шесть утра через запасные выходы батарейцы покинули башню. Не встречая сопротивления, фашисты бросились в подземные помещения. В это время сержант Иванов взорвал башню.

---

[1] Фотокопия клятвы опубликована во II томе «Истории Великой Отечественной войны». Подлинник экспонируется в Музее истории Ленинграда.

Взрыв задержал фашистов. Человек двадцать пять — тридцать отошли к маяку Тахкуна, но часть батарейцев гитлеровцам все-таки удалось отрезать. В этой группе оказались Курочкин, Орлов, Антонов, Питерский, Веркин, Апполонов, Кузьмин и еще несколько человек. Где-то восточнее маяка их окружили, и они решили прорываться в лес. С возгласом «Ура!» балтийцы в штыки бросились на врага. Их поддержал единственный пулемет Антонова. Но не далеко удалось пробиться морякам. Разрыв мины швырнул Кузьмина на землю, а очнулся он за колючей проволокой. Вместе с ним оказались раненые Апполонов и Питерский. О судьбе остальных товарищей они ничего не знали.

Недалеко от 316-й батареи над лесистым северным берегом острова Хийумаа и сейчас возвышается белая чугунная башня маяка. Почти 100 лет огонь Тахкунского маяка светил балтийцам, помогая прокладывать верный курс. Но в 1941 году, когда мощный луч погас и толстые маячные линзы оказались надолго закрытыми темными шторами, ярче маяка осветил весь полуостров Тахкуну подвиг балтийцев.

Катера и мотоботы с Ханко направлялись сюда, чтобы с этого последнего, еще не занятого фашистами участка снять оставшийся гарнизон. Побережье в районе маяка каменистое, близко к берегу подойти невозможно. Добираться до катеров и мотоботов приходилось на рыбачьих лодках.

Штормовое море в ярости швыряло в небо столбы брызг. Нередко среди катеров вставали всплески разрывов: это фашистская артиллерия била с берега.

Здесь, у маяка, артиллеристы 44-й батареи последний раз видели своего командира Михаила Катаева. Передавая комиссару батареи комсомольский билет и удостоверение, он сказал:

— Иди, Иван Васильевич, принимай людей на катерах. А я буду руководить отправкой с берега.

И видя, что Паршаев хочет возразить, решительно произнес:

— Иди! Если что случится, так я ведь холостой, а у тебя дети.

И пока с сильно перегруженной лодки, тяжело проваливавшейся между волнами, видели остров,

различали батарейцы и несколько фигур в черных шинелях на берегу — товарищей, тех, кто дожидался своей очереди на эвакуацию.

Только в сумерки шлюпка с артиллеристами подошла к катерам. На ней заменили гребцов и хотели отправить обратно на остров. Но налетел шторм, по катерам передали: «Сниматься с якоря, следовать в базу». И катера ушли.

К утру у маяка Тахкуна собрались остатки гарнизона. Среди них было много раненых. Ветер стих, и погода улучшилась. В разрывах облаков показались звезды, а раненые мечтали о затяжном дожде, сплошной облачности, тумане: в плохую погоду легче было бы укрыться от вражеской авиации на переходе морем.

С рассветом люди у маяка приободрились: появились долгожданные катера. Пока из палаток и шалашей санитары переносили тяжелораненых к воде, с юга, от оборонительной линии, где снова начался бой, пришла группа краснофлотцев. Были они молчаливы и сосредоточенны. Старший, скуластый, в пробитой плащ-палатке, доложил военврачу третьего ранга, руководившему эвакуацией, что группа автоматчиков по болоту обошла заслон балтийцев и вскоре может появиться у маяка.

Матросов было восемь. Они пришли с двумя ручными пулеметами и винтовками. И все-таки это была помощь.

Старший, в плащ-палатке, осмотрел два дзота и небольшой окоп на холме. Перед ними торчали колья для проволочных заграждений, но самой проволоки не было. Видимо, саперы не успели ее натянуть. Моряки заняли дзоты.

С грузовой машины, по кузов загнанной в воду, на лодках перевозили раненых. Часов около девяти из леса по дороге к маяку показались гитлеровцы. Видимо, они не рассчитывали встретить сопротивление, поэтому шли походным строем.

Первые снаряды с катеров пронеслись над головами раненых и разорвались в лесу. Фашисты разбежались.

В амбразуру дзота была хорошо видна пустынная дорога от маяка к лесу: белая ровная лента среди

пожелтевшей травы. Их было двое в этой наскоро оборудованной огневой точке: пулеметчик, парень из Казахстана, и русский моряк-стрелок. Оба они хорошо знали, что фашисты не уйдут, что они готовятся к атаке и она скоро начнется.

Ракета описала дугу над лесом. Не успел ее дымный стебель растаять, как в воздухе послышался свист мин. Первый султан взрыва взметнулся на дороге, за ним второй, третий. Фашисты били наугад. И когда за огневым валом из леса высыпали автоматчики, в дзотах дружно заговорили оба пулемета.

Моряки отбили две атаки. Несколько легкораненых из лазарета пополнили их ряды. Стреляные гильзы густо устлали пол дзота. Казах собирался зарядить запасной диск, но не успел. Опять, перепахивая землю, вздымая облака пыли, на балтийцев обрушился шквал огня. Яркая вспышка ослепила. Что-то горячее и упругое отбросило стрелка к двери. Когда он пришел в себя, дзот был наполнен пороховой гарью, а пулеметчик недвижно лежал на полу, и по лицу у него стекала струйка крови. Рядом, также отброшенный взрывом, лежал исковерканный пулемет.

Балтиец выглянул в амбразуру — автоматчики отошли. На месте правого дзота клубилась пыль да поднимались в небо обломки бревен. Окопа между дзотами тоже не было видно.

Он стрелял до боли в плече. А когда цепь автоматчиков приблизилась метров на двести к маяку, балтиец нащупал в цинковой коробке последнюю обойму. Нет, он не дастся врагу в руки. Расстреляв последние патроны, моряк выскочил из полуразрушенного дзота, но тут же близкий разрыв мины чуть не сбил его с ног. Взвизгнули осколки, обожгло левую руку у локтя. Вскинув на плечо винтовку, он зажал правой рукой рану и побежал к постройкам на берегу. В глаза бросилась раскрытая дверь маяка.

Взбежав по каменным ступеням, он с трудом захлопнул за собой массивную железную дверь и задвинул засов. Другого выхода не было: плыть он не мог, патроны кончились. В кармане осталась граната.

Капли его крови на белых плитах привели врагов к маяку. Солдаты уже барабанили в закрытую дверь. Маяк недовольно и глухо загудел от ударов.

Все выше и выше поднимался балтиец по винтовой чугунной лестнице. Еще виток, еще один. Подкашивались ноги, кружилась голова. Казалось, тяжелая маячная башня с каждым поворотом лестницы раскачивается все больше. Трап становился у́же и круче. В башне царил полумрак. Свет проникал лишь в узкие окна, напоминавшие бойницы. Вот и последние ступени, площадка, с которой дверь ведет на балкон, что опоясывает вершину башни. Вверху холодно и строго поблескивали линзы маячного аппарата.

Ударом ноги матрос распахнул дверь: внизу виднелись вражеские солдаты. Тяжелым бревном они пытались выбить дверь.

Внутри маяка — от фонарного сооружения и до основания — в площадках были вырезаны отверстия для подъема грузов.

Балтиец вставил в гранату запал. Вместе со скрежетом сорванной с петель двери на темную нижнюю площадку маяка ворвался дневной свет. Моряк подождал, пока войдет побольше гитлеровцев, и, встряхнув гранату, бросил ее вниз. Взрыв, необычно громкий, как в пустой бочке, оглушил его. По крикам и стонам внизу он понял: последняя граната потрачена не зря. И все-таки, громыхая по ступеням, к нему поднимались фашисты.

Балтиец вышел на площадку, приблизился к перилам. Маяк словно парил над каменистой косой. Катила стальные воды Балтика. Виднелись катера, уходившие на север. В распахнутой двери показались фигуры фашистов:

— Рус, сдавайся!

Вдруг моряк швырнул вниз ставшую ненужной винтовку. Лицо его было решительным и суровым. Придерживая раненую руку, он перемахнул через перила и бросился туда, где чернели валуны...

Лежало долго на камнях
Его израненное тело.
В прилив балтийская волна
Те раны зализать хотела.
Любя свободу, пленным он
Не захотел пройти и мили.
И немцы мужества занять
К нему своих солдат водили.

Фашисты захватили Моонзундский архипелаг. Но в боях на материке, на каменистой земле островов, в водах пролива, на 20 потопленных судах они потеряли полторы дивизии. Более 50 тысяч вражеских солдат в самые напряженные дни боев за Ленинград оттянул на себя советский островной гарнизон.

Но и овладев островами, гитлеровцы не решили основной задачи. Вход в Финский залив все еще прикрывали береговые батареи Осмуссаара и полуострова Ханко.

II. На оккупированном архипелаге

В начале октября на Сааремаа остатки саперной роты старшего лейтенанта Г. В. Кабака тоже готовились к эвакуации. Однако у пристани Мынту саперов собралось немного: часть погибла в боях на Муху и у Ориссаарской дамбы, другие не вернулись после эвакуации острова Рухну, третьи сложили головы на полуострове Сырве. И сам командир роты Кабак был ранен в ногу где-то в районе Сальме.

Теперь собравшиеся могли свободно разместиться на трех рыбачьих лодках, припрятанных в кустах. Командир взвода младший лейтенант Г. А. Егорычев (незадолго до конца боев ему присвоили первое офицерское звание) вместе с начальником гаража техником Менжулиным крепил подвесной моторчик, чтобы с наступлением темноты на шлюпке перейти на латвийское побережье.

Вражеский налет на пристань Мынту был внезапным.

Фашисты подтянули артиллерию и били по рощице, где укрывались красноармейцы. Если не считать разбитых лодок, потерь у саперов не было. Но от перехода морем пришлось отказаться. Когда обстрел закончился, Егорычев решил навестить Людмилу. Девушка жила недалеко. Мины и снаряды рвались где-то там, где был ее дом, и младший лейтенант очень волновался. По тропинке в саду он вышел на безлюдное шоссе.

Пустынная тишина настораживала. Егорычев дослал патрон в патронник пистолета и, перебегая от дерева к дереву, направился к знакомому дому, который стоял в стороне от дороги, за раскидистыми старыми яблонями. Сколько раз за этот год Егорычев находил предлог, чтобы забежать сюда! Его радушно принимали. Хозяйка, Алийде Юхановна Пообус, с большим уважением относилась к молодому командиру. Зато отчим явно не разделял симпатий женщин этого дома. При встречах с частым гостем он сухо здоровался, а когда фашисты высадились на Сааремаа, вообще перестал узнавать Егорычева.

Младший лейтенант, осмотревшись, вбежал в дом. В кухне находились женщины. Людмила взглядом указала на окно: отчим во дворе запрягал лошадь.

— Он не велел тебя пускать. Сказал: «Чтобы ноги его здесь больше не было».

Алийде Юхановна вытирала концом платка глаза.

Егорычев сказал, что он уходит вместе с товарищами, пришел только проститься. Девушка заплакала.

В это время на шоссе раздались выстрелы. Разорвалась граната, послышались очереди автоматов. Поцеловав Людмилу, Егорычев выскочил из дома и, скрываясь за кустами, пополз к дороге. По шоссе на машинах и мотоциклах двигались фашисты. Перестрелка удалялась в сторону пристани, а основной поток вражеских войск направлялся на юг, к маяку, где еще держали оборону остатки гарнизона. Егорычев залег в кустах у дороги, ругая себя за то, что оставил товарищей. Было сыро и зябко. Он лежал с пистолетом, готовый вступить в бой, если его обнаружат. Так прошло несколько часов. Перестрелка у пристани прекратилась. Вскоре навстречу вражескому потоку вывели группу пленных. Некоторые хромали, другие шли с окровавленными повязками. Узнал Егорычев и нескольких бойцов из саперной роты.

Когда стемнело, младший лейтенант вышел из своего убежища и пошел на юг. Хотя перестрелка прекратилась, у маяка могли остаться защитники Сааремаа. Но не успел он сделать и сотню шагов, как раздалось:

— Хальт!

И всюду, куда бы он ни шел, перед ним оказывались фашисты. К утру Егорычев снова был в яблоневом саду у знакомого дома. Он осторожно постучал в окно. Его впустили. Старика дома не оказалось. Младший лейтенант рассказал о том, что видел, попросил дать ему гражданскую одежду. Людмила открыла шкаф, засуетилась. Алийде Юхановна молчала. Младшему лейтенанту показалось, что она недовольна его возвращением. Но женщина вдруг твердо сказала:

— Ладно, сынок, оставайся в доме, укроем. А уж придется погибать, так всем вместе.

Какой радостью осветилось лицо девушки!

Коммунист Григорий Андреевич Егорычев остался в небольшом доме близ пристани Мынту. Его поместили на сеновале.

До тех пор, пока в доме не было посторонних, мать и дочь без особого труда приносили ему пищу. Но, на беду, вскоре здесь появились фашистские солдаты и заняли половину дома. Теперь стало значительно труднее приносить ему все необходимое.

28 суток провел Егорычев на сеновале, примыкавшем к дому. На 29-й день фашистские солдаты ушли.

Ночью, тайком от хозяина женщины привели Егорычева в дом, приготовили ему ванну. Внимательно осмотрев комнаты, он решил, что в случае тревоги можно будет укрываться под полом. А чтобы замаскировать вырезанные половицы, подпольное убежище надумали сделать под большим шкафом. Открыв дверцы и выдвинув нижний ящик, можно было быстро убрать половицы и уйти под пол.

Несколько суток продолжался нелегкий труд. Под домом младший лейтенант сделал себе небольшое убежище, а женщины в ведрах с мусором выносили землю в лес. Обе они оказались настолько хорошими конспираторами, что даже хозяин ничего не замечал.

Лучшими для Егорычева были те немногие дни, когда обитатели дома уходили и запирали дверь. Тогда, ничего не опасаясь, он выходил из убежища, бродил по комнатам, занимался гимнастикой.

А вести приходили все тревожнее и тревожнее.

Фашисты продвинулись далеко на восток. В Курессааре немцы обнаружили скрывавшегося красноармейца и расстреляли за это всю семью.

Вскоре произошел случай, чуть не кончившийся трагически. Когда Людмила принесла Егорычеву завтрак, он увидел в окно, что к дому подошли два немца.

Он выдвинул ящик шкафа, спустился в убежище и поставил на место половицы. Дверцы шкафа захлопывались сами: под передние ножки он подложил клинья. И когда в комнате, в которой скрывался Егорычев, раздались тяжелые шаги, он вытащил пистолет, зная, что, если его обнаружат, пощады не будет ни ему, ни хозяевам. Но вскоре наверху шаги замерли. Солдаты, заглянув под кровать и убедившись, что в доме никого нет, ушли.

Однажды зимним вечером Егорычев услышал о другом балтийском моряке, укрывавшемся в этом доме.

Было это в 1917 году. Война с немцами продолжалась. На Эзеле русские артиллеристы строили береговые батареи, чтобы отразить вражеский десант. Говорили о сдаче Риги, о готовящемся прорыве немецкого флота в Финский залив для захвата Петрограда.

Для Алийде 1917-й был годом молодости, годом первой любви. С тех пор как на Церель пришли русские войска, в небольшой дом с молодым яблоневым садом, где жила девушка, ворвалась новая жизнь. И новые слова услышали здесь: «пролетариат», «революция», «большевики». Девушка была далека от политики. Но она с интересом слушала разговоры балтийцев о том, почему до захвата Питера немцы непременно будут высаживать десант на Эзель и почему особую роль в обороне острова играет дальнобойная батарея на Цереле, прикрывающая вход в Рижский залив.

Много их, солдат и матросов, заходило в дом близ пристани Мынту. Но одного из всех выделила девушка — веселого крепыша балтийца. Как-то он оказал помощь заболевшей сестре Алийде. И авторитет Ивана Бубнова — фельдшера с Церельской батареи — после того случая вырос еще больше. Все тревожнее

становились дни. Ночью немецкие аэропланы сбрасывали бомбы на батарею. Однажды девушка услышала выстрелы зенитных орудий и шум мотора, а потом раздался взрыв. В их доме были выбиты стекла. Утром стало известно, что от бомбардировки на батарее загорелся артиллерийский погреб. А когда его стали тушить, погреб взорвался. Среди батарейцев оказалось много жертв.

В тот день Иван Бубнов к ним не пришел. И девушка поняла, что он ей очень дорог. Фельдшер не пострадал во время взрыва. Просто у него сразу прибавилось много работы.

Скоро Алийде стала женой Бубнова.

Стояла дождливая осень. Однажды ей сообщили, что в бухте Тага-Лахт высадился вражеский десант. С севера стали доноситься звуки боя. Огромное численное превосходство облегчало немцам наступление. Артиллеристы решили пробиваться на север, к своим. Бубнов с небольшой группой моряков должен был остаться, чтобы уничтожить батарею. А когда через несколько дней у пристани Мынту появились вражеские солдаты, к Марии пришел Иван. Они вместе решали, что делать. Женщина предложила моряку прятаться в лесу. Их дом казался ей плохой защитой. Молодые люди договорились, что Иван будет приходить за продуктами. Но однажды осенью, когда фельдшер заглянул в дом, чтобы поесть, нагрянули немецкие солдаты, схватили его и расстреляли. А весной у Алийде родилась девочка. Ее назвали Людмилой. Своего отца она никогда не видела...

Тяжелые дни наступили для жителей дома у яблонь. По нескольку раз в день приходилось Егорычеву прятаться в свое убежище, и он решил дождаться зимы, чтобы по льду перейти пролив.

Накануне Нового года в дом снова пришли немцы. Григорий Андреевич решил — обыск. Но оказалось, что фашисты надумали встретить здесь Новый год. До утра над ним топали кованые сапоги, раздавались пьяные песни, хрипел патефон. Потом Егорычев долго болел, простудившись в новогоднюю ночь. Женщины не советовали ему переходить на материк пешком. Не зная эстонского языка, без документов, он легко стал бы добычей эстонских националистов.

Убедившись, что ему, может быть, придется пробыть здесь еще долго, Егорычев решил сделать лаз во двор. Несколько недель потребовалось, чтобы прорыть под полом канаву, раскачать кусок гранита в фундаменте. Теперь в случае опасности Егорычев мог пробраться из своего убежища под шкафом в сад.

Видимо, его кто-то заметил. Вновь к дому подошла машина с солдатами. Дом окружили, сделали обыск. Ничего не обнаружив, фашисты арестовали Людмилу, но она не выдала Григория Андреевича, и ее вскоре отпустили.

Маленькая сестра Людмилы Магда догадывалась, что Егорычев скрывается где-то близко. То девочке на глаза попадалась кожаная куртка сапера, то после обеда вместо четырех грязных тарелок оказывалось пять. Магда несколько раз расспрашивала мать и сестру о дяде Грише, но те отшучивались. О том, что в доме кто-то скрывается, не знал только хозяин. Впрочем, может быть, знал и он. Жизнь на оккупированной земле скоро убедила его, кто настоящие друзья и кто враги эстонского народа.

Немало месяцев провел Егорычев в этом доме, прежде чем снова увидел на Сааремаа советских солдат.

Из взятых на Сырве пленных фашисты отбирали политработников, коммунистов и евреев и тут же расстреливали их. Часть раненых они собрали в клубе 34-го инженерного батальона, близ Мынту, и сожгли. Местные жители, которых гитлеровцы согнали хоронить останки, насчитали свыше сотни обуглившихся трупов.

По окончании боев на Сырве гитлеровцы привели на перешеек около 300 военнопленных. Фашистский офицер, командовавший конвоем, приказал выйти из строя всем минерам. Отделилось несколько человек. Остальных построили в шеренгу и поставили лицом к минному полю. Затем, угрожая автоматами, их погнали прямо на минное поле, заставляя ногами разминировать перешеек. Позади шеренги шли минеры, а за ними фашистские солдаты с автоматами. Если кто-либо из пленных замечал мину, он поднимал руку, и минеры ее обезвреживали. У многих, кто остался в живых после этого, побелели волосы.

Захваченных на Сааремаа военнопленных гитлеровцы отправляли в лагерь под Курессааре. Вместе со всеми шел и начальник военно-морского госпиталя военврач второго ранга В. И. Бондаренко, участник первой мировой войны. После потопления Черноморского флота ему пришлось совершить небывалый по трудности переход с Таманской армией в Астрахань. Но все испытания прошлого меркли перед мучительным позором плена.

Его схватили на хуторе у операционного стола, когда он оперировал артиста фронтовой бригады Н. М. Арапова. На Сырве даже певцы и танцоры театра КБФ дрались в окопах с фашистами.

Накрапывал дождь. Балтийский ветер, словно стараясь помочь пленным, дул в спину. Пленные шли, опустив головы, с трудом отрывая от земли облепленные грязью ботинки. Рядом с Бондаренко были его товарищи. У многих грязные бинты, лица осунувшиеся, обросшие. Дорога делала крутой поворот. Что ждет за ним: новые издевательства, побои и пытки или, может быть, смерть?

Ветер гнал тучи. Болела спина после ночевки прямо на земле, ныли натруженные ноги, но еще тяжелее было на душе. Впереди плен. И вдруг оживленный голос соседа:

— Василий Исидорович, смотри!

Чему радуется товарищ? Начальник госпиталя смотрит вперед. За спинами передних конвоиров расступаются деревья, видно большое поле, а на нем новые березовые кресты. И стоят они стройными шеренгами, как солдаты на параде. Их много, на этом политом кровью полуострове Сырве. Видно, немало пришлось потрудиться похоронной команде, чтобы вырыть столько могил.

— Красота! — негромко произносит кто-то.

Вражеское кладбище широко раскинулось перед глазами военнопленных. Люди приободрились, увидев своими глазами результаты боев. И вот уже не так давит их гнет плена. Они подняли головы. И даже раненые стараются идти в ногу.

Пленных моонзундцев отправляли в лагеря под Ригу, в Вилянди, Саласпилс. Но больше всего их попало в Валгу. Был среди них и капитан Стебель.

Рассказывали, что немцы долгое время разыскивали командира 315-й батареи. Когда его опознали и схватили, Стебель вышел из строя и пошел к яме, у которой стояло несколько босых людей, ожидавших расстрела. Капитан тяжело опустился на землю и начал стаскивать сапог.

Подбежал немецкий офицер и что-то приказал солдатам. Они увели Стебеля, а вечером он вернулся в барак и сообщил, что его уговаривали восстановить батарею, обещая в помощь собрать всех пленных артиллеристов с 315-й. А когда он отказался, ему предложили принять новую батарею на Ла-Манше. Сулили чины, ордена, высокий оклад. Затем с допросов его стали приводить окровавленного, избитого. Товарищи рассказывали, что о попытках немцев восстановить батарею Стебель говорил:

— Пусть немцы попробуют для этого перекачать целое Балтийское море.

Это были не просто слова. Когда в 1944 году советские части освободили острова и попытались осушить затопленные помещения 315-й, им удалось сделать это лишь после того, как водолаз обнаружил отверстия, через которые на батарею поступала вода.

С именем Стебеля в Валге связывают попытку массового побега военнопленных. Произошло это, видимо, в конце 1941 года. Однажды вечером по баракам пополз слух, что ночью будет совершен массовый побег. Вот как вспоминает об этом сержант 39-го артиллерийского полка с Сааремаа Н. М. Зорин: «Говорили, что пленными будет руководить капитан Стебель. Мы хотели сломать ворота, преодолеть проволоку и уйти в лес партизанить. Кто-то предупредил немцев. Сигнала начать побег не последовало, а к утру лагерь был окружен войсками, и обер-полицай крикнул: «Кто хочет свободы, выходи»».

Об этом же факте рассказывали артиллерист с острова Хийумаа А. И. Быков, сапер Д. М. Сонин, красноармеец 34-го инженерного батальона Ф. К. Попов и некоторые другие.

После этого часть военнопленных из Валги отправили в другие лагеря. Сообщению о том, что капитан Стебель пошел в украинский националистический

батальон, многие из находившихся в Валге не поверили. Однако это было так. Инженер-механику К. К. Роговцеву удалось встретиться с ним.

— Александр Моисеевич, как ты попал в батальон?

— Солдат должен умирать с оружием,— ответил Стебель.

— Ну и умирай, коли пришла охота,— бросил ему Роговцев.

Об этом разговоре он рассказал товарищам.

— Ты Стебеля не трогай. Он знает, что делает.

У капитана Стебеля были вполне определенные планы. С оружием в руках он хотел перейти на сторону Красной Армии. Об этом офицеру штаба 3-й стрелковой бригады И. Я. Двойных рассказывал старший лейтенант Белоусов из 79-го стрелкового полка. Дальнейшие события подтвердили это. Но, видимо, Стебель оказался плохим конспиратором. Скоро избитого, чуть живого командира батареи бросили в карцер, а затем отправили по фашистским тюрьмам. Сейчас трудно сказать, в какой из них погиб отважный балтиец. Называют различные места в Прибалтике.

Бывший военнопленный Г. Т. Александров из Риги пишет, что Стебеля расстреляли летом 1942 года в лагере Валга. Гидрограф Кудинов слышал от товарищей, что Стебеля видели в одной из тюрем Риги, видели опухшего, отечного, но морально не сломленного. Рассказ Кудинова дополняет командир роты с Сааремаа А. Н. Борисов: «Стебеля гитлеровцы замучили в тюрьме в Риге. Замучили его за потопление кораблей, за меткий огонь по суше, за отказ служить в украинском батальоне, где он пробыл неделю. Капитан Стебель был волевым и боевым командиром. Не ошибусь, если скажу, что мы могли так долго продержаться на Цереле только благодаря поддержке его батареи. Это был стойкий патриот Родины. Ни голод, ни пытки в плену не сломили его воли, не поколебали уверенности в деле партии, в своем народе».

Некоторые товарищи по возвращении из плена рассказывали, что Стебелю удалось переслать из тюрьмы друзьям записку, в которой он писал: «Что

бы ни случилось, всегда был и останусь советским человеком».

После войны семья Стебеля, проживавшая на Украине, получила письмо из Алма-Аты от жены врача с 315-й батареи Клавдии Лохиной. Ее муж находился со Стебелем в одной тюрьме и просил передать семье своего бывшего командира, что Александр Моисеевич погиб как настоящий герой. К сожалению, сам Лохин вскоре умер, и узнать подробности гибели командира 315-й батареи не удалось.

Как-то после первомайского парада в Риге в одно из военных училищ зашел немолодой латыш. Он рассказал, что до последних дней находился в тюрьме вместе со Стебелем, которому народная молва, опережая действительность, за подвиги во время Великой Отечественной войны присвоила высокое звание Героя Советского Союза. К сожалению, в училище не записали рассказ этого товарища или хотя бы его адрес.

Популярность балтийского командира батареи была столь велика, что и сейчас, более чем через четверть века после тех событий, о нем помнят и пишут люди, которые никогда не служили с ним и даже ни разу его не видели. Этим объясняется и тот факт, что Стебеля якобы встречали в различных лагерях смерти в Прибалтике. О Стебеле стали ходить легенды. Артиллерист 315-й батареи И. Я. Подвязный рассказывает, что 14 января 1943 года, когда их, группу военнопленных, перевели в лагерь города Риги, к ним подошел человек, спросил, есть ли кто с Эзеля.

— Вчера здесь капитана Стебеля заморозили. Погиб героем.

Расспросить его о подробностях не удалось: охранник прогнал постороннего.

И все-таки, как погиб этот балтиец, в какой из тюрем, кто из товарищей с ним находился до последнего дня, этого мы до сих пор не знаем.

Захватив острова, фашисты начали массовые репрессии. Немало зданий было превращено в тюрьмы, а вековая дубовая роща Лоодэ, в нескольких километрах от Курессааре, стала местом гибели лучших людей острова Сааремаа. Здесь оккупанты

убили многих местных руководящих работников. На острове погибли секретарь уездного комитета Коммунистической партии Александр Муй, члены исполнительного комитета уезда Иоганн Эллам, Александр Игнальт и Борис Лейнер.

За три года оккупации острова около 7 тысяч человек было уничтожено фашистами и более 5 тысяч угнано в фашистское рабство. Часть из них продолжала вести неравную борьбу с оккупантами в лагерях военнопленных.

Удалось узнать подробности гибели Александра Михайловича Муя. Это был опытный революционер-коммунист. Еще юношей вступил он на путь борьбы с угнетателями. В феврале 1919 года Александр Муй участвовал в восстании на Сааремаа, когда мобилизованные крестьяне, отказываясь воевать с Советской Россией, пытались захватить власть на островах. За участие в Таллинском вооруженном восстании 1924 года буржуазное эстонское правительство приговорило Муя к пожизненной каторге. Только когда в Эстонии установилась Советская власть, коммунист Муй получил свободу.

Его направили на родину, на остров Сааремаа, секретарем уездного комитета партии. А когда началась война и возникла угроза оккупации, Муй остался на острове, чтобы организовать подпольную работу. Муй отличался очень высоким ростом, да и вообще был заметной фигурой. Его хорошо знали на острове по многочисленным выступлениям перед рыбаками и крестьянами.

Наступила зима. Пришлось оставить землянку и скрываться на чердаке. Однажды взвод вражеских автоматчиков и местные белоповязочники — омакайцы окружили дом. Враги предложили сдаться без боя. В ответ с чердака прогремели выстрелы. Видимо, оккупантам был дан приказ захватить Муя живым. Они снова предложили эстонскому коммунисту сложить оружие, обещая сохранить жизнь. Мую нужно было перезарядить пистолеты и уничтожить документы. Он крикнул, что согласен сдаться, но ему нужно написать жене письмо. За 15 лет, проведенных в тюрьме, он хорошо изучил повадки врагов и больше не хотел попадаться им в лапы.

Когда же потерявшие терпение фашисты полезли на чердак, оттуда опять раздались выстрелы. Тогда гитлеровцы из автоматов стали методически прошивать тонкий потолок дома. Они стреляли до тех пор, пока из пулевых пробоин с потолка не стала капать кровь. Так с оружием в руках погиб секретарь укома КП(б)Э Александр Михайлович Муй. Об этом рассказали в своих воспоминаниях персональные пенсионеры — бывший председатель волостного исполкома в Пяйде Антон Саар, помогавший Мую в подпольной работе, и крестьянка Анастасия Кяэрид, дом которой находился недалеко от хутора, где погиб Александр Михайлович.

Когда бои на Сырве окончились, оставшиеся в живых бойцы саперной роты лейтенанта А. А. Савватеева вместе со своими командиром и политруком решили перебраться на материк на малых надувных лодках. В залив они вышли с наступлением темноты. Впереди шли два рыбачьих баркаса, а за ними лодки. Однако им недалеко удалось уйти от берега. Их осветил мощный прожектор.

Они никак не могли вырваться из этого широкого голубого луча, хотя гребли изо всех сил. Гитлеровцы выслали за ними катера. Так Савватеев вместе с политруком роты А. Я. Троллем, старшиной С. С. Ророхой и несколькими бойцами оказались в плену.

Под усиленной охраной их доставили на какой-то хутор. Тех, кто вызывал подозрение, уводили в специальную пристройку. Туда направили и Тролля. Пленные ночевали в старом сарае. Утром Ророха разбудил лейтенанта.

— Вас кто-то к забору зовет.

Лейтенант вскочил, растирая онемевшее тело, побежал к загородке. Рассветало. Начинался хмурый день. Какой-то человек сказал:

— Щель у того столба.

Лейтенант подошел к забору, но ничего не заметил. От земли кто-то спросил:

— Савватеев?

— Я.

— Говорит Тролль. Вечером нас расстреляют. Запомни мой адрес: Куйбышев, улица Горького, 106, жена — Мария, сын — Альберт.

В тот же вечер в лагере видели, как из пристройки вывели группу людей. Их фигуры в одном белье были хорошо заметны в сумерках. Вскоре из леса донеслись автоматные очереди. Больше политрука Тролля никто не встречал.

Карл Карлович Томинг по заданию Коммунистической партии Эстонии тоже был оставлен на острове Сааремаа для организации подпольной работы. Во время высадки фашистских войск он скрывался на отдаленном хуторе Каузама у надежного человека — крестьянина Югана Ваппера. В лесу близ хутора вырыли землянку.

Когда фашистам удалось захватить остров, два офицера, В. М. Харламов и И. Г. Фролов, знавшие, где находится Томинг, решили укрыться вместе с ним.

Юган Ваппер имел большую семью (одних детей — шестеро), в партии не состоял. Трудно было предположить, что у такого человека скрываются трое коммунистов.

Карлу Карловичу Томингу в это время было 38 лет, но он имел почти 20-летний партийный стаж. За активную революционную деятельность в буржуазной Эстонии в 1924 году Томинг арестовывался политической полицией, а в 1925 году на процессе 77 коммунистов его приговорили к 10 годам каторжных работ.

10 лет тюрьмы, потом поездка в Советский Союз, в страны Скандинавского полуострова. В 1938 году Томинг вернулся в Эстонию и вновь несколько раз подвергался аресту.

Опытный революционер, Томинг был хорошим конспиратором. Он советовал своим товарищам выждать. А когда фашисты ослабят контроль за дорогами и перестанут охотиться за остатками гарнизона, тогда легче будет перебраться на Большую землю.

Наступили морозы. Тонкие стены землянки, выступавшие над землей, стали промерзать. Томинг подготовился к зимовке, у него было все необходимое, а у Харламова и Фролова не было теплой одежды. Хозяин хутора предложил на ночь переходить к нему в дом. Вскоре все трое перебрались на чердак. Офицеры установили связь через Миланию

Коэль с Курессааре. А. К. Сепп переслал им на хутор пальто, компас, карту, теплые носки, белье.

Еще в молодости, до службы в армии, Томинг сапожничал, потом 10 лет он занимался этим делом в тюрьме. Починив обувь товарищей, Томинг взялся за разбитые ботинки детей хозяина хутора. На чердаке было темно, поэтому Томинг работал на улице. Однажды несколько немецких солдат, проходя мимо хутора, увидели Карла Карловича. Фролов и Харламов в это время находились на чердаке. Что произошло на улице, никто не знает, но когда на крики и выстрелы из дома выбежал сын хозяина, то увидел, как гитлеровцы уносили своего убитого или раненого солдата, а невдалеке лежал мертвый Томинг. Фролову и Харламову пришлось покинуть хутор. Утром они узнали, что в доме был обыск. Арестованного хозяина гитлеровцы увезли с собой. Позднее схватили Миланию Коэль и Арнольда Сеппа.

Некоторое время моряки ночевали на сеновале, но прятаться становилось все труднее, так как вскоре выпал снег, который и выдал их. Обнаружив следы, гитлеровцы окружили сеновал, схватили Харламова и Фролова и отправили их в лагерь. Случилось это 31 декабря 1941 года.

Нерадостным был новый, 1942 год на островах Моонзунда. Черным годом остался он в памяти на эстонской земле, где свирепствовала выползшая из щелей реакция, где по суду и без суда уничтожали коммунистов, убивали всех честных людей, не желавших смириться с фашистским игом. Гибли от пуль, голода и болезней, умирали за колючей проволокой концентрационных лагерей. Тяжелым был тот год для всей страны. Но советские люди, оказавшиеся на временно оккупированной врагом территории, и не думали сдаваться.

Январь 1942 года врезался в память старшего политрука Сергея Яковлевича Колегаева, военкома 37-го инженерного батальона. Их, большую группу военнопленных с острова Сааремаа, перевели на материк, в город Валгу.

Здесь, в лагере, Колегаев встретил своих боевых товарищей: политрука Крылова — редактора местной газеты «На страже», который находился в лагере под

фамилией Петренко, начальника штаба Береговой обороны Балтийского района майора Шахалова и некоторых других.

В тот же день кто-то окликнул старшего политрука:

— Колегаев!

Но Сергей Яковлевич прошел мимо, не оглянувшись, так как здесь он был записан под другой фамилией.

Вечером к нему подошел бородатый человек:

— Я Тюрин, начальник штаба 37-го батальона. Три дня назад немцы перед строем расстреляли политрука из учебной роты. Вам угрожает то же. Пока не поздно, бегите.

Колегаев осмотрел свою одежду: рваная шинель, на ногах деревянные колодки. Нет ни ножа, ни хлеба, ни карты. И все-таки он решил бежать.

Пленные работали в поле в шести-семи километрах от лагеря. Стояли морозы, и охрана была уверена, что никто из этих полураздетых людей не побежит в лес, чтобы замерзнуть там.

Но ничто не могло остановить Колегаева. Насовав за пазуху побольше мерзлой картошки, он зарылся в стоявший неподалеку стог сена. Его не обнаружили.

Лишь через месяц обмороженного человека в лохмотьях схватили в лесу и отвезли обратно в лагерь Валга.

По лагерным порядкам за побег полагалось 15 суток карцера. 15 суток только на воде и хлебе. Издеваясь, охранники даже отняли у него вставные челюсти.

— Подыхай, собака. В другой раз, думаю, не побежишь!

И все-таки он выжил.

Приближалась весна 1942 года. С помощью товарищей Сергей Яковлевич попал в команду водовозов. Это была группа людей, возивших на себе в огромной бочке воду для приготовления пищи. Команда подобралась надежная. Так появился в лагере водовоз дядя Вася.

Здесь-то и зародилась подпольная организация военнопленных. Небольшая группа, созданная на

первых порах, активно включилась в работу. Дяде Васе и бывшему редактору газеты М. Д. Крылову удалось установить связи с местным населением. В лагерь стали поступать сводки Совинформбюро. Переводчик Зацепин, общаясь с немцами и лагерным начальством, также сообщал немало важных сведений. Ленинградский инженер Скоробогатов изучал прибывающих в лагерь новеньких. Даже на продовольственном складе оказался свой человек. С его помощью снабжали хлебом готовящихся к побегу, а эстонец Август Элиссон обеспечивал их компасами.

Большую работу вела подпольная группа, обслуживавшая лазарет. Благодаря самоотверженной помощи медперсонала — Ивана Хитрова, Михаила Аносова, Фураева, Смирнова — удалось спасти жизнь многих пленных.

Деятельность организации привлекла внимание фашистов. Однажды, когда заключенные возвращались с работы, полицай за спиной дяди Васи крикнул:

— Колегаев!

Но он не обернулся. Тогда на него набросились с палками. Вечером избитого старшего политрука поставили перед строем.

Объявив, что пойман комиссар, гитлеровец свою короткую речь перед пленными закончил так:

— Бог нас не накажет, если мы избавимся от большевистской собаки.

Опустив головы, молча стояли в строю пленные. Все хорошо знали, чем кончаются такие сцены. С неделю до этого здесь же на глазах у всех был расстрелян политрук 6-й роты 37-го инженерного батальона А. Ф. Сологуб.

Медленно поднимается парабеллум в руке фашиста. Но прежде чем застрелить, он хочет подольше помучить.

И вдруг в наступившей тишине, еще более неожиданный, чем выстрел, из задних рядов раздался дерзкий голос:

— Это не комиссар, а помощник командира по хозчасти.

Говорили потом, что крикнул начальник артиллерии капитан Харламов.

Трудно сказать, что подействовало на гитлеровца, только он опустил пистолет и приказал дать водовозу 50 палок.

Колегаев очутился в карцере. На его счастье, он оказался там не один. Пулеметчик Андрей Гуляев, сидевший за неудавшийся побег, привел товарища в чувство.

В лагере было совершено более десяти коллективных побегов. Товарищи помогли Колегаеву вновь бежать. На этот раз ему удалось пройти на восток значительно дальше. Но до линии фронта было еще далеко...

Пойманного дядю Васю отправили на шахты Кивиыли. Он вскоре бежал.

И опять был лагерь, на этот раз в местечке Йыгево. В этом небольшом лагере содержались главным образом казахи и узбеки. Строгостей было значительно меньше. Охрана разрешала подходить посторонним к колючей проволоке, и с прибытием пополнения женщины из соседних селений приходили разыскивать своих родных и близких.

До войны Глафира Семеновна Иванова жила в Таллине, а когда фашисты напали на нашу страну, уехала к брату под Нарву. Вскоре она оказалась на оккупированной территории и попала на селекционную станцию в Йыгево. Муж ее воевал под Ленинградом. Больше двух лет она о нем ничего не знала. Услышав, что прибыли новые пленные, Глафира Семеновна захватила узелок с продуктами и направилась к лагерю.

Обратившись по-эстонски к охраннику, Иванова попросила разрешения поговорить с прибывшими. Ей разрешили.

Два человека, худых, давно не бритых, в лохмотьях, подошли к проволоке. Женщина коротко рассказала о себе. Почувствовав, что перед ними честный советский человек, Колегаев признался, что хочет вновь бежать из лагеря. Мысль, что его место на фронте, не давала ему покоя. Глафира Семеновна решила помочь пленному. Через несколько дней она принесла в лагерь продукты, табак, спички. Объяснила, где поблизости есть фашисты, посоветовала, какой дорогой лучше идти.

На прощание шутливо сказала:

— Попадете в Ленинград, разыщите мужа и передайте: жду.

И снова старший политрук Колегаев бежал из плена. Была весна 1944 года.

Сперва их было двое, потом стало десять, пятнадцать. Подходя к фронту, они резали телефонные провода, ломали настилы деревянных мостов, жгли фашистские машины.

Где-то в районе Нарвы их встретили советские разведчики.

Многие бойцы бежали из плена. Капитан Морковкин ушел из лагеря Валга с группой товарищей летом 1942 года. Шли по ночам, питаясь овощами с огородов, грибами и ягодами. Костры разводили из сушняка, чтобы дым не привлек внимания врагов. Двигались вдоль железной дороги. Грохот проходящих поездов служил хорошим ориентиром. Целые сутки группа военнопленных, в которую кроме Морковкина входили танкист Василий Ястребов и красноармейцы Алексей Сологуб и Степан Савинков, внимательно присматривалась, где можно перейти линию фронта. Они действовали осторожно и осмотрительно. Старик, собиравший в лесу хворост, помог им обойти фашистов. 15 октября 1942 года группа Морковкина где-то в районе Пскова благополучно пересекла линию фронта и вышла в расположение советских войск.

Заместителя политрука 1-й роты 1-го батальона 46-го стрелкового полка Сергея Ивановича Молякова вместе с другими пленными гитлеровцы направили на фабрику в город Слоку. Там, подобрав ключи к подвалу и выломав в окне решетку, С. И. Моляков вместе с И. И. Ефремовым из инженерного батальона и Михаилом Семеновым с Хийумаа бежали. В Литве они встретили партизан из отряда «Вильнюс» и присоединились к ним.

В 1-й Латвийской партизанской бригаде воевал главный старшина, гидрограф Дмитрий Спиридонович Чепельников.

Юным читателям хорошо известны книжки поэта Георгия Ладонщикова. Но мало кто знает, что бывший боец 46-го стрелкового полка Г. А. Ладонщиков

сражался с оккупантами на территории Эстонии в отряде «Коткас». В этом же отряде боролся против фашистов санинструктор 34-го инженерного батальона Василий Кузьмич Сердюк. Рядовой того же батальона Сергей Петрович Лахно партизанил в Чехословакии. В партизанской бригаде имени Яна Жижки командовал взводом зенитчик с Сааремаа Петр Васильевич Москаленко. Офицер-зенитчик Александр Сергеевич Молофеев, попавший в лагерь военнопленных в Северной Франции, установил связь с участниками Сопротивления. С их помощью он бежал и в августе 1944 года вступил в партизанский отряд капитана Руссо «Мойл» («Тысяча»), действовавший на стыке трех департаментов: Нор, Па-де-Кале и Сомма. В это время отряд чаще всего совершал нападения на фашистов по дороге между городами Аррас и Амьен. В ночь на 30 августа он участвовал в освобождении Амьена. Во Франции воевал и политработник с островов К. А. Андреев; шофер Г. Д. Титов боролся с оккупантами в лесах Бельгии. За боевые подвиги в Польше офицер М. Ф. Морковкин был награжден польским орденом «Крест храбрых».

Невозможно даже перечислить всех тех из островного гарнизона, кто, оказавшись за колючей проволокой фашистского лагеря для военнопленных, продолжал борьбу.

Не всем, далеко не всем удалось дожить до победы. Но даже умиравшие в лагерях сохраняли бодрость духа. Вот о каком случае рассказал инженер-механик Роговцев.

Однажды из лагеря пропал фашистский прихвостень. Все поиски его оказались тщетными. И тогда трое здоровенных полицаев, замотав физиономии тряпьем, стали длинными шестами прощупывать выгребную яму.

Мимо шел военнопленный. Обычный доходяга, как звали наиболее истощенных. Серое лицо, кожа да кости. На боку неизменная сумка от противогаза.

— Что вы тут ищете? — спросил он у полицаев.

— Одного вашего товарища.

— Нет,— пленный остановился, выпрямился,— наши товарищи вот где,— указал он на барак, из ко-

торого выносили два трупа. Умершие были настолько тощи, что оба умещались на короткой лестнице, заменявшей в лагере носилки.— Наших тут нет. Здесь ваш приятель.

Пленный сделал ударение на слове «ваш». Полицай повернулся, чтобы огреть смельчака. Но в глазах у этого живого скелета светилась такая сила, что гитлеровский холуй только выругался... А доходяга победителем заковылял дальше.

По-разному боролись советские люди за колючей проволокой. Боец 46-го полка художник Иван Николаевич Хитров в лагере Валга делал зарисовки с натуры, чтобы сохранить документы гитлеровских зверств. Он рисовал портреты военнопленных, рисовал умирающих и уже мертвых. К сожалению, сохранилось лишь несколько рисунков.

За колючей проволокой оборвалась жизнь не только военных защитников островов. Там погибли эстонская патриотка Милания Коэль, хозяин хутора Каузама Ю. Ваппер, рыбак Василий Кааль и его дочь Мария и еще многие эстонские патриоты.

Во время боев на Сааремаа разоблачили вражеского лазутчика, служившего на нашем аэродроме. На допросе он трусливо рассказал о своих связях, о своем прошлом. Документы его передали младшему сержанту из аэродромной команды Генриху Ходу. Под именем Генриха Гольдате он остался в тылу врага, чтобы продолжать борьбу.

На вражеском аэродроме появился новый механик. Был он общительным и веселым парнем, брался за любую работу, поэтому немцы охотно прибегали к его помощи.

Механик стал частым гостем в доме крестьянина Александра Охакаса. Там он познакомился с несколькими эстонскими комсомольцами. Завоевал расположение Генрих и в семье Круммов. Николай Крумм работал в волостном управлении и был в курсе всех дел по волости.

В доме Хелене Коппель нашелся радиоприемник. Появилась возможность слушать Москву, сообщать о положении на фронтах.

Между тем на аэродроме Генриху Гольдате доверили подготовку самолетов к вылету. Однако после

того, как с аэродрома поднялся и не вернулся истребитель, расследовать этот загадочный случай поручили нацисту из Берлина.

Несколько суток на аэродроме шла проверка. А когда стало известно, что самолет с нацистом тоже исчез, началась настоящая паника.

Механика уволили с работы. Он поселился в доме Лидии Вахтрамэ. Здесь Генрих познакомился с внучкой Лидии — Айно Ульм. До войны Айно была секретарем комсомольской организации и поддерживала связь с другими комсомольцами.

Однажды Генриха предупредили: ему угрожает арест. Опасаясь, что он может не вернуться из тюрьмы, Генрих рассказал Айно, что он был оставлен на острове с чужими документами. Генрих рассказал девушке о диверсиях на аэродроме, передал ей свою карточку кандидата в члены Коммунистической партии. В случае его гибели он просил отдать карточку советским войскам. Айно узнала о его прошлой жизни. Генрих родился 12 августа 1921 года в Одессе. Когда ему исполнилось пять лет, родители-медики переехали в село Зельцы. Там мальчик овладел немецким, а когда семья вернулась в Одессу, поступил в 35-ю школу, где преподавание велось на немецком языке. А потом исторический факультет университета, служба на флоте...

Друзья решили укрыть Генриха. В лесной сторожке, затерявшейся на севере острова, ему подготовили убежище. Ночью Айно приехала за ним, но моряка в условленном месте не оказалось. Утром товарищи узнали, что его арестовали.

В середине августа 1944 года в 18 километрах от города Курессааре, в Ярвенском лесу, была расстреляна группа заключенных. Среди них был и Генрих Ход. Позднее, при перезахоронении убитых, труп Генриха был опознан. Его руки были скручены за спиной, а сам он был привязан колючей проволокой к своим товарищам. Так погиб в тылу врага младший сержант военно-воздушных сил Краснознаменного Балтийского флота Генрих Ход.

В тяжелые годы войны весь мир увидел массовый героизм советских людей на фронте и в лагерях для военнопленных. Изнуренные непосильной работой,

побоями, истощенные до последней крайности, они искали пути к победе. Так же действовали моонзундцы за колючей проволокой.

Недаром в партизанских отрядах Франции, Бельгии, Польши, Чехословакии, на оккупированной советской территории было немало русских военнопленных.

Таких людей враг мог уничтожить, но ему не удавалось их сломить. Три долгих года хозяйничали фашисты на островах. Как страшный сон, вспоминает население тысячу черных дней.

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

(Эпилог)

Осенью 1944 года стремительным десантом советские части освободили Моонзунд. Наши катерники были последними, кто ушел с Сааремаа в 1941-м. Торпедные катера под командованием Героя Советского Союза капитана третьего ранга В. П. Гуманенко первыми высадили десант на Хийумаа, первыми доставили морских пехотинцев на землю Сааремаа. Одним из батальонов командовал майор А. О. Лейбович, командир той самой подвижной батареи на автомашинах, которая вела бои у Ориссаара и на полуострове Сырве.

...Шумят на морском берегу могучие сосны. Прямо на песок у подножия их опустились солдаты. Сегодня в гости к пограничникам приехали защитники Моонзунда. Молодые парни, на груди у которых поблескивают комсомольские значки, не отходят от ветеранов.

Непринужденно течет беседа. Семен Михайлович Прудевус, бывший фельдшер мотопонтонной роты, рассказывая молодым солдатам о последних боях у Тахкуны, упомянул о том, как в последний день обороны он зарыл в землянке комсомольский билет. Пограничники внимательно слушают этого немолодого человека, который некогда тоже был комсомольцем.

К сожалению, комсомольский билет Прудевуса найти не удалось. Не могли отыскать даже место, где находилась землянка,— так после войны все изменилось на островах.

Группе, которая выезжала на острова, передали три комсомольских билета защитников Моонзунда. Один из них принадлежал Савелию Никитичу Середе, 1917 года рождения, и был выдан в Северо-Казахстанской области. Найден он в блиндаже на полуострове Сырве.

В стене старого сарая близ Кюбассааре обнаружили сверток с комсомольским и профсоюзным билетами Федора Георгиевича Романцова из Воронежа.

На острове Хийумаа найден комсомольский билет Константина Терентьевича Шпаковского, принятого в ряды Ленинского комсомола Рузским районным комитетом Московской области.

Совсем недавно удалось разыскать и родных Романцова и Шпаковского.

Рыбак Арво Алас передал приехавшим несколько десятков фотографий советских бойцов, подобранных им в 1941 году на полуострове Кюбассааре. По подписям на обороте, где упоминаются фамилии Табачкова, Кальянова, Плехова, Кучеренко, Пискова, удалось установить, что принадлежали они артиллеристам 43-й береговой батареи. Найдено несколько фотографий участников боев и на Хийумаа.

Земля островов много лет бережно хранила память о своих защитниках.

Однажды на полуострове Тахкуна вспыхнул лесной пожар. Чтобы преградить путь огню, вспахали землю. И тут обнаружили несколько винтовок и ручной пулемет. Видимо, расстреляв все патроны, защитники острова Хийумаа закопали оружие, чтобы оно не попало в руки фашистов.

С 1960 года поездки участников боев на острова стали почти регулярными. Недостатка в желающих встретиться с фронтовой молодостью не было.

Разве забудет бывший сержант Г. М. Кривенко поездку на Каэватслайд, куда его когда-то забросила война?

Островок небольшой, безлесный, с несколькими домиками и разрушенной ветряной мельницей. Кривенко первым выскочил из шлюпки на прибрежные валуны. За ним последовали остальные.

Навстречу вышел хозяин — грузный плечистый старик в тельняшке. Да, это он, Виллем Хундо, участ-

ник боев за Порт-Артур, помогал красноармейцам в сорок первом. Он отдал им свои лодки. Правда, только одной удалось уйти. Что стало с защитниками острова, он не знает.

Радостная улыбка появилась на лице старого рыбака, когда он услышал, что перед ним один из красноармейцев с Каэватслайда. Он крепко пожимает руку бывшему солдату.

Да, Виллем помнит тот день, когда советские бойцы неожиданно вернулись в его дом. Бои на Хийумаа уже закончились. Подготовить к выходу лодки красноармейцы не успели. На остров нагрянули фашисты. Пока были боеприпасы, они вели бой. Потом оставшихся в живых взяли в плен. Был среди них и Кривенко.

Ленинградец Кривенко рассказал рыбаку о себе, о судьбе своих товарищей. Когда собирались уходить, кто-то спросил Виллема, не боялся ли он оказывать помощь красноармейцам, ведь за это ему грозил расстрел. Рыбак с достоинством ответил:

— Я старый солдат, а русские — хорошие ребята.

На следующий день автобус доставил бывших защитников Хийумаа на Тахкуну.

Высокая белая башня маяка видна издали. Маячники с гордостью показывают свое хозяйство. Хотя они пришли сюда служить после войны, они тоже слышали о подвиге балтийца, бросившегося с 45-метровой высоты на камни, чтобы не попасть в плен. Но ни имени, ни фамилии героя они не знают.

Нет, не легенду, а быль о последнем защитнике Моонзунда рассказывают на островах.

Сейчас на маяке в память о подвиге неизвестного матроса установлена мемориальная доска.

О людях 316-й башенной батареи капитана А. А. Никифорова рассказал бывший секретарь комсомольского бюро батареи, ныне инженер-строитель из Москвы И. В. Сабельников.

В тот день, когда командир 316-й батареи капитан Алексей Никифоров приказал готовить орудия к взрыву, фашисты вошли в мертвую зону батареи. В расчетах осталось совсем немного людей, так как большая часть личного состава башен сражалась на подходах к батарее с вражескими мотоциклистами.

Пустыми и мертвыми выглядели в те дни бетонированные блоки 316-й. Умолкли орудия, погасло электричество, замерла жизнь. Лишь раненые брели через огневую позицию к маяку Тахкуна, да все ближе и ближе надвигался гул боя. Вскоре вражеские автоматчики подошли к батарее вплотную. Часть артиллеристов укрылась в помещениях башни. Фашисты, швырнув гранаты, бросились за ними. В темных подземельях батареи завязался бой. Моряки хорошо знали расположение подземных казематов. Но на стороне гитлеровцев был большой численный перевес.

Одной группе артиллеристов удалось прорваться через запасные выходы и уйти в лес. Они двинулись к Тахкуне, где бой еще продолжался. Другая оказалась отрезанной в подземном бункере. Их было семеро, моряков-балтийцев во главе с комсоргом командного пункта. Пока были патроны, они отстреливались. А когда боеприпасы кончились, кто-то предложил попробовать как-нибудь прорваться...

— Схватят всех,— сказал комсорг.— У меня осталась последняя граната с оборонительным чехлом. Кто не хочет плена, станем в круг...

Когда бой на батарее кончился, гитлеровцы заставили пленных выносить убитых на поверхность. В одном из отсеков обнаружили этих семерых. Двое из них были еще живы. От них товарищи и узнали, что произошло в бункере.

Хотя прошло уже более четверти века, нет-нет да и всплывет что-нибудь новое о защитниках Моонзунда. То появится в газете заметка о вручении чехословацкого военного креста партизану Лешке-моряку — А. И. Милосердову, то статья расскажет о встрече фронтовых друзей — офицера Войска Польского Х. Половняка и бывшего катерника с Эзеля Анатолия Гоненко.

С Анатолием Пименовым, сыном погибшего на островах полковника В. М. Пименова, я познакомился несколько лет назад. Молодой офицер учился тогда в военной академии и все время пытался установить, где и когда оборвалась жизнь его отца. И когда уже казалось, что всякая надежда потеряна, в газете «Советская Эстония» появился очерк «Непо-

коренные». Таллинские журналисты сообщили, что в архивах националистической организации «Омакайтсе» найдены документы о судьбе двух офицеров 3-й стрелковой бригады — начальнике штаба полковнике В. М. Пименове и военном следователе капитане Г. С. Александрове.

Оказалось, что группа прорвавшихся с полуострова Сырве защитников Сааремаа продолжала борьбу с оккупантами в центре острова. Там она напала на охрану полевого аэродрома и перебила ее. Через 15 дней Пименов и Александров были схвачены. Александров скончался от ран, а Пименов вместе с комендантом города Курессааре майором Федоровым 30 октября 1941 года были расстреляны.

Несколько лет назад на встрече участников движения Сопротивления выступал ныне покойный советский писатель С. П. Злобин. Он рассказал о мужестве балтийского моряка политрука Ивана Андреевича Кострикина в фашистском плену. Это он на катере прорвался с Хийумаа на полуостров Сырве.

Оказавшись в лагере для военнопленных № 304 близ Дрездена, Кострикин стал активным членом организации Сопротивления. Он вошел в бюро подпольной организации, а когда секретаря бюро Злобина фашисты перевели в другой лагерь, Кострикин стал во главе организации. О размахе деятельности организации говорят факты: в лагере № 304 было устроено около 250 побегов, в которые ушло до 800 человек.

Отважный коммунист, Кострикин по поручению бюро возглавил полицию лагеря и сообщал подпольщикам о планах гитлеровцев. Кострикин — один из героев романа Злобина «Пропавшие без вести».

Сведения о героях Моонзунда можно найти не только в советской литературе. В романе немецкого писателя Стефана Гейма «Крестоносцы» рассказывается о непокоренном моряке с острова Эзель, партизанившем во Франции. Несломленные, бежавшие из фашистских лагерей балтийцы, продолжавшие борьбу с врагом на земле оккупированной Европы, послужили прототипом этого героя.

В уже упоминавшейся книге В. Мельцера «Борьба за Моонзундские острова» есть такой эпизод: утром

29 сентября 1941 года над Невой фашисты сбили советский самолет. Из воды вместе с летчиком подняли артистку, выступавшую на острове Сааремаа. Ее отправили в лагерь для военнопленных.

Все ужасы плена пришлось пережить актрисе фронтовой бригады театра КБФ Вере Яковлевне Богдановой.

Сейчас В. Я. Богданова работает в драматическом театре города Петрозаводска.

Из года в год полнее становится экспозиция краеведческого музея в Кингисеппе, повествующая о мужестве островного гарнизона, о борьбе эстонских коммунистов и комсомольцев.

...У стенда, рассказывающего о зверствах гитлеровцев на островах, остановилась группа приезжих. Вот приказ коменданта острова о расстреле патриотов. Читают список: Герман Ламбер, служащая банка Сальме Китт... Фотографии людей — молодые мужественные лица. И вдруг громкий возглас:

— Товарищи! Я свидетель этого расстрела.

Участник боев на острове, в то время офицер штаба 3-й стрелковой бригады А. И. Ершов, рассказал, как 15 ноября 1941 года из лагеря, куда он попал, были взяты на работу десять военнопленных. В крытой машине их отвезли в поле и приказали рыть яму. Было это где-то в районе порта Ромассаар.

— Мы стояли ошеломленные,— вспоминает Ершов,— рыть могилу для себя! Гитлеровцы и их подручные заставили взяться за лопаты. Дело двигалось медленно. Грунт был каменистый. Поэтому старший команды, вместо второй ямы, приказал углубить воронку от бомбы, находившуюся по соседству.

Вскоре на дороге показались легковая и две крытые грузовые машины. Нас отвели в сторону. Вылезли шестнадцать человек белоповязочников из фашистской организации «Омакайтсе», зарядили винтовки. Последовала команда, из машины вышел человек. Он бросился бежать к кустам можжевельника. Залп свалил его. Затем вывели женщину. Она смело подошла к вырытой яме и тоже упала. Третьим вышел высокий мужчина. Этот поднял кулак над головой и что-то крикнул палачам. Так были расстреляны все десять. Нас заставили зарывать трупы.

Так в краеведческом музее А. И. Ершов встретился со своим страшным прошлым.

Иная встреча произошла у капитана М. Ф. Морковкина. Во время войны он служил на острове в штабе противовоздушной обороны. В числе немногих ему удалось прорваться с полуострова Сырве. Он добрался до Кихельконны, где до войны размещался штаб, и попросил крестьянку Александру Грипп укрыть его.

Два месяца скрывался Морковкин на сеновале. Но его выследили члены «Омакайтсе». На допросах они избивали Морковкина, требовали указать, кто помогал ему.

Через четверть века защитник острова Сааремаа Морковкин встретил на острове Александру Грипп и от всего сердца пожал ей руку.

Уцелевшие после боев с благодарностью вспоминают своих эстонских друзей, дружба которых проверена войной. Храбро сражался против оккупантов комсомолец из Мустьяла Афанасий Лаус. Гитлеровцы расстреляли его. Врач Бондаренко с большим уважением говорит о мужестве санитарок Хельми Пупарт и ее сестры Хильды Вирвесте, передававшей продукты раненым военнопленным.

Много лет подряд, неизменно привлекая внимание посетителей, экспонируется в Музее истории Ленинграда клятва балтийцев с острова Хийумаа. Шло время. Становились известны все новые и новые факты беспримерной храбрости и отваги, проявленные защитниками Моонзунда. Но о балтийцах острова Даго, пославших перед смертью свой привет Родине, по-прежнему ничего не удавалось узнать. Оставалось даже неизвестным, где служили они: на одном из катеров, в береговой обороне или в инженерном батальоне?

И вот несколько лет тому назад выяснилось, что в Ленинграде на прядильно-ниточном комбинате «Красная нить» работает помощником мастера участник последнего комсомольского собрания на Хийумаа Николай Прохорович Кузьмин.

Однажды мне позвонила московская работница Мария Ивановна Лохова и спросила, не попадалась ли среди защитников Хийумаа фамилия ее брата —

Григория Ивановича Орлова. Он участвовал в боях на этом острове и в 1941 году пропал без вести. Видимо, на Хийумаа воевал не один человек с этой фамилией. Кто подписал клятву: Григорий Иванович или его однофамилец?

На ленте бескозырки золотом слова: «Краснознаменный Балтийский флот». У краснофлотца на фотографии простое русское лицо, крепкая фигура, на груди значок «ГТО».

Так вот он какой, балтиец с Хийумаа! Комсомольский вожак, общительный парень, у сестры которого сохранилось с десяток фотографий краснофлотцев с надписью: «Другу Грише».

Григорий Иванович Орлов родился в тот памятный год, когда в стране победила Великая Октябрьская революция. И отец его, и дед всю жизнь обрабатывали небольшой клочок земли в 40 верстах от Рязани. Такая же участь ждала и Григория. Только Великий Октябрь принес освобождение трудовому народу.

Григорий ходил в сельскую школу, летом работал в поле. Это было время первых пятилеток, пора больших преобразований в советской деревне. Стране нужны были люди, которые могли бы управлять новыми машинами на селе. Орлов был среди тех, кто пошел в школу механизаторов. Вскоре молодому специалисту доверили работу на тракторе.

Наступило время службы в армии. На медицинской комиссии, проверив здоровье паренька, сказали:

— Годен во флот.

Так Г. И. Орлов оказался на острове Хийумаа.

На фотографии Кузьмин узнал своего боевого товарища. А потом откликнулся еще один участник последнего комсомольского собрания на Тахкуне — ныне ленинградский рабочий С. С. Веркин.

Родных Курочкина и Конкина разыскать не удалось.

О Курочкине и Конкине пока лишь известно, что оба они были комсомольскими активистами с 316-й батареи. Кажется, на Тахкуну их перевели весной 1941 года с Эзеля, с батареи капитана Стебеля.

Мы даже не знаем имен этих героев.

Многие участники этой беспримерной обороны

числятся без вести пропавшими. Пока не установлено, кто яростно дрался в окружении в районе Кихельконы, о чем свидетельствуют немецкие документы; где и при каких обстоятельствах погибли М. З. Шкарупо, С. С. Непомнящий, В. А. Ларин и сотни других товарищей. До сих пор не удалось разыскать зарытое знамя 3-й стрелковой бригады.

После войны в Ленинграде на заводе «Союз» работал токарем-лекальщиком отважный подводник Николай Никишин, который вывел из затонувшей подводной лодки двух своих товарищей. Человек, сохранявший самообладание в самых сложных ситуациях во время войны, так же решительно поступал во всех трудных случаях жизни после нее. Однажды ночью балтиец услышал женский крик. Не раздумывая, он вступил в борьбу с бандитами, защитил женщину, но сам пал от руки преступников.

По-разному сложилась судьба защитников Моонзундского архипелага. Вернувшись из плена, поселился на родине, в городе Гусь-Хрустальный, командир героической 43-й батареи капитан В. Г. Букоткин.

Ныне Василий Георгиевич — помощник мастера ткацкого производства на заводе «Стекловолокно», уважаемый человек в городе. В 1966 году он и его помощник лейтенант А. П. Смирнов из города Иванова присутствовали при открытии обелиска в честь героической батареи на полуострове Кюбассааре.

На Кавказе работает командир башни 315-й батареи А. М. Шаповалов. Парторг этой же батареи Н. П. Пушкин — в Ленинграде. Он электрик на железной дороге. В Иванове живет и командир 2-й саперной роты А. А. Савватеев.

Несколько лет назад на Урале умер один из героев обороны Моонзунда — полковник Н. Ф. Ключников.

Только в 1960 году покинул остров Сааремаа Г. А. Егорычев. Он женился на Людмиле Побус, и теперь они переехали в небольшой городок на Моонзунде — Хаапсалу. У них растет сын Андрей.

Некоторые участники боев за Моонзунд до сих пор продолжают службу. В Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе в Ленинграде служит бывший начальник политотдела БОБРа Л. Е. Копнов. Ныне он контр-адмирал. Недавно с Тихим океаном

расстался Герой Советского Союза В. П. Гуманенко. Его боевой товарищ по оружию, тоже удостоенный высокого звания Героя Советского Союза, Б. П. Ущев служит в Ленинграде. Один из руководителей обороны, генерал-лейтенант запаса Г. Ф. Зайцев, живет в Москве.

Красноармеец Георгий Ладонщиков стал поэтом. На слова другого поэта — руководителя фронтовой бригады артистов С. Б. Фогельсона — композиторы написали немало песен. Уходившая с Сааремаа на последнем катере популярная актриса В. П. Телегина продолжает сниматься в кино.

В 1961 году на встрече участников обороны Моонзунда в Ленинграде впервые после долгой разлуки увиделись мать и дочь Щербаковы. Летом 1940 года Мария Яковлевна со старшей дочерью одной из первых приехала из Архангельска на Моонзунд. На этот раз она прибыла с Севера, чтобы увидеть потерянную 20 лет назад младшую дочь Зину. Шестимесячная девочка вместе с отцом — писарем из штаба БОБРа — осталась на захваченном врагом Сааремаа. Матери со старшей дочерью удалось эвакуироваться.

И вот мать и дочь снова вместе. Высокая большеглазая девушка с трудом подбирает русские слова и очень смущается, когда говорит неправильно. Она родилась и всю жизнь провела в Эстонии. Кончила там семилетку, техническое училище, стала работать на заводе в Таллине. Судьба отца Зины Щербаковой так и остается неизвестной. Видимо, он разделил участь многих защитников островов.

На этом можно было бы кончить рассказ о семье Щербаковых, простой русской, столько пережившей семье. Не раз из газет мы узнавали о радостных встречах близких людей, потерявших друг друга в годы войны. Но на этот раз счастливой семьи не получилось. Слишком разными оказались Зина и ее мать. И виновата в этом война, которая не только унесла миллионы жизней, но и искалечила судьбы многих живущих.

...Встречи, встречи.. Сколько их, радостных и грустных, веселых и неожиданных, было за эти послевоенные годы.

Осенью 1966 года поезд из Москвы подошел к пер-

рону таллинского вокзала. Моросил дождь. Суетились встречающие. И вдруг раздался голос диктора:

— Участников героической обороны Моонзундского архипелага, прибывших на празднование 25-й годовщины обороны островов, просят собраться у выхода из вокзала.

И вот уже около морского офицера — представителя дважды Краснознаменного Балтийского флота — останавливаются немолодые люди. Двое пристально смотрят друг на друга.

— Василий Георгиевич?

— Колегаев!

Букоткин обнимает высокого седого человека. Улыбаясь, кричит Смирнову:

— Это же дядя Вася, дядя Вася-водовоз!

Подходит пожилая полная женщина — Харитина Никитична Коваленко, учительница с Украины. Она приехала, чтобы разыскать следы своего сына Георгия Ивановича. Он служил на 315-й батарее у капитана Стебеля и пропал без вести четверть века назад.

На какое-то время радостное оживление среди приехавших затухает. Мрачнеют лица, ветераны вспоминают погибших. Но подходят новые товарищи, и снова возгласы, объятия, поцелуи.

В этой поездке летчик Гузов встретил зенитчика Молофеева, чьи артиллеристы подобрали его и вывезли раненного после тарана вражеского самолета на тягаче с боеприпасами. Здесь же лейтенант Яков Степанович Поелуев разыскал спрятанные им 25 лет назад документы 5-й береговой батареи.

Обелиск на Кюбассааре, закладка монумента на полуострове Сырве, открытие памятника в городе Кярдла. Три дня чествовала Эстония своих героев — участников обороны Моонзунда. Президиум Верховного Совета Эстонской ССР вручил большой группе ветеранов Почетные грамоты. Двое погибших героев — А. М. Муй и полковник В. М. Пименов — к 25-летию обороны посмертно награждены орденами Великой Отечественной войны первой степени.

...Погожий летний день на Моонзунде. Морской ветер колышет кусты шиповника у дороги. Алые цветы пламенеют в густой зелени, словно напоминая о пролитой крови.

Рассказывают ветераны о прошлых боях. Их внимательно слушают молодые пограничники. И в этот мирный день нашей великой Родины вспоминаются стихи погибшего балтийца Юрия Инге:

Когда говорят орудия
И дрожат голоса сирен,
На защиту покоя грудью
Поднимается остров «Н».
В клочьях пены, огня и дыма
Тонет трижды отбитый враг.
Славный остров стоит нерушимо.
Гордо реет багровый флаг.

С каждым годом сюда приезжает все больше и больше людей. Меридианы балтийской славы, как магнитом, влекут их. Да, интересно увидеть замок епископа, озеро Каалиярв, образовавшееся на месте падения метеорита, старинные маяки. Но не это главное на островах.

Вместе с туристами едут и те, кто в тяжелую осень 1941-го насмерть стоял на берегах Балтики. Немолодые, сдержанные, взволнованные. Их легко отличить в шумной толпе туристов. Многие приезжают с детьми: пусть молодежь увидит старые окопы и взорванный железобетон, потемневшие доты с пустыми глазницами амбразур. Пусть оценит великий подвиг отцов.

Молодой друг! Если тебе доведется побывать на Балтике и в свинцовой дымке как бы из воды поднимутся маяки Моонзунда, вспомни, что на этой земле в боях с фашизмом героически сражались твои ровесники.

25 коп.

